

Клуб N

Литературный альманах

Москва

«Андерлехт-консалт»

Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре)

2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
К51

Клуб N. *Литературный альманах*. – М.: ООО «АндерлеГт-консалт», Центр поэтической книги (при Русском Пен-центре), – 2013. – 144 с. – ил.

ISBN 978-5-9903616-1-4

ISBN 978-5-9904715-1-1

Новый выпуск ежегодного литературного альманаха «Клуб N» продолжает намеченную в первом выпуске линию: печатать произведения членов клуба, а также приглашенных гостей и публиковать материалы своего литературного архива.

В этом выпуске значительный блок прозы уравнивается не очень объемными, но весьма разнообразными по форме стихотворными подборками.

Авторы альманаха живут по всему миру, и при этом каждый в своем мире, который они и раскрывают читателям.

ББК 84(2Рос=Рус)-5

- © ООО «АндерлеГт-консалт», 2013
- © Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре), 2013
- © Михайловская Т.Г., составление, 2013
- © Коллектив авторов, 2013
- © Галечьян В.А., Михайловская Т.Г., Осепян Л.О., обложка, 2013
- © Галечьян В.А. оформление заставок, 2013
- © Осепян Л.О. и др., фотографии, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЭХО

К 75-летию Дмитрия Авалиани

Александр Бубнов. Магия и мистика палиндромии.

Заметки о творчестве Д. Авалиани 7

Дмитрий Авалиани. Стихи. *Публикация А. Бубнова*.....10

Михаил Вяткин. Авалиани. *Стихи* 12

ПРИГЛАШЕННЫЕ ГОСТИ

Сергей Сигей. Фор мат а пять. *Стихи* 15

Совместный ПРОЕКТ

Вилли Мельников – Александр Лаврухин.

Непереводические поэзо-глифы 20

СВОЯ ТРАЕКТОРИЯ

Борис Ванталов. Стихи 33

Наталья Осипова. Два стихотворения 38

Эсфирь Коблер. Письма одиночества 39

Наталья Кузьмина. Рассказы 44

Сафранский Валерий. Поэма отсутствия. *Фрагмент эссе* 58

Наталья Юлина. Африка 71

Елена Твердислова. Меа шеарим – сто ворот.

Фрагмент романа 87

Андрей Цуканов, Людмила Вязмитинова.

Гроза на Лонг-Айленде. *Рассказ* 95

Валерий Галечьян. Пионовый фонарь.

Сцены из средневековой японской жизни 101

Татьяна Михайловская. Радуга в слезах. *Рассказ* 120

Об авторах 139

210

Александр Бубнов

МАГИЯ И МИСТИКА ПАЛИНДРОМИИ

10 лет назад ушел от нас Дмитрий Авалиани,
а 30 лет назад появилась его первая скромная публикация в газете «Советская Россия».

Многие авалианиевские палиндромы сейчас читаются совсем иначе, чем прежде. Поэт даже сам акт своего ухода возвысил до художественной значимости, ничего специально не делая для этого.

Я НЕ МЕЖ ИНЫМИ, И «МЫ» НИЖЕ МЕНЯ.

Memento... Единственное, что известно наверняка, – неизбежность конца физического бытия. Но «в начале было Слово». Слово/Логос. С концом физического тела происходит начало высвобождения творений Поэта, пространственно-временное «разбегание», торжество, фестиваль, праздник ГАЛАктических форм авторской Вселенной – с многообразием и многоОбразностью ее больших и малых планет с их тропами, тропиками, авалианами... Уйти, убежать, пробежаться по формам и смыслам и вернуться «обратным течением речи» (как определил палиндром Велимир Хлебников).

Это нас и сейчас ушедший Поэт «попрекает» своим палиндромом:
НЕЧЕ БЫТЬ – ТЫ ВЕЧЕН.

Простая и изящная квазипоговорка, связанная с «Небом», любимым словоконцептом Авалиани:

ДОРОГО НЕБО, ДА НАДОБЕН ОГОРОД

в палиндромии Авалиани стала подобна «Танцу с саблями» в творчестве Арама Хачатуряна – настолько этот палиндром популярен. Но и настолько же Авалиани (как и Хачатурян) недолюбливал свой шедевр, больше ценя опусы посложнее, в образно-ассоциативном смысле. И тут однажды, как бальзам на душу, пришел к нему поэт Герман Лукомников да и сказал, полностью соблюдая форму палиндрома: «Дорого небо! Да! Не надобен огород!». Чем и вызвал полное согласие «пародируемого».

Даже весьма узких «палинДмитрических» наблюдений достаточно, чтобы осмыслить авалианиеву Поэтэтику. Так, пушкинский палиндрософизм (из “Вакхической песни”) «Муза / разум» развит в шедевр-*монопалиндром* (длинный палиндром) «Муза, ранясь шилом опыта, ты помолишься на разум!». Авалиани возвысил Палиндромию в *Палиндрософию* («Я суцц? – Тщуся...»), каламбурную *панторифму* превратил в строгобуквенную *пантограмму* («Не бомжи вы – небом живы!», «Поэта путь мой – по этапу тьмой!»), в строгой последовательности одних и тех же букв он находил многосмыслие и многомыслие, двойное чтение, омографику, омограмму... Даже в старом “формате” Мастер нашел свое место: палиндром-победитель конкурса газеты «Советская Россия» за 1983 год – «Мир, о вдовы, водворим!» – создан будто сейчас.

В 1992 году, ровно за 11 лет до своего ухода из жизни, Дмитрий Авалиани предложил для публикации в мое издание о палиндроме «АмфиРифмА» один небольшой палиндромический текст, сразу поразивший меня своей силой и одновременно – формой прошедшего времени последнего глагола. Текст поверг меня в некоторое смущение перед автором.

**Я НЕ МИЛ, А ВЗЯТ, И МЕЧТОЮ ЯРЕМ УМЕРЯЮ, ОТЧЕ,
МИТЯ ЗВАЛИ МЕНЯ.**

Помню, я выдавил из себя: «Дмитрий Евгеньевич, это что?.. Эпитафия?..» «Ну да, Саша...», – ответил он после небольшой паузы, с интонацией извинения... Извинения перед кем?..

Магия палиндрома – не досужие вымыслы. О неисследованных магических функциях палиндрома писал еще Ю. Лотман в своей работе «О семиосфере». Семиосфера палиндрома, энергия и магия палиндромии окутывала все поэтическое пространство вокруг Авалиани, лианами произрастала, проникала в его поэтику, в его палиндромы... Со странным мистическим чувством я однажды вспомнил один из палиндромов Авалиани, сочиненный им тоже, как и предыдущая эпитафия, ровно за 11 лет (палиндромное число) до своего трагического ухода. Прежде всего память извлекла начало этого палиндрома – «ниша метро...» Прочел назад и вспомнил окончание – другую метафору: «...в аорте машин». Обе метафоры в сумме и есть описание последних минут жизни Поэта: в ночь с 18 на 19 декабря 2003 года, возвращаясь домой, Авалиани вышел из метро и был сбит машиной. Не заметил ее... Не увидел... Форма

больного позвоночника не позволила повернуть вовремя голову и увидеть автомобиль... Одна форма трагически продиктовала другую, подтвердила ее... И... дополнила палиндром за 11 лет до этого еще одной метафорой (сердину этого палиндрома я извлек уже из архива): «автор – крот». То, что увидел Авалиани как автор палиндрома, трагически НЕ увиделось наяву («крот»!), когда этот палиндром воплотился в реальной форме бытия... Провидческий палиндром Дмитрия Авалиани, сочиненный им в 1992 году, полностью выглядит так:

НИША МЕТРО. АВТОР – КРОТ В АОРТЕ МАШИН.

Палиндромистика трагедии довершается тем, что это едва ли не единственный палиндром Авалиани, написанный им под псевдонимом (не упомяну уже каким именно), – для конкурса палиндромов, объявленного газетой «Поле чудес» в 1992 году. Может быть, автор, «отгородившись» псевдонимом, интуитивно пытался дистанцироваться от образов своего же текста?..

Отпевание Поэта свершалось в Церкви Космы и Дамиана в Столешниковом переулке – в той самой церкви, где когда-то едва ли не в единственном месте можно было обрести книги Александра МЕНЯ... («Я НЕМ»). Но за автора, точнее, автором говорят тексты, оставшиеся у нас, подаренные нам...

Литерософия алфавитного микрокосма объективно ставит Авалиани – по трем первым (палиндромно выверенным) буквам – вровень с АВАНгардом, а по четвертой, СонорХроноС'ной – впереди Авангарда. В макрокосм Поэзии. В первые страницы антологий, энциклопедий, словарей... Ава... Авва!.. «...Отче, Митя звали МЕНЯ»...

В завершение приведу еще несколько «рефлексирующих» философических *монопалиндромов* Дмитрия Авалиани, хранящихся в моем личном архиве. Деление на строки он предоставлял мне, а прописные буквы и знаки препинания, кроме необходимых вопросительных, ставить не любил, объясняя это стремлением к большей чистоте формы и к созданию более благоприятных условий читателю и самому автору для обратного чтения, для проверки формы «бегущего назад», что и означает *palindromeo* по-древнегречески.

Дмитрий Авалиани
(1938–2003)

*

рад я себе
но били меня
я не мил
ибо небес я дар

*

яр
зол
еда худа
а дух? а дело? зря?

*

суха буква рту
сорву кину ту
тунику в росу
травку бахус

*

теку блажа
зла нет
стон отстена
зажал букет

*

Мите-лопуху
дано на духу
полетим

*

я Митек-сатир
отвопил отчудя
сяду что ли
повторит аскет
имя

Михаил Вяткин

АВАЛИАНИ

По тропинке вьётся след
Впереди-за-нами
Крутит свой велосипед
Ах! Авалиани

Нажимает на педаль
В лужу с фонарями
Перевертывает даль
Ах! Авалиани

Отражается страна
Не видать глазами
Ведь у зеркала нет дна
Ах! Авалиани

Угощает нас вином
Из бутылки Клейна
Но «Возможно Бог – кругом»
Пьём благоговейно

Он возвратный смысл слов
Пишет вверх ногами
Наливает до краёв
Ах! Авалиани

Тонет птичья глубина
Высоко над нами
Тихо смотрит из окна
Ах! Авалиани

приглашенные
Юсти

Сергей Сигей

Фор мат а пять

1)

арба поэзии стыдливо
молотит вздор колесами простынь
плюнь
остынь
глотни кефира
кифара струнами эфира
красива фира
фара рун
юни тынь
нами эфи
растры мира
сверкай полтина
блести тыщара
за нее
поэты чавкают вино

1984

2)

косите пазух
стреляет ваза
рвотрёп лепёк
амуры глаза

куа - рио - ок
ку - рывок - рок
стреляет собака
зубцами клац
печаль аднака

муар вселенной
кажись дваяк
паэт сжимает стихами вояк
всяк

1984

3)

ига игорь
где ты был
в тридцать седьмом
или позже всяких жыл
на фантанке водку пил
сам кушил
привкусом соли
усатому стали
томатом крови
древнему греку
огнемётная пена
разрезная вена
большая букофь бала
валгалла млин
опять шэрри мэри
да ста лет тарот
никого не продал
ал рот
тако бы всякому
малочной краюшкой младости
вина и жизни
адости

2010

4)

мужики не делали цэловать
бабы не делали падать
зато козы не делали брыкать
задо имели хатеть
сон опаслять

1978

5)

воспета пушкиным форэль
с вином синеет рьяно
свинина дикая торчит
под зелени кусками пьяно
прощай ва льду сабли
уж роцца аблетела
столетних бя
доставшийся табак
затих да тик да так
засушеным землянам

2009

6)

о франция
тот не мышь
если гаврош
режет веник
в поисках любизны
волоку прекрасную даму
в палачи
расстреливают невинных
в мировой ночи
среди вереска
среди любезны бивуака
под башней пизы
теперь я винный
для любивака
поставил музу
раком

1997

7)

татьяна вассильевна
желаю доброго здоровья
или долгих лет жызни
серафима ильинишна

1980

совместный
проект

Вилли Мельников, Александр Лаврухин

Непереводимые поэзо-глифы

Перевод текстов Вилли Мельникова:

К рис. 1 (стр. 21)

Страдание (с фарерского)
рай (с китайского)

К рис. 2 (стр. 22)

Го,-Голь!=[го] (*яп.*) - веселись!
[голь] (*фр.*) - плеть.

К рис. 3 (стр. 23)

<Икшью:> Строки,
Оперённые своей непрочтённостью,
пригодятся неподписанным ножнам,
использованным клинками в качестве
конвертов: но ответные письма
изрубленных подстрочников -
- бессловесны...

К рис. 4 (стр. 24)

<гэлльский:>
Имеющий крылья
часто спотыкается о
нежелание лететь в стае,
оперённо опираясь о каменистую
не-зримость пустоты...

К рис. 5 (стр. 25)

<угарит:>
Приручивший самые
без(пар)донные пропасти
оказывается съедобным
притаившимся в них
эхом криков тех,
кого уговорил искупаться
в собственном бесстрашье...

К рис. 6 (стр. 26)

<дрегович:>
Разглаживая увядшее Завтра,
не растопчи недозревшее Сегодня:
ветвистой кроне Вчера надоело
притворяться корнями!..

К рис. 7 (стр. 27)

<элам:>
Вопросы танцуют на многоточиях,
Когда обуты в пуанты запятых
над «i»...

К рис. 8 (стр. 28)

<манчжурский:>
Когда обездвижен смех,
пусть хотя бы строки-слёзы
танцуют!

К рис. 9 (стр. 29)

<фарер:>
Медь, опьянённая тусклостью серебра,
режет золото до оловянной крови...

К рис. 10 (стр. 30)

<мохенджо-даро:>
Бессонница,
Призывающая ветер
забытья снов; - её
пробуждение от себя похоже
на пересыхание
неврытого колодца...

ଶ୍ରୀକୃଷ୍ଣ

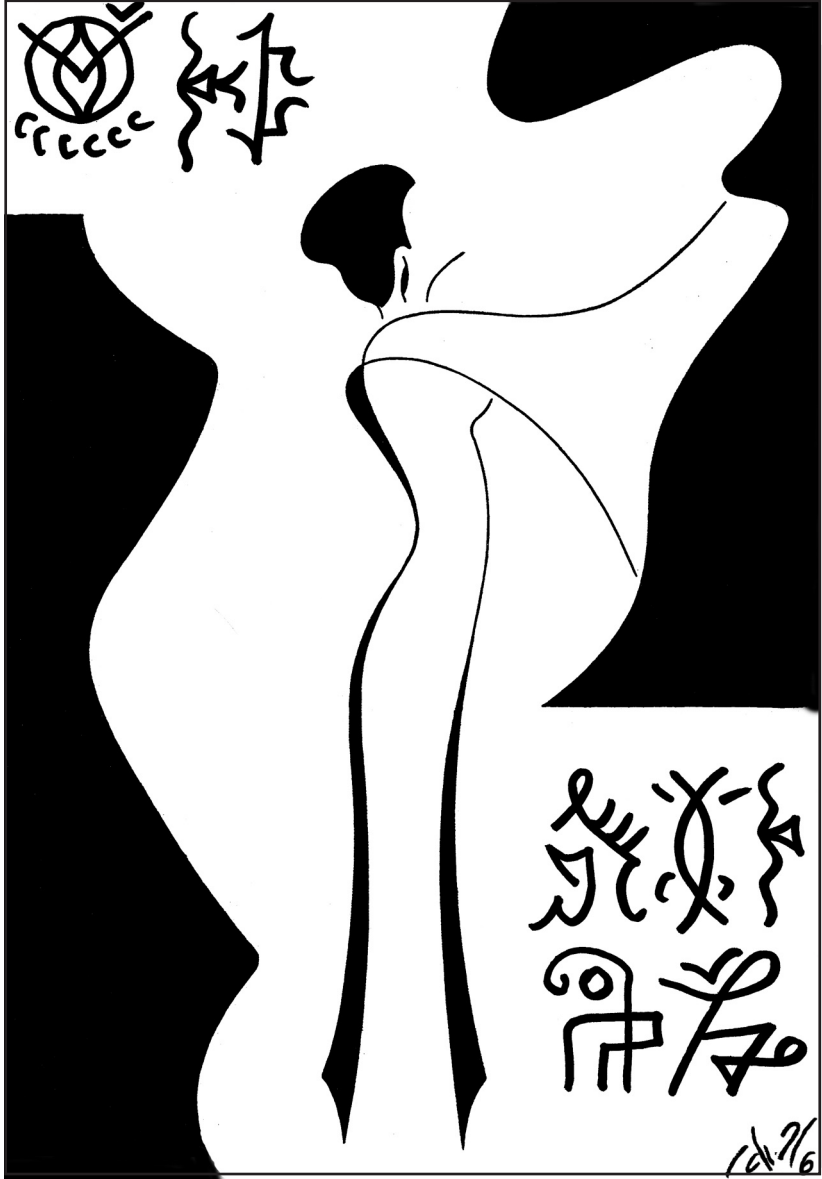

ଶ୍ରୀକୃଷ୍ଣ
ଶ୍ରୀକୃଷ୍ଣ
ଶ୍ରୀକୃଷ୍ଣ

୧୫/୬

свои

траектория

Борис Ванталов

И что такое это было?

Дракон

Пролетая над оврагом бытия,
шебуршит мозгов бумагой,
как змея.

Чешуею букв мерцает
в полумгле.

Ничего никто не знает
на земле.

***

Поленницы простертых тел
на этажах домов, домищ, домишек.
Господь зачем-то захотел
забрать треть жизни у людишек.

Они, завернутые в бред,
лежат, младенчески воркуя.

Нас ночью нет. Нас ночью нет.
Мозг сбросил эго. Аллилуйя!

Читательский абонемент

Мозг, ватрушка тишины,
в черепе листает сны.

Сквозь хрусталика окно
смотрит здешнее кино.

Вспоминает Летний сад,
бывший город Ленинград,
папу, маму, гастроном,
тела выжатый лимон.
Сонник близится к концу...

Тварь, верни его Творцу!

***

Как странно прошлое. Оно
на привидение похоже.
Немое памяти кино.
Мороз по коже.
Вдруг время пятится назад.
Перешагнув глазную яму,
ты видишь старый Летний сад,
себя в коляске, молодую маму,
на небе стаи облаков,
деревьев ветки золотые.

Реально всё. Без дураков.

Кто мы такие?!

***

Я было множеством всего,
что вышло вдруг из ничего.

Теперь от прошлого устав,
достиг летейских переправ.

Сижу на этом берегу.
Другого нет. Ни гу-гу-гу.

***

Не слышу бывшего меня.
И что такое это было?

Мне мозг — родня. Мне мозг — родня.
Всё остальное вдруг уплыло.

Нет никакого языка.
Ни психологии. Ни рода.

Плывут в сознании облака
абстрактного бориса аксельрода.

Улица Красных фонарей

Два серо-красных кочана.
Там пеленают в имена.

Они купаются в крови,
задумчивые пузыри.

У неизвестности внутри
мерцают мозга фонари.

Полнолуние

Став беспредметником себя,
абстрактом мозговых извилин,
я вспоминаю вас, друзья,
в ночи, томясь, как старый филин.

Давно ушедшие во тьму,
вдруг появляетесь без стука.
Вы – живы вопреки всему!
И воеет во дворе наука.

Непостижимостью больна,
она скулит, на звезды глядя.
А пышнотелая луна
смеется: «Полетаем, дядя!»

Мегафизика

Их больше нет, товарищей моих.
Электроток воспоминаний
скользит в извилинах, как стих,
над свалкой нищих полужнаний.
Мерцанье лиц в небытии.
Тех голосов забытых шепот.
Вы стали атомы мои.
Мы Резерфорд. Мы ставим опыт.

Тео\а\гония

Михаилу Евзлину

Исчезнут воздух и вода,
белки, жиры и углеводы.
Ни грамма не останется Природы.
Всё денется неведомо куда.
Развитие забьется в Никогда.
Спираль в клубок свернется, словно сука.
Ни атома, ни звездочки. Лишь сука.
Тут станет тише, чем всегда.
Настанет царство Ничего.
Дух отойдет в покои...
И что мы были для него,
обои?

***

Мать-вселенная погасла.
Космос – бархатная тьма.
Не скворчит сознания масло.
Слышишь, Гамлет? Ти-ши-на.

Энтропия! Энтропия!!
Мозга черная зима.
Что там Запад?Что Россия?!
Жизнь сожрет себя сама.

***

Повеял свежий ветерок,
благоухающий нирваной,
и вдруг сознание поволокло
из этой ямы окаянной.

январь-сентябрь. 2012

Наталья Осипова

***

из-под красного века
неоновой вывески
пораженной тиком
страшно теперь
заглядывать в окна
где раньше
хотелось пожить
но в сыром воздухе
под черемухой
есть еще что-то
от оптимизма
интернациональных бригад
тридцатых
есть еще что-то
от верящих в себя
пятидесятых
— осталось в воздухе
возле цветущих яблонь
но меня тогда еще не было

***

желтая лампочка тусклое солнышко
в сумерках под потолком
здесь на Петровке узкое горлышко
после пота комком
ежится тает несется в промоине
валится с крыши ничком

Эсфирь Коблер

ПИСЬМА ОДИНОЧЕСТВА

В холодную пору, в местности, привычной скорей к
жаре,
чем к холоду, к плоской поверхности более, чем к горе,
младенец родился в пещере, чтоб мир спасти...

Иосиф Бродский

Письмо первое

Теперь для меня наступила такая пора, когда, «земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». В лесу полного одиночества. Странная фраза. Лес одиночества. Но это так. Вокруг полно знакомых, даже приятелей, жизнь бурлит, а сказать о какой-то духовной личной, своей, потаенной глубине — некому. Иных уж нет, а те — далеке. Те, с кем мог бы поделиться самим собой. Прости меня, Господь, Бог мой, я прошу смиренного разрешения обращаться к Тебе из самой глубины души моей.

Всю ту часть своей жизни, которую я могу назвать зрелой, я думал о Тебе и обращался к Тебе. Но раньше, в годы молодости и силы, жизнь была на первом плане, а размышления о Тебе только фоном, на котором она, моя жизнь, разворачивалась. Сейчас все по-другому. Я перешел какую-то черту. Теперь Ты — смысл и сущность моего существования, а моя жизнь разворачивается где-то в стороне, и я смотрю на нее из невозвратной стороны.

Жизнь моя протекает предо мною как река; было в ней много радости и много печали, но только теперь, когда ушли все ближние мои, а молодые, да будут они здоровы и счастливы, живут своей жизнью, им не до меня; так вот, когда ушли те ближние, которым

я был интересен и нужен, когда смертельная болезнь поразила меня, только тогда до конца осознал я учение отцов церкви, понял, что тяжкое испытание дается нам для осознания любви к Тебе, Господь, Бог мой. Кроме Тебя, ничто и никто не интересен мне в жизни теперь, я только исполняю свой долг по отношению к тому, что зовется жизнь и судьба.

Храни меня, Боже, ибо я на Тебя уповаю (Псалом 15).

Письмо второе

Вот у Бродского: «В пустыне, подобранной небом для чуда», как это точно! Образ пустыни – он через всю Библию проходит. Пустыня – место, где только Я и Ты. В пустыне Моисей водит свой народ 40 лет, в пустыню удаляется Иоанн Креститель, даже Твое искушение – в пустыне.

В пустыне нет препятствия между мной и Тобой. Моя душа – вместилище Твое, а это значит, в пустыне, я в бесконечности, как и Ты. Самопознание самого себя только с Тобой. Никого – и звездное небо надо мной, и песок, или в России – бесконечная снежная пустыня. То, что там и так узнаешь, никогда не забудешь, навсегда останется в душе. Но это и момент искушения для слабого существа – человека. Если же сатана и Тебя искушал, приступая к Тебе в пустыне, в бесконечности одиночества, то уж человека искусить...

Мы ведь не можем до конца понять, что свято, а что от гордыни. А если вышел из пустыни с убеждением, рожденным в душе, что собственное убеждение – Твоя воля? И пошел утверждать не Твою, а свою «истину». Утверждается она огнем и мечом. А значит, не Твоя это воля, а моя. Но мы не понимаем. Вот и ужас нашего искуса.

Есть только один путь различить от Тебя дано или от себя самого родилось. То, что от тебя – любовь и добро, то, что от человеческого самомнения и гордыни – приводит к «мечам и пожарам».

Оказалось, что проще сконструировать механического человека, в смысле, внушить ему все, что иной честолюбец посчитает нужным, и заставить человека плясать под любой напев, чем просто оставить человека наедине с Тобой. Такого испытания человек зачастую не выносит.

Между человеком и Тобой теперь города, самолеты, телевидение, интернет, телефон. Когда же я с Тобой? Только тогда, когда читаю,

слышу Слово Твое. Оказалось — невыносимо. Кровь, которую мы пролили за тысячелетия, встала между Тобой и Твоим творением. Она выступает из всех пор земли и заслоняет Твой Свет.

Боже! Не отвращай от нас, грешных, Лица Своего!

Звезда от других отличалась
сильней, чем свеченьем, казавшимся лишним,
способностью дальнего смешивать с ближним...

Через Христа мы стали Твоими ближними!

В кого бы ни веровал человек, как ни называл Тебя, но ведь Он был на земле! Если человечество исчезнет, то где будет Дом Твой, Господи? Ты — всё и во всё. Но ведь наша душа живое упование Твое! Неужели мы неисправимы?

Письмо третье

Темные времена настали. Цивилизация, устроенная без Тебя, оказалась удобнее и выгоднее духовной культуры, медленно вращиваемой человеком в себе. Вот, например, уже доказали, что изображение животных в неолитических пещерах — это не сцены охоты, как думали раньше, а изображение звездного неба, как его увидел человек, впервые подняв голову ввысь. Осознав себя, человек осознает, что полнота его, когда Я — Ты, вместе. Вот когда мы отделены, то ищем замену. Я и другое Я, искусство, наука, блага цивилизации и тому подобное. Но вот если как у меня: Я — и ничего вокруг, никого рядом, пустота; один шаг до последней бездны, до невозвратной стороны...

Неужели и тогда не осознаем, в чем же полнота бытия? О, Данте это чувствовал прекрасно! Все рухнуло, все ушло. Есть только дорога ада или Рая. С Тобой или без Тебя. Но в мире современном точка в сердце, где есть Твое присутствие, не считается доказательством Твоего Бытия. Доказательством является для нас, для человек, только достижение науки, то есть изобретение или познание человеческого ума. В какую же бездну абсолютного одиночества должен упасть человек, чтобы очнуться? В чем же путь к спасению? Через что надо пройти?

Письмо четвертое

Вот сейчас слушал страстное «Болеро» Равеля. Как любил я в юности эту музыку! Вспомнились мне все мечты, которым я предавался, слушая Равеля, вспомнились юные надежды, и то ощущение бесконечности, где я, тогдашний молодой советский атеист, встретил Тебя, встретил и не поверил. Я не знал, что такие встречи бывают. Я самонадеянно думал, что видение бесконечного, этот орлиный взгляд на землю с высоты моего внутреннего мира, что это – я сам. Я думал, что музыка, поэзия, литература, боже мой, даже красота физики и математики, которые завораживали меня, все это – я сам. Человек горд и эгоистичен. Он может всю жизнь оставаться атеистом, быть этичным, добрым, умным, великим ученым даже, но так и не увидеть Тебя, не почувствовать точки в сердце.

Однако, поколение за поколением, отрешенные от Тебя, вырождаются; они становятся холодными, трезвыми и спокойными, равнодушными к чужой боли и беде.

Но я о себе. Других осуждать – чего проще. А мне пришлось пройти через такие потери, через такую боль, столько раз смотреть в лицо смерти, чтобы увидеть, наконец, Тебя. Когда же встреча состоялась, жизнь моя перевернулась.

Письмо пятое

Теперь, когда я так пошло, одиноко и никчемно умираю, одно упование мое – Ты, Господи. Ты подарил мне встречи с прекрасными людьми, Ты подарил мне музыку и книги, картины и красоту мира. Я же, бездарный, все растерял. Ибо нет бездарнее человека, который все дары Твои не удержит в себе, не удержит, не оценит, растеряет по дороге жизни, думая только о своих эгоистичных целях, о своей никчемной жизни, а не о той жизни, которую Ты ему уготовил и подарил по благости Твоей.

В юности, как всякий обыкновенный человек, имел я мечты и надежды. Я думал, что вот выучусь, совершу какое-нибудь открытие, осчастливлю человечество. Ничего не вышло из меня.

Разве в том воля Твоя? Жизнь проходит мимо. Она существует сама по себе, а я, замкнутый в раковине одиночества, сам по себе.

Жена давно ушла от меня. Я больше не женился. Дети выросли. Я им не нужен. Болезнь скоро убьет меня, а я так ничего и не понял, не узнал о жизни.

И вот теперь, из бездны одиночества, взываю к Тебе, Господи, прости меня, если простить можно подлость и пошлость обыкновенной жизни.

Жертва Богу дух сокрушен; сердцу сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит (Псалом 50, покаянный).

Письмо шестое

Господи! За что караешь Ты меня? За ничтожность моей жизни, за ошибки, за юношескую давнюю гордыню? Зачем оставил Ты мне жизнь, мне, близкому к смерти, готовому к свиданию с Тобой, а молодую, полную сил и надежд душу забрал в Царствие небесное? Почему я, переполненный усталостью и болезнями, жив, а та, которая так нужна ближним, ушла к Тебе? Я, как Иов-страдалец, стою на развалинах дома своего и посыпаю голову пеплом. Но Иов имел надежду, но он говорил с Тобой, а потому дом его и семья его Ты восстановил. А у меня нет надежды. Мы разучились говорить с Тобой, Господи. И Ты не отвечаешь нам.

Впереди у меня только жизнь вечная, но не земная, и звучит с горечью в душе моей постоянное вопрошание: «Почему, Господи?» Душа моя разрывается, и нет мне покоя.

Наталия Кузьмина

ИЗ ЦИКЛА «КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ»

О РЫБАХ

В. Ж.

Вобла – вкусная рыбка. У акулы острые зубки. У карифены злые глазки. У ската живот как салазки.

Мы брали их под Варшавой. Мы били их под Каховкой. Мы ели их в кубрике с солью.

...Акула, прильнувшая к палубе, была полнолунной и сонной, нагой в разноцветных разводах, таинственной лодкой подводной.

И мне захотелось с нею обняться.

Она была гладкой и твердой и пахла жасмином и йодом, ромашкой, сиренью и медом, потом она пахла весной, потом уже пахла сосною и шишкой еловой, потом – уже нашей столовой, подсолнечным маслом и смальцем, потом уже тем африканцем, что дал мне монету в двадцать копеек, когда мне было лет десять.

Это случилось в нашем же доме, в мебельной комиссионке. Там часто бывали Бернес, Лепешинская Ольга, Толупко – генерал-полковник и другие, известные и неизвестные люди. Я тоже любила там же бывать, поглаживать кресла, пощипывать стулья и бацать на клавикордах, оживляя бесценную рухлядь. Мои «Собачий вальс» и Огинского полонез имели неизменный успех. В тот знаменательный день я так наяривала, что мне намекнули – уйди, мол, мешаешь, кто ты такая? Я хлопнула крышкой и огляделась нахально. Тут-то африканец и сунул мне в руку монетку. Вот чудак. Да у меня таких денег в розовой кошке было штук триста! Но я улыбнулась и сказала «спасибо». Однако монета обжигала ладонь. Я решила ее рассмотреть и забежала за дом. Монета оказалась обычной. Но что-то... А вдруг?! Заразная! Я бросила монету в подтаявший снег.

(Солнце светило вовсю. Приближалась весна.) Монета сверкнула, как глаз африканца, и я пожалела ее. Подняла, отряхнула... но... Вдруг?! Заразная! Опять бросила в снег. Потом подняла. А вдруг? – Заразная! – Бросила. – Подняла. – А вдруг?! – Бросила. – Подняла. – А вдруг? – Бросила. – (Солнце заволокли тучи. Стало серо и вдохновенно.) – Опять подняла. Взяла двумя пальцами за ободок и отнесла в Дом игрушек. Добавила еще сорок копеек и купила божью коровку. Красную, пухлую, на черных колесиках... Как я тащила ее на шнурке через мост – по-моему Крымский, – одно загляденье! Она двигалась, словно живая. Я назвала ее Феней. «Феня, идем», – говорила все время я, и Феня шла и шла, перебирая колесиками мокрый асфальт. На середине моста мы остановились. (Потемнело. Началась пурга. Зима не хотела сдаваться – боролась с весной.) Мне показалось, что я внутри моря стою. А рядом со мною – не божья коровка, а рыбка, не божья, а рыбка, не божья, а рыбка, рыбка золотая!

ШУРОЧКА-АВТОМОБИЛЬ

От суеты и усталости Шурочка вывалила глаза из орбит и рухнула на спину.

Сохранив огромный импульс готовности к любому делу, клетки Шурочкиного тела превратились в микроскопические шестеренки, которые завращались, каждая со своей скоростью и в своей плоскости. Шурочка подумала, что она умерла, а она вдруг поехала вперед боком по полу, как большой сломанный заводной автомобиль. Шурочка покатила по направлению к семейному сложенному дивану. «Ну вот, – решила она, – теперь-то остановлюсь навсегда». Но не тут-то было. Безумные мощные шестеренки заставили Шурочку въехать под диван. Диван приподнялся, Шурочка сплющилась, диван опустился и укрепился на Шурочке устойчиво. Потом шестеренки, резко разогнав Шурочку, ловко сбили этажерку, которая упала на диван, а точнее – на Шурочку. Немного подумав, они хитроумным маневром навалили на нее еще полку с вещами и фисгармонью. Самопальная пирамида Хеопса, выбив входную дверь, медленно выехала на лестничную площадку.

В это время из лифта вышел благоверный Шурочки – и, как всегда, руки-в-брюки.

– Это ты, Шурец?! – крикнул он пирамиде.
– Не называй меня так, – прошелестела Шурочка.
– Шурец, и я с тобой. – Благоверный прыгнул на самый верх пирамиды, засунул два пальца в рот и по-молодецки свистнул.

Шестеренки подскочили и завращались с утроенной силой. Они мигом преодолели четыре лестничных пролета и, проломив двери подъезда, выкатились на улицу. Некоторое время шестеренки раздумывали, что бы еще на Шурочку навалить, но одумались и покатали пирамиду по главной магистрали... Так они и едут. Долго-долго. Всю жизнь.

ЦИКЛОП

Немного странно видеть себя огромной, лежащей на спине на плато, близ озера Поопо, в ложбине, точно копирующей очертания моего тела. На границе ложбины расселись индейцы Аймара. Они перебирают, словно струны арф, мои невидимые сухожилия, рассматривают печень и селезенку, тоже невидимые, и удивленно, и даже с благоговением, переговариваются, когда прислушиваются к биениям гигантского кубка моего сердца. Размеренные вибрации, которые они вызывают маленькими палочками, погруженными в поры моей кожи, заставляют меня медленно приподняться горизонтально над землей и зависнуть в воздухе параллельно поверхности плато. Индейцы смотрят вверх из-под козырьков ладоней, потом совещаются и начинают изо всех сил дуть на меня, набирая старательно воздух в легкие и следуя направляющим жестам вождя. Я покачиваюсь и постепенно отплываю от этого места. Мне остается непонятной мотивация их поступка: они проводили меня в долгое и интересное путешествие или просто отогнали, как отгоняют подручными средствами страшный фантом, что-то вроде раздутого газом прозрачного циклопа, соседство с которым может вызвать извержения вулканов или изнуряющую долгую засуху.

РАКЕТКА

Это был огромный лайнер, гораздо больше тех, на которых мне раньше приходилось ходить в океан. По внешнему виду он

напоминал американский авианосец, где однажды посчастливилось побывать на экскурсии.

На верхней палубе выставили штук сорок теннисных столов, и пассажиры играли азартно и, как мне показалось, слишком углубленно и серьезно. Легкие белые шарики летали хаотично, выскакивали за борт, а иногда прыгали по палубе, выбивая дробь с резко уменьшающимися паузами между ударами.

Солнечный свет разреживался перистыми облаками, что казалось, нас согревает последний день бабьего лета, хотя, на самом деле, лето было почти в самом разгаре – близился конец июля и день моего рождения.

Я тоже играла, и даже успешно, но меня не покидала тоска по моей ракетке. У меня в руках был неплохой пластиковый экземпляр с насечкой в верхней части. В сущности, и мяч шел, игра клеилась, но тоска не проходила. И я решила пойти поискать ракетку, хотя почти точно знала, что не найду – скорее всего, я оставила ее дома на стопке нечитанных книг.

В длинном коридоре, на второй палубе, я чуть не заблудилась, отыскивая свою каюту. Дверей было много, и все они были плотно закрыты, а таблички с номерами кают отсутствовали. Войдя, наконец, к себе, я поняла, что ракетки нет и в помине – всего-то у меня одна спортивная сумка, в которой не могла завалиться и более мелкая вещица. Мне стало совсем непонятно, зачем я решила пойти на поиски. Странно было и то, что дверь моей каюты не запиралась изнутри, и с минуты на минуту могли прийти те, кого я знала лет десять или даже, может быть, двадцать назад. И я встала, навалившись на дверь всей тяжестью тела, на случай неожиданного вторжения в какой-то необычной для себя строгости и первобытной тоске.

МЯГКАЯ ИГРУШКА

Это было много лет назад. Ее уже давно нет. И мне даже трудно вспомнить ее имя. По-моему, Света. Светочка.

Она всегда сидела за первой партой. Близоруко сощутив глаза, что-то выводила каллиграфическим почерком. И сейчас я слышу ее скрипящее перо – У-ч-е-н-и-ц-а-б-г-о- Б-к-л-а-с-а... Аккуратные тетрадки. Учебники, обернутые в яркую бумагу. Сверкающий, как новый, портфель.

В ней текли медленные соки незнакомой нам, загадочной жизни.

Мясистое лицо с крупным прямым носом, близко посаженные голубые глазки. Младенческая кожа и пухлые ручки. Словно толстая тряпичная кукла, набитая ватками и лоскутками, двигалась и дышала в параллельном мире.

Трудно сказать, чему она училась. Ее и не спрашивали. Щадили. Говорила она медленно, и мы затихали, напрягаясь, чтобы не рассмеяться.

Она переходила из класса в класс по просьбе ее мамы. Класс был дружный, она к нам привыкла. Мама просила директора школы и учителей. Чистый альтруизм. Вот такое было странное время.

В 6-м классе, в последней четверти, когда весна зло шутит над многими, нас, девиц, понесло. Мы начинали созреть и бесились.

Не знаю, кто первой начал, но и мне эта затея показалась забавной. Мы загоняли Светочку в угол класса и тискали, даже щипали.

- Скажи, – гоготали мы, – кого ты любишь? Алешу Щекина?!
- Н-е-е-т, – она говорила, удлиняя каждую букву, и улыбалась.
- Ведь любишь! Мы знаем!
- Д-а-а.
- А еще кого?! – Мы месили ее тело сильнее.
- К-о-с-т-ю...
- Кошкина? А почему?
- Н-е з-н-а-ю
- Потому что он умный, да?
- Да-а...
- А Алешу почему?
- Н-е з-н-а-ю.
- Потому что стильный?! Да?
- Да-а...
- Ты писала им записки?
- Н-е-е-т.
- Писала. Не ври! Мы видели!
- П-и-с-а-л-а.
- Что, что писала?!
- Н-е з-н-а-ю.

- Что хочешь их? Да?!
- Н-е-е-т.
- А что?!
- Хочешь дружить?!
- Д-а-а.
- А почему ты без лифчика?!
- Соблазняешь?!
- Моднишься?!

Она ежилась и тянула:

- Н-е з-н-а-ю...
- Стало быть, любишь их!
- Д-а-а...

Говорила она с придыханием и повизгиванием. Нам было жутко смешно.

- Правильно! Они тебя тоже любят.
- Н-е-е-т...
- Не веришь нам?! Почему?! – Мы щекотали и щипали сильнее.

– Я т-о-л-с-т-а-я...

– А они тебя любят. И хотят жениться. Не веришь?!

– Н-е-е-т...

– Почему?!

– В-е-р-ю, – она уже не улыбалась, но смотрела на нас все равно дружелюбно, почти ласково.

– Пойди и скажи им, что хочешь выйти за них!

– Ну, давай!

– Давай же!

– Н-е-е-т...

– Давай!

– Н-е-е-т...

Как-то вечером после школы у меня сжалось сердце, и я заплакала, вспомнив Светочку. Но недаром говорят «Утро вечера мудренее»: наши забавы время от времени на переменках казались такими же безобидными, как и раньше.

Перед самым концом четверти в класс пришла ее мама. Она была растерянна и испугана, обнаружив на бедре Светы синяк странной формы.

– Что же вы, девочки...

Нам всем стало совестно.

Мы тут же изменились и взяли Свету под крыло. Но она ничего не приняла. И хотя она осталась все такой же улыбчивой, но... это можно было ощутить только на уровне тонких мембран... она навечно отгородилась.

В седьмой класс она уже не пришла. Мама рискнула отдать ее в специальную школу. Потом Света начала работать на дому. Она клеила коробочки для гомеопатических шариков. Умерла она именно в тот год, когда нас начали называть не школьницами, а абитуриентками. Держа коробочку в руках, она, казалось, заснула. Даже не сразу поняли, что навсегда.

ИЗ ЦИКЛА «ЗАПИСКИ РАССУДИТЕЛЬНОЙ ДАМЫ»

НУ ПОЧЕМУ Я НЕ АНГЛИЧАНКА?

Один мой приятель часто говорил мне: «Почему я не англичанин? Родился бы в Англии, закончил бы Кембридж, занимался бы тихо наукой, имел бы собственный дом...» В ответ я всегда говорила так: «Господи, Англия? Россия же лучше – просторы, богатства, наука, литература, балет, наконец. Потом, мы – русские, этим и интересны. Нет, родиться и жить нужно только в России».

Прошло, однако, много лет. И я часто спрашиваю себя: «Ну почему я не англичанка? Родилась бы в Англии, закончила бы Кембридж, занималась бы тихо наукой, имела бы собственный дом».

И потом, если бы я была англичанкой (истинной англичанкой), то жила бы в перманентной радости: ибо Россия не возрождается, топчется на месте, а то и падает под откос. А поскольку я русская, то печалюсь и нахожусь в постоянной депрессии из-за того, что Россия не возрождается, топчется на месте и даже падает под откос.

Надеюсь, что Россия все же возродится. Но если судить, используя формальную логику, основываясь на собственной трансформации чувств и взглядов: если я хочу быть англичанкой, то и другие хотят быть англичанами... или немцами, чехами, французами, американцами, наконец.

Безусловно, есть русские, которые хотят оставаться русскими. Но вот ведь какая штука. Они хотят быть не просто русскими, а новыми русскими. Поэтому и на этих надежды, увы, никакой.

Неужели не на кого нам положиться, кроме как на самих себя? Вот до чего, право, дожили...

ЕСЛИ, КОНЕЧНО, ХОТИМ

Мой трехлетний внук Петя не мог выговаривать некоторые слова.

Как-то раз я и моя старшая дочь Маша, мама Пети, сидели на кухне за чашкой кофе и походя учили малыша произношению.

Петя стоял перед нами, вытянувшись в струнку и спрятав ручки за спину.

– Скажи, – попросила я Петю, – сметана.

Петя радостно крикнул:

– Пестана!

Мы засмеялись.

– Петя, – я опять обратилась к внуку, – скажи: СМЕ-ТА-НА.

Он немножко помедлил, а потом очень громко сказал:

– ПЕС-ТА-НА!

Мы взорвались хохотом.

– Мам, – обратилась ко мне шепотом Маша, – что это?.. он нас разыгрывает?

Я пожала плечами.

– Петя, – теперь взялась за сына Маша, – скажи слово СОБАКА.

Петя чуть подумал и громко сказал:

– БАГАМА!

Мы не выдержали и опять рассмеялись.

Щечки у внука покраснели румянцем, синие глаза засверкали. Он выставил правую ножку вперед, чуть пригнулся, вытянув руки, и показал нам пальчиками – цап-царап.

– Петя, – я решила на очередной круг, – скажи, пожалуйста, слово СО-БА-КА.

– Не буду, – ответил Петя.

– Почему?

– Потому что не умею говорить.

Он всхлипнул и, подбежав к матери, пригнул голову к ее коленям.

«Вот, – подумала я, – не разыгрывал. Его цап-царапки – выпад от смущения и неловкости».

Ничего, научится говорить. И мы все когда-нибудь научимся говорить, если, конечно, хотим понимать друг друга...

НЕМНОГО О СОВРЕМЕННОМ ПИСАТЕЛЬСТВЕ

Сейчас многие пишут. Наш народ, безусловно, талантлив. Я вот тоже пишу. Правда, в отличие от некоторых я начала писать давно, но пишу мало, только по особым случаям. Другие же начали писать недавно, а написали уже много, и все пишут и пишут. Хотя какая разница – много или мало? Главное – считаем, что пишем хорошо. Главное – считаем, что пишем. Главное – считаем. Поэтому и бросаем медные гроши строк в копилку, надеясь получить миллионы...

КОГДА ЖЕ ПИСАТЬ МЕМУАРЫ?

Наверное, когда возникнет сильное желание, а прошлое, отстоявшись в памяти, ляжет в логическую цепочку достоверных событий. Но как писать о тех, кого уже нет с нами? Согласно этической формуле, о них можно говорить только хорошо или вообще ничего не говорить. Стало бы, писать мемуары надо сейчас, не откладывая, пока все живы. Но правдой можно обидеть или даже подставить человека. Так когда же писать мемуары? Выходит, что НИ-КОГ-ДА?

КАК ХЛЕБ

Некоторые мои подруги так самозабвенно любят мужчин, что становятся за них неловко, словно подруги всегда испытывают голод, а мужчины – это недавно испеченный хлеб. Может, конечно, мужчины и есть наш хлеб. Но странно, что он подчас бывает совсем несъедобным.

ПОЗДНО

Со временем читать становится поздно. Не в том смысле, что уже ночь или брезжит рассвет. А в том, что уже вообще – поздно. Нет, конечно, что-то историческое, познавательное или политическое читать хочется и почитать можно. Но в принципе все равно со временем кажется, что, увы, читать уже – поздно. Бог направляет созерцать. Иными словами, – остановись, приди в себя и подумай.

СКОРЕЕ ВСЕГО

Он не падал и не опускался вниз, как думают некоторые. Он просто не хотел лицемерить. Но фамилия у него действительно была странная – Ницше.

БЫЛО БЫ ЕЩЕ ЛУЧШЕ

Было бы хорошо, если бы некоторые женщины не были столь глупы. И было бы еще лучше, если бы мужчины не считали себя умнее женщин.

СТРАШНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Если все пойдет по-прежнему, то есть так, как сейчас идет, то скоро никто никому не будет верить.

ГРОХОТ, ТРЕСК И ВИЗГ

В книгах некоторых современных русских писателей нет тишины. Любят они хлопущки и треск. И еще всякое разное... например, когда я читаю рассказы одного очень известного писателя (некоторые из его рассказов мне нравятся), то всегда слышу, что кто-то визжит. Скорее всего, это сам писатель и визжит. Громко так, во весь голос.

ТРАМВАИ

Жалко, что трамваи исчезают с дорог Москвы. Архаичный, конечно, транспорт. Но что-то в нем есть. Идет трамвай, словно рыба плывет, и звенит колокольчиками в невидимых плавниках.

ПОДАРОК

Старение нужно воспринимать как дарение. Возможно, даже от самого Бога. Потому что благодаря такому подарку можно постепенно привыкнуть к мысли о смерти. Действительно, не ходить же в обветшалом состоянии еще лет сто, вызывая жалость

или раздражение. Пластические операции вряд ли могут помочь. Некоторые пациенты пластических хирургов похожи на каменные цветы, есть в них что-то инопланетное, даже отмороженное. А это тоже своего рода старение, только другое, искаженное, завуалированное, но все равно хорошо распознаваемое. Таким образом, Бог помогает бедным и богатым, умным и глупым и вообще многим и без разбору.

Очевидно, что всем (или почти всем) хотелось бы, чтобы Бог дарил другой подарок, скажем, вечную молодость или вечную жизнь. Но, судя по всему, мы этого не заслужили.

ДЕТСКИЕ МЫСЛИ

Детский сад, в который я ходила (даже трудно сказать, сколько лет назад), каждым летом вывозили за город, в Красково. Помню, что однажды проснулась рано утром, когда все еще спали, и долго смотрела в открытое настежь окно. Там разговаривали друг с другом и ветром сосны. Меня поразило, что мир, который нас окружает, огромный и таинственный. Странно, но сейчас я думаю в том же ключе. Вот такие бывают детские мысли. Точные, как кремлевские часы.

ОГОРОДНИКОВ

В детстве у меня был приятель по фамилии Огородников. Мы жили в одном доме, но в разных подъездах, учились в разных школах, но все равно дружили.

У Огородникова была замечательная походка. Он шел, подпрыгивая на каждом шаге, будто бы взлетал ввысь. Когда я шла рядом с ним, мне тоже хотелось идти подпрыгивая. Его походка была заразительна, как желания моих одноклассниц рассказывать друг другу небылицы.

Папа у Огородникова был капитаном первого ранга. Я никогда его не видела, он служил далеко-далеко. Мой приятель говорил, что именно так, подпрыгивая, ходит его отец по кораблю. Действительно, палуба корабля в открытом море раскачивается, как качели, поэтому подпрыгивать на палубе Огородникову казалось вполне естественным.

Когда я видела, как Огородников идет по улице, то мне мерещились море, Гурзуф и Симферополь. Потом белые пароходы и моряки в

бескозырках. Все впечатления, как единое целое от недавнего путешествия с родителями и братом в Крым, пробежали перед моими глазами. И я вдруг поняла однажды, чего не хватало Огородникову, чтобы выстроить то, что он рассказывал о море и отце в достоверную цепочку событий. Ему не хватало всего лишь бескозырки.

ПТИЦЫ

Когда пребываешь в одиночестве и живешь на даче, можно разговаривать с птицами. Задавать им вопросы и получать ответы. Ответы будут неясными, особенно если они касаются давно пережитого прошлого, которое, быть может, еще и тлеет, как прогоревший костерок угольками, но тем не менее уже проросло травой-муравой. Да и зачем в таких случаях нужна ясность? Достаточно сочувствия и понимания. А птицы все понимают, потому что прилетают неизвестно откуда и улетают неизвестно куда.

НУЛИ

Необъяснимое встречается на каждом шагу. Ну, если не на каждом шагу, то часто. Ну, если не часто, то все же встречается иногда. Например, совсем недавно я видела абсолютно круглое озеро, на поверхности которого, в самом центре, образовывались и расходились к берегу концентрические круги.

Я не могла сдвинуться с места и смотрела на удивительное действие час или два кряду. Возможно, что на глубине пускала воздушные пузыри крупная рыба, или из скважинки на дне исходил болотный газ, а может быть, озеро играло само с собой, выбрасывая на поверхность нули, чтобы привлечь внимание зевак. Я, например, была не только удивлена таким феноменом, но и обескуражена окончательно: ведь увидеть кучу нулей в самом неподходящем месте, по одной версии, — к беднежью, а по другой версии, наоборот, — к деньгам.

ОДНАЖДЫ НА ПЛАТФОРМЕ

Я уверена, что в жизни каждого человека бывали случаи, которые не то чтобы меняли жизнь, но направляли ее в нужное русло, или давали возможность сделать правильный выбор, или оберегали

от попытки сделать выбор неверный. Вот о таком случае я хочу рассказать. Может быть, конечно, не совсем о таком, но все же, — о случае особенном, если судить о впечатлении, которое он на меня произвел.

Это случилось, конечно, очень давно. Мне было лет десять-одиннадцать. Все лето в тот год меня пестовала бабушка.

Однажды мы решили зачем-то поехать с дачи в Москву в будний день на электричке. На платформе в десяти метрах от кассы, прямо у кирпичной стены летнего зала ожидания, мы увидели толпящихся людей, которые что-то громко обсуждали. Бабушка взяла билеты и, схватив меня крепко за руку, подошла к шумной, взъерошенной толпе осторожно, почти крадучись, словно на нас из пяточка пространства, который окружали люди, мог выскочить дикий кабан.

В центре пяточка, на грязном асфальте, облокотившись о стену спиной, полусидела или, точнее, полулежала молодая женщина в длинной пыльной юбке и светлой, изрядно потрепанной блузке. Лицо ее было расцарапано, глаза полузакрыты, длинные волосы свисали клочьями.

«К врачу ее надо», — тихо сказала бабушка и прижала меня к своему боку, словно хотела, чтобы я ничего не видела. «Какому врачу?! — выкрикнула женщина, стоявшая рядом. — Она же пьяная в дым, милицию вызвать надо». — «Зачем милицию? Сама до дома доползет!» — засмеялся загорелый дочерна парень.

Пьяная женщина неожиданно очнулась. Смерила всех пронзительным тяжелым взглядом, потом, резко подтянув согнутые ноги в коленях к груди, ударила, словно хлыстом, по толпе обнаженным пахом. На ней не было нижнего белья. Мне показалось, что вся толпа вместе с этой женщиной проваливается куда-то вниз, под землю, и я с бабушкой лечу туда же. И на фоне этих необычно неприятных ощущений от всего увиденного я абсолютно трезво и спокойно осознала, что никогда, никогда не смогу стать врачом, как моя мама.

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ ЖЕ

По-моему, Иосиф Бродский был не только поэтом, но и прозаиком. Он писал самобытную, красивую, мудрую, рифмованную прозу. Стихов он написал много, а прозы еще больше. Его проза сумеречна и печальна. Мир, построенный им, поразителен и безнадежен. Читать его прозу долго невозможно, но каждый раз хочется ее читать.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Я своими глазами видела, как мотылек превратился в маленького человечка, и этот человечек быстро растаял в воздухе, оставив меня в полной растерянности. Что это было? Зачем и почему?

ВОПРОС НА ЗАСЫПКУ

Начну с рассуждения. Известно, что мыслящий человек – это человек, который существует. Стало быть, мало мыслящий человек – это человек почти не существующий. А совсем не мыслящий человек – это человек вообще не существующий. И таких людей, согласно моим наблюдениям, много. Но почему, не существуя, они загрязняют атмосферу, то есть попросту портят воздух?

ТАИНСТВЕННАЯ СИЛА СОВЕТА

Говорят, что в Благовещение (14 сентября) надо обязательно захоронить муху или жучка. Не объясняют, почему так говорят. И тем не менее отчего-то очень хочется захоронить в этот день муху или жучка.

К ВОПРОСУ ОБ АНГЕЛАХ

Некоторые люди считают, что ангелов нет. Но я считаю, что ангелы есть. И даже могут появляться рядом с нами.

НА СПИНЕ ЗВЕРЯ

Когда лежишь на палубе большого корабля, который идет по океану в ночи, то начинаешь чувствовать себя частицей спины огромного дикого зверя. Вроде ты – пятно на его шкуре, то есть часть его самого. Там, внизу, шумят моторы и вращаются винты. Чрево гудит и дышит. Зверь набирает скорость, рассекая волны. Он бежит вперед в черном безмолвии стремительно и неукротимо. И хочется обязательно что-то сделать из ряда вон выходящее, даже дикое. Может быть, спрыгнуть в пучину вод, или взлететь ввысь, или просто орать, сидя на спине зверя. Орать громко, без слов, орать на низкой, душераздирающей ноте.

Валерий Сафранский

Ооэма отсутствия
(фрагменты эссе)

Эта тема занимала автора всю творческую жизнь. Пытаясь осознать феномен любви в разных его проявлениях, в конечном итоге он пришел к вопросу: «а есть ли мальчик?» Что люди называют любовью в начале третьего тысячелетия? В известной мере к этим размышлениям привел долгий опыт жизни за границей в центре развитого капитализма. Потому это — заметки из Германии. Хотя, естественно, подразумевается, что никакой особой германской любви нет, а есть тема любви в современном мире вообще. В данной публикации опущена «лирическая» часть эссе с философическими этюдами, сценками жизни и пр. иллюстрациями. Это — основные фрагменты культурологического характера.

В. С.

Замороженный принц и дохлая принцесса

По главной улице шестого по величине города Германии иду я, любопытный и наивный, как весенний дождичек. А мимо меня плывут рыбы. Они целеустремленно повиливают хвостиками, поблескивают чешуйками, шевелят разноцветными плавничками и аккуратно, элегантно и по-рыбьи безаварийно продвигаются сквозь толпу других рыб к пунктам своего назначения. При всем разнообразии пород и соответствующих форм и расцветок общее у них одно: глаза. О, эти рыбы глаза! Это совершенство природного фотообъектива! Эта замечательная круглость! Эта безукоризненная выпуклость! Эта глубина пустоты... Любопытный, наивный и оптимистичный, много километров немецких улиц оставил я позади, прежде чем сказать: прости меня, Германия, я ничего иного не могу сказать о глазах твоих женщин, встреченных на твоих дорогах! Я

понял причину этого «рыбьего синдрома» потому, что не только на улицах протекала моя жизнь. Все, что всевозможными способами я, как мужчина, мог выяснить, свелось к простому заключению: в этой стране отсутствует эрос. Секса – сколько хотите, но эротичного поведения от немецкой женщины ждать не следует. Кокетливый лукавый взгляд, тонкая, но очевидная чувственность походки, жеста... А эта непередаваемая интонация голоса, превращающая разговор на любую тему в очаровательную, озорную и тонизирующую игру... Все это не здесь. Вам, господа, в Париж, в Рим, в Москву... Нет, конечно, где-то там, на высших пределах симпатии, в интимной обстановке, по крайней мере некоторые местные жительницы способны продемонстрировать нечто подобное. Говорят. Но в обычной жизни, в повседневном общении правильная немецкая женщина ведет себя строго как друг, товарищ и брат. Коллега. Кокетливость можно наблюдать лишь на экранах ТВ в исполнении некоторых порнозвезд. Им чувственность в манерах полагается по форме. И у некоторых иногда выходит похоже.

Если спросить у среднестатистического немца (автор не раз спрашивал), чем эрос отличается от секса, ответ будет свидетельствовать о том, что большинству слово «эрос» попросту непонятно. А что бы убедиться в том, что немецкие мужчины не далеко ушли от своих инополых «коллег», достаточно порасспрашивать соотечественниц, испытавших на себе общение с местными ухажерами.

Обсуждать темы взаимоотношения полов в Германии принято совершенно спокойно и без каких-либо гримас.

... Довольно приятная особа: – Да, интимные отношения между давними супругами – это проблема...

Автор-провокатор: – Еще бы, секс по средам и субботам, а между этим эдакая вежливая совместная деятельность на благо семьи и государства.

Собеседница, оживляясь: – Да, вы правы. А иногда хочется все же больше...

– Тепла...

– Да!

– Немножко нежности... Капельку романтики.

– Да-да.

– Но ведь помимо секса существует еще эрос, чувственность вполне может проявляться в самых разных ситуациях, для этого ни

времени не нужно, ни сил особых... – вытаскиваю я заготовленного «валета».

Собеседница в ответ «кроет дамой»: – О, мне это очень интересно! А как вы это различаете?

– Ну, вот мы сейчас с вами общаемся. Я вам интересен как собеседник?

– Безусловно.

– А внешне, как мужчина, не противен?

– (Смеется.) Да нет, достаточно приятный тип.

– Так вот, – выбрасываю «туза», – мы с вами сейчас находимся в определенной эротической связи.

– ??!

– Посудите сами. Мы друг другу приятны, ведем взаимно интересный разговор, стоим очень близко друг к другу – наши биополя соприкасаются, ничего против этого не имея... Мы мужчина и женщина, находящиеся в довольно близком контакте...

Собеседница панически отступает на шаг:

– Но ведь я ничего не...

– Я тоже ничего не... – наступает моя очередь смеяться. – Но это факт. Просто ничего «эдакого» не предполагая, вы расслабились, ведете себя естественно. Мы улыбаемся друг другу. Наше общение не только интересно, но и приятно в какой-то степени, не так ли?

Дама расслабляется: – Ну, в какой-то степени, да...

– Теперь, представьте, на моем месте женщину: то же самое?

– Пожалуй, вы правы. ...Но ведь ничего такого!..

– Ничего-ничего. Но с любимым мужем-то вы можете себе позволить то же самое и даже чуть-чуть ближе!..

– .....

– .....

– Он просто решит, что я хочу секса.

– А если, наоборот, вы?..

– Наверное, он так же подумает...

Не знаю, любит ли друг друга эта пара. То есть, на мой взгляд, конечно нет. Партнерство, привычка – что хотите, но – не Это. Таких большинство. И все они повторяют: любовь, любовь.

Один мой знакомый, не самый безызвестный русский поэт, читает свои «тексты» перед публикой. Граждане уважительно выслушивают весьма профессионально и ловко выстроенные конструкции. (Кое-

кто из них и про концептуализм слышал, и прочие нынешние – вчерашние, точнее, – штучки. Водятся все же в эмигрантской среде интеллигентные читатели.) Похлопали в конце. Спросили даже что-то робко-вежливо, чем, мол, дальше нас развлечете?.. Желая несколько оживить общение и, пользуясь хорошим знакомством, задаю вопрос:

– Скажи, пожалуйста, а почему ни одного стихотворения о любви за весь вечер?

– Это все – о любви.

...Остроумный мой, уважаемый коллега, это все – «рыбий глаз». Неужто тебе, образованному и отнюдь не глупому человеку, не понятно, что к любой модной литературной игре все же нужно добавлять капельку чего-то Настоящего? Твоего Настоящего? Твоей Боли? Твоей естественной мужской чувственности, энергии?.. Поэзии, пардон. Любил ли ты вообще? Не себя и не тех, кто проникался благоговейным уважением к твоей Работе? А так, просто некую Машу или Грету, совершенно отделенную от твоих актуальных интересов. Просто за то, что она Сама По Себе – не для тебя вовсе – замечательна, удивительна, умна... Добивался ли ты ее всеми силами, страдая от своего несовершенства? Послав к чертовой матери эту литературу и свое место в ней? И был ли успешлив?.. Ты, конечно, найдешь, что ответить и в этот раз, да что это изменит? А если да: что же, и на пару стишков не набралось?..

Идея сказок про спящую Принцессу и про Принца с ледяным сердцем родилась в этих местах. И не сойтись им вовеки. Спящая – да жива ли она еще вообще? – не может растопить ничьего сердца, замороженной душе нет дела до спящих. Если же их тем не менее соединить-обвенчать, от них могут родиться лишь зомби. Какую роль играет то, что слово «любовь» вводится в их словарь, чтобы они его иногда произносили? Потому что это зачем-то и кому-то нужно...

Ко мне в гости заехал старый знакомец, коллега из Москвы. После энного бокала и обсуждения литературных новостей мой гость вдруг изобразил нечто непередаваемое глазами, сменил после некоторых колебаний позу и, как положено, подбоченившись, выдохнул:

– Ну, а публичный дом у вас тут есть?

– Отчего же не быть, – отвечаю. – Не деревня, чай.

– А давай сходим.

– Да помилуй! Это же невкусно и неинтересно.

- А ты там был?
- Не был и не собираюсь. Мне рассказов об этом хватило тех, кто полюбопытствовал. А уж с моими претензиями – что там делать!
- Ну, хорошо, давай сходим просто посмотрим, где это... Погуляем.
- Ты тюрьму видел?
- Видел.
- Ну, вот вспомни, да и не за чем ходить. Пойдем лучше в парк какой-нибудь. У нас тут, в Дортмунде, парки очень красивые.

Большой немецкий секрет

По многим пунктам того, что мне пришлось отвергнуть в попытках выявить в этой реальности следы Настоящей любви, часто можно возразить: Вы, сударь, описываете то, что внизу общества. Оно и понятно. Внизу, как положено, с культуркой всегда того... А вот если говорить о том слое, где вечно живут Гете, Гегель, Бетховен... «Да уж...» – говаривал Киса Воробьянинов. «Нуте-с», – ответит автор. С чего бы начать...

Вряд ли нужно останавливаться на доказательствах того, что любовь, со всем ее индивидуализмом, изначальной приватностью, существует в социуме. Потому автор нет-нет, да и делает какие-то отсылки к тому, как выглядит Германия вообще, в чем ему отчасти помогали местные сочинители, писавшие страноведческие книжки о собственном отечестве. Там можно найти немало интересных наблюдений. Например, о том, что немцы скорее выразят симпатию к собаке гостя, чем к его шумному и непоседливому ребенку (Порядок нарушает! В отличие от воспитанных собачек), а также о том, что, невзирая на любовь ко всем животным, уважаются в Германии владельцы больших породистых псов, а не каких-нибудь там волнистых попугайчиков. Можно вычитать и интересный иронический пассаж о германском дворянстве, которому исторически разрешалось передавать титулы любому потомку без ограничений, без всяких там столбовых-нестолбовых. Потому, дескать, в стране имеет место быть приличное количество аристократии этого вида (Зайдениц и Баркоу «Эти странные немцы»). И о своем родном юморе авторы тоже не без юмора пищут... То есть не ведут себя заносчиво: мол, вот мы какие замечательные. Но есть тема, на которую немцы говорят неохотно.

Эта «тайна» известна любому немцу, но не любят они ею бахвалиться. Она — для иностранцев.

Многие бывшие советские дамы иронично кривят губы: «Эти немцы совершенно не умеют одеваться. Никакого вкуса! А какая небрежность! В магазинах выбрать нечего...» Знание приходит очень не скоро: секрет, он и есть секрет. Да, немецкая улица демократична. И в одежде, и в поведении, и в языке. Но где вы еще, уважаемые соотечественницы, бываете? В какие круги этого многоэтажного общества вы заглядывали со своими никому здесь не нужными дипломами и двумя сотнями слов магазинно-канцелярской лексики? Ах-ах. Увы. Не пустят вас туда, где иные одежды. Точнее, не позовут.

Кастовость знакома любому народу, но именно в Германии, с ее внешней терпимостью и порой нарочитым демократизмом, система социальных этажей работает наиболее убедительно.

Два брата, очень привязанные друг к другу и склонные проводить вместе время, имеют разное образование. Один — дипломированный инженер, другой — просто механик. Тот, который механик, приводит дипломированного любимого братца в свою компанию и представляет: брат вот мой, дипломированный инженер. Инженер закусывает губу. Потом, после партии: «Дитер, какого черта ты ляпнул про дипломированного инженера! От меня же половина народу шарахалась...» Это — боль.

Одна дама из художественной среды, желанная гостья богемных салонов и интеллектуальных семейств, выходит замуж за преуспевающего владельца небольшого, но симпатичного предприятия. Поздравим бывшую соотечественницу! До этого муж у нее был тоже «со-отечествующий» и вовсе не преуспевающий. Скоро у дамы шок: в некоторые из желанных домов ее приглашать перестают. Большой немецкий секрет. Перестав быть художницей-эмигранткой и «социализовавшись» в новой для нее стране, дама получила статус жены мелкого лавочника. Именно так это воспринимается большинством ее бывших знакомых немцев. Вы-то вроде та же самая, даже симпатичная по-прежнему, но жену без мужа приглашать неприлично, а муж у вас, простите, ну совсем не нашего круга будет...

Границы социальных групп в Германии куда более жесткие, чем в некоторых других странах. Причем дело не только в том, что

«верхние» презирают «нижних». И даже не в том, что «нижние», в свою очередь, без симпатии смотрят на «верхних». Главное: каждая группа считает себя самодостаточной, культивирует собственный свод правил, систему приоритетов, говорит на своем языке, понятно... Социальный мир в современном западном обществе во многом на том и держится, что каждый социальный слой не должен чувствовать себя униженно, и то «равенство», которое Флобер называл рабством и которое было опробовано в ходе социалистических экспериментов, в современном западном исполнении приобрело новое значение. Люди стали рабами своих социальных квартир. Социальные группы соблюдают прохладную вежливость в отношениях. (Хотя и с проявлениями кастовой ненависти столкнуться – не редкость.) Их контакты функциональны и сводятся к необходимому минимуму. Советский слесарь с женой-ткачихой мечтали о том, что их дети получают высшее образование и будут жить интереснее. «Красивее»! В современной Германии слесарь вовсе не смущается незнанием не то что Толстого, он и родного Гете читать не станет. Это не входит в систему ценностей его «этажа». Для него – свои газеты, свои телепрограммы, свои места развлечения, своя «Wa(h)re Liebe»*. Чем дальше от него «чужие», тем уверенней он чувствует себя в жизни. И вся эта социальная конструкция, естественно, мощно поддерживается государством, СМИ, церковью. Как и следует ожидать.

Не имею ни малейшего намерения впадать в социальный пафос и вообще давать оценку этой социально-культурной пирамиде. Обращаю лишь внимание на те, выражаясь театральным языком, «предлагаемые обстоятельства», в которых современные Ромео и Джульетты разыгрывают сценки на известную тему.

Ну, а что там на «верхних этажах» насчет этой самой Настоящей? Об этом как бы и речь вроде зашла... Ну, вообще-то, можно и классиков перечитать. Нет-нет, я не увиливаю от ответа. Скажем так. Поверите ли вы, что в условиях подобной несвободы от Порядка и Кодекса Своего Круга может пышно расцвести буйноцветное древо игнорантки Любви?..

Конечно же, мы обращаем взгляд туда, где занимаются любовью те, кто слушает Чайковского и почитает Гете. Как там, кстати, у классика было? «Да разве любовь имеет что-нибудь общее с умом!»

А что у знаменитого философа? (Немцы «верхних этажей» страсть как уважают своих философов!) «Брак... есть правовая нравственная

* Игра слов: продажная любовь – настоящая любовь.

любовь; при таком определении из последней исключается все, что в ней переходяще капризно и субъективно» (Гегель).

Кто не устал, вперед!

Приговоренные к одиночеству

Изначально, в набросках, этот фрагмент назывался «Любовь как антикультура», под этим подразумевалось, что господствующая культура современной Германии (и не только ее) противоположна идее Настоящей Любви. И не только ее в себя практически не включает, а достаточно осознанно противостоит ей. С большой готовностью соглашаясь, что каким-то отдельным дамам и господам удалось с Предметом познакомиться воочию, берусь утверждать: вопреки. Любовь в этом мире маргинальна и нежелательна. В ее практическом воплощении. То, что здесь принято называть этим словом, с нашим Предметом совмещается крайне условно и не по существу. Во всяком случае, не более, чем относится к нему унылый супружеский секс по субботам. А что здесь вообще называют этим словом?

Две основные разновидности.

Любовь-страсть, не вполне понятное безумие, охватывающее кого-либо в результате случайной встречи. Восхитительное помутнение рассудка с неизбежным концом «выздоровления». Немцы принимают это без сопротивления. И даже практикуют. (Что они, не люди?!) Теория тут мало уместна. Каждый — как может. О сумасшествии, как известно, не спорят. Эгоистичное до предела «хочу» — его, ее, с ним и т. д. При относительно высоком образовании и воспитании участников действия, на более высоких нотах, эта «мелодия» может в качестве идеологии использовать, ну, скажем, трактат «О любви» Стендаля. А уж совсем капризных и любознательных можно отослать к книжке С. Кьеркегора «Повторение». Последняя, нужно отметить, весьма любопытна. Молодой тогда еще философ, опираясь, как утверждают биографы, на собственный неудачный роман с Региной Ольсен и уже сформулированные основы своей гипотезы жизни, написал очень тонкую и остроумную «как бы» историю некоего психологического эксперимента на известную тему. Автор «Повторения» плетет очень тонкие кружева любовной интриги, случившейся с персонажем. Глубоко, как и следует теологу-авангардисту, погружается в хитросплетения этических проблем. Там есть весьма любопытное рассуждение о «любви-воспоминании» и «любви-повто-

рении», многое другое. Очень умный и очень образованный автор, таким его и надлежит принимать. Скучно становится тогда, когда понимаешь, что эта книжка про «как», а не про «что». Совершенно не понятно, отчего герой вообще так сильно увлекся девицей. И об объекте страсти мы тоже практически ничего не знаем: так, барышня из хорошей семьи. Словом, речь идет не о любви, а о переживании отдельно взятым персонажем того, что он определил этим словом. Жаль, что философ рано ушел из жизни. Было бы любопытно знать, к чему привели бы его не только ум, но и опыт.

Любовь в таком понимании отдается в Германии на откуп молодежи. Нехай себе выпускают пар, взрослеют, готовятся к Настоящей жизни. Общество ведет себя очень терпимо, поощряя небезызвестные «добрачные эксперименты», исходя из того, что за ними последует правильная взрослая жизнь и правильная любовь. Если человек «не взрослеет», а продолжает жить, исповедуя такое понимание любви, это, по мнению общества, обрекает его на несчастья и общую жизненную неудачу. Кошмар «невзрослого, неправильного поведения» — одна из навязчивых идей немецкой и западноевропейской литературы. Вспомним хотя бы роман «homo Faber» Макса Фриша...

О второй основной версии любви мы узнаем, оттолкнувшись от уже процитированного суждения Гегеля. Супружеская, долговременная любовь-партнерство. Забудьте про безумства, случайности и восторги. Супруга следует выбирать. С избранником нужно очень подробно договориться обо всем, что только может беспокоить в фантазиях о будущей жизни, оговорить права и обязанности. Далее — лишь будучи уверенным, что предполагаемый партнер с тобой искренне согласился! — вы должны торжественно заключить ваш договор, с полным пониманием, что выход из договора будет сопряжен с такими сложностями разного рода, что и думать не смей. (Вспомним пример из «Розовой книги»: муж искренне недоумевает по поводу невинного в принципе поведения жены — «мы так не договаривались!») Эта сделка, в основе которой лежит, понятно, известное «ты — мне, я — тебе», при строжайшем контроле исполнения и является в этом случае Главной, Правильной любовью. Здесь и самые романтические поэты стихают. «Терпеть — дар женщин», — настаивал Рильке. Не эту ли «любовь-повторение» воспевал Кьеркегор: «Надежда — прелестная девушка, ускользающая из рук; воспоминание — красивая зрелая

женщина, время которой уже прошло. Повторение – любимая жена, которая никогда не наскучит». Понятно. Не успел испытать философ этой модели на практике.

Господствующая культура, конечно, лезет из кожи вон, чтобы поддержать свою любимицу. Отсюда все эти занудные телешоу, с попытками научить «любящих» терпеть друг друга. Отсюда фактическая пропаганда расплодившихся свингер-клубов, в которые, как известно, рекомендуется приезжать с постоянным партнером, где все последующее уж никак нельзя будет отнести к неверности. Всё по договору. Что-то рациональное тут, безусловно, есть. Такая вот пряная приправка к сексу по расписанию с фактически чужим человеком, которого зовут «Шац»*. Все уже легче... Договоры могут более или менее выполняться, но одна из главных проблем западного человека известна. Ее и не скрывают. Одиночество. Дистанционные отношения между супругами – правило. У каждого своя территория. Между территориями – договор. Любовь – до гроба.

Есть и третий вариант – для особенно романтичных и «глубоких» немецких душ. Это некая форма романтического адюльтера, при которой собственно ничего не происходит. Следуя по пути Правильного мученичества жизни с чужим человеком, отдельные индивидуумы не выдерживают монотонного ужаса одиночества, невозможности близкого, откровенного и теплого общения со своим «сокамерником» и находят отдохновение в невинном по сути дела, хотя нередко длительном, флирте. Классика: он держит ее за руку и скорбит о невозможности изменить судьбу и соединиться с этой близкой душой. При этом дарятся цветы, оказываются мелкие бескорыстные (!) услуги и т. п. Этот вопль задавленной, но еще живой души, конечно, тоже до предела эгоцентричен. Предмет воздыхания остается столь же далеким, как и отчужденный супруг. Он – возможность помечтать о том, как было бы хорошо, если бы... Это крохотный кирпичик основания считать себя живым. Эдакая любовная маниловщина. ...Звонит «шац номер 1», и романтический партнер быстренько ретируется, еще раз напоследок увлажнив глаза: «Шайсе, шац!..»**

... Неужто немцы так и не нашли в своей отнюдь не слаборазвитой

* Милый, милая.

** Говно, милая.

культуре (да еще при наличии «Великой Души») места для того, что называется любовью (Настоящей), не нашли для нее определения, не обнаружили места ее жительства и не договорились, как ею пользоваться?.. По идее, именно немцы с их стремлением и умением анализировать-систематизировать, лучше многих иных способны снять с любовных вздохов и ахов застарелую кожуру первобытной псевдоромантики. Именно эта нация, с ее культом философствования вкупе с практицизмом, способна, казалось бы, научиться самой и показать другим путь подлинного личного счастья, заменить все существующие эрзацы на нечто более-менее приближенное к оригиналу. Возрадуемся! Не все так глупо в виртуальном королевстве Любви. Немцы однако не самые безнадежные. Нашли место. Додумались-докопались. Если не до самой сути, то уж приблизились вплотную. При этом я, конечно, полагаю, что со всеми оговорками Германия не считает Эриха Фромма совсем уж посторонним. Впрочем, для наших размышлений это абсолютно безразлично. Книга «Искусство любить» написана не только умно и смело, но и в настоящем смысле духовно, хотя автор был отнюдь не теологом или моралистом. Уроженец Франкфурта-на-Майне, беженец из нацистской империи, американский психоаналитик и философ своей работой отчетливо скорректировал классику фрейдизма, «социализировал» психоанализ, сделал довольно успешную попытку соединить трио «тело—душа—бог» без унижения тела, но и без вульгаризации соседей по ансамблю.

Основа любви, по Фромму: «Человек одарен разумом, он есть сознающая себя жизнь, он осознает себя, своего ближнего, свое прошлое и возможности своего будущего. Это осознание себя как отдельного существа, осознание краткости собственной жизни, того, что не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрет, что он может умереть раньше, чем те, кого он любит, или они раньше него, и осознание собственного одиночества и отделенности, собственной беспомощности перед силами природы и общества — все это делает его отчужденное, разобщенное с другими существование невыносимой тюрьмой».

Фромм выдвинул в качестве основания любви стремление преодолеть «отдельность», обрекающую личность на тотальное одиночество, навязчивое ощущение неполноценности. Изначальный ужас «отделения» от матери, отдельность от остальных людей, отдельность от Бога. «...Единение, достигаемое приспособлением

— это только псевдоединение. Следовательно, они дают только частичные ответы на проблему существования. Полный ответ — в достижении межличностного единения, слияния с другим человеком, в любви».

Не буду пересказывать эту книгу, она заслуживает полного прочтения. Нельзя лишь не отметить, что автор не только показывает дверь, но и предлагает ключ: «Первый шаг, который необходимо сделать, это осознать, что любовь — это искусство, такое же, как искусство жить: если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу...»

Эта работа написана полвека тому назад. Сегодня ее прочтение вызывает ряд вопросов, связанных просто с новой, неизвестной тогда автору информацией. Явно открытым выглядит вопрос о разделении любви к Богу от любви к другой душе: а если душа — часть Бога? И бездна всяких иных сомнений и мыслей возникает у заинтересованного читателя. Но, по убеждению автора данных заметок, Фромм очень точно объяснил, Чего и Почему в современном западном обществе так мало.

Но не будут «Искусство любить» читать в немецких школах. Фромм, в отличие от его предшественника Фрейда, можно даже вообще не обнаружить в некоторых энциклопедических справочниках немецкого производства. Обучение в Германии основывается на том, что воспитание как таковое — не учительское дело. Кроме того, школе совершенно безразлично качество получаемого образования: мы вам рассказали, а что вы усвоили — ваши проблемы. Да и чему учат — тоже тема. К примеру, с одной стороны, фактически обязательное изучение религии, а с другой — деткам в качестве аксиомы вдалбливают дарвинизм. Я однажды спросил у одной учительницы биологии, почему теория Дарвина подается столь однозначно, если, с точки зрения современной науки, к ней существует масса претензий и вопросов. «Да? — удивилась собеседница. — А какие?» Услышав некоторые из сомнений, учительница пропела: «Как интересно», — и через пять минут о разговоре забыла.

А Фромм... «Искусство любить», в сущности, книга для этой системы «подрывная». Ведь автор показывает и причину проблемы. По Фромму, любовь находится в базисном противоречии с современ-

ным социально-экономическим укладом западной цивилизации. В частности: «Мужчина и женщина стали похожими, а не равными, как противоположные полюса. Современное общество проповедует идеал неиндивидуализированной любви, потому что нуждается в похожих друг на друга человеческих атомах, чтобы сделать их функцией в массовом агрегате, действующей исправно, без трений; чтоб все повиновались одним и тем же приказам, и при этом каждый был бы убежден, что он следует своим собственным желаниям. Как современная массовая продукция требует стандартизации изделий, так и социальный процесс требует стандартизации людей, и их стандартизация называется «равенством». Ну, и так далее...

Наш предмет – Настоящая любовь – опасен для этого социума. Эта ментальность выработала некое «антитело» для борьбы с крайней стадией той культурной шизофрении, которая владеет большинством Правильно живущего тут населения. Но в принципе решила, что так лучше, чем... И стоит ли удивляться, что господствующая культура со всем арсеналом своих средств вдалбливает в мозги населения своего рода религиозно-дарвинистскую концепцию «любви-партнерства», как единственно возможную и Правильную в этой жизни... Я не хочу сказать, что это делается искусственно, целенаправленно и цинично, как во времена Геббельса. (Хотя тема социального заказа – тоже не закрыта.) В целом это та культура, которая естественным образом произрастает в этих местах. Она мне напоминает «естественно» выращенную на гидропонике розу, которая и знать не знает, что можно вырасти другому. Эти розы вполне симпатичны, одинаково Правильны. Ну, а то, что аромата нет, – купите в магазине специальную жидкость соответствующего запаха и подушите букетик.

Наталия Юлина

АФРИКА

Les débuts

Начало

Непонятно, как это сделать: уехать так, чтобы нельзя было вернуться. Всю жизнь ты сбегала отовсюду в непредвиденный час, недолго томясь неподвижностью, садилась в самолет, поезд, автобус, и пожалуйста — дома. И только теперь подчинишься условиям, при которых легкомыслие исключается, сесть и уехать в любой момент не получится.

Меня ждет неизвестность, далекая, недобрая, и я, малодушно цепenea, погружаюсь в черную реку безвременья — здесь душа моя и полушки не стоит. Твердого бы чего-нибудь, точку какую-нибудь, но ни точки опоры, ни зацепки для взгляда, ничего длящегося дольше минуты. Я уплываю, прощайте.

Но все, что я предчувствовала, заранее переживая будущее, ни на йоту не приближается к правде одиночества на берегу Средиземного моря. Года через четыре после возвращения мне приснился сон: я стою на берегу бескрайнего моря, а вокруг, ни в море, ни на земле, — никого.

Сон. На самом деле народу хватает. Всё наш народ, из разных наших стран. Два толстяка, один из Молдавии, другой из Таджикистана, — это начальство, две вершины треугольника. И, наконец, третья вершина, главная — завкафедрой Генрих, степенный, малоподвижный армянин. Как ни придешь к нему на виллу по какому-нибудь бумажному делу, жена лепит пироги, а он спит. Теперь понимаю, что именно такой спящий зав. — лучшее, что может предложить природа коллективу нервных математиков.

Но я забегая вперед. Африка. Что это? Это запах, поражающий тебя прямо на трапе самолета. Пахнет трава, непривычно, сильно, остро. Потом разгляжу на полях, в рощах, около дорог белые сочные луковицы аниса. Других трав и деревьев не знаю имен. Разве что

эвкалипты, но они позже будут цвести всюду пушистыми желтыми цветами, похожими на мимозы.

В аэропорту, конечно, кое-что добавлено к запахам растений. Кто-то где-то посыпал еду перцем и пряностями. Тонкие струи этих ароматов вплетаются в букет ошеломительно незнакомый.

Субтильный мужчина, похожий на француза, грека, турка и дворника, улыбается: «Ça va?» Отвечаю «Ça va», но тут же перехожу в ведомство специально посланных своих.

Моя вилла стоит в центре городка, где через улицу главные магазины. Налево под навесом бочки с черными и зелеными маслинами, вот они-то и будут моей частой и самой любимой едой. Направо одноэтажный магазин, центральный и большой. Там всегда толпятся не меньше трех человек.

Всего в городе два магазина, они не похожи на наши. Ощущение легкости, несерьезности питания аборигенов. Такое впечатление, что местные, и вслед за ними мы, питаются перцем, батонами, узкими, длинными с пустотой в середине, и шоколадом, начиненным воздушным рисом. Батоны вкусные, шоколад того пуще, а перчить мне нечего. Разве что помидоры.

Овощи мы покупаем на рынке. Утром выходишь из дома, последние дома города – и тебя обнимает светящееся небо. Еще метров сто, и является, вереща и что-то выкрикивая, скопление народа, куча-мала торговцев, товаров, фургончиков, на которых прибыли маршаны – не на верблюдах же им ездить, – грязноватое и соблазнительное нагромождение юбок, штанов, сумок, часов, мочалок, крючков. Ульем жужжит, гудит кипящим котлом, празднично клубится толпа. Рынок – это всегда праздник, маленькое Первое мая, где незнакомцы и друзья перемешаны в сгусток жизненной силы.

Мне – овощи. Толстые мясистые помидоры, толстый зеленый лук и апельсины, апельсины, большие и маленькие, красные и желтые.

Наш народ ходит туда веселиться, чтобы потом засесть за работу. Мохер – вот символ веры и оправданье нашей жизни. Если день холодный, то самоделку на проходе заметишь всегда, в глазах осталась нежно-оранжевая, цвета апельсиновой мякоти, кофта-пиджак из мохера с начесом. Чего только нет: юбка, шапка, пальто, сумка и шаль. За два дня наша труженица натрикочет (tricoter –

вязать) вам такую красоту, что только руками разведешь. Особенно популярна шаль, привычная вечерняя роскошь. Квадратных три метра усидчивая женщина изготовит за сутки. Это способ провезти домой больше лимита: распусти – и получишь дополнительные мотки шерсти. Мужчины, приехавшие без жен, иногда тоже увлеченно вязали, правда, изделиями своими гордились тайно от всех.

Да, Африка – это не Тверь и не Ступино. Поэтому продолжу про Африку.

Mes étudiants **Мои студенты**

Вот они. 20 пар глаз, горящих страстью к математике, хочется думать. Жгуче черных. Нет, один юноша с узким задумчивым лицом – обладатель зеленых, наподобие крыжовника, глаз. Говорят, так выглядят кабилы, коренное население Алжира.

Объяснив материал, пробую узнать, что понято. Ничего не понято. Объясняю другим способом – все те же горящие глаза. Пробую третий раз, бессильно умолкаю, подхожу к окну, гляжу на море. Оно волшебным образом спокойно, поворачиваюсь к аудитории, спрашиваю, что такое вот эта функция? Тишина длится, и наконец из глубины аудитории «un monstre». Все вместе хохочем. Ну, вот, первый выделенный юноша, Азиз, невысокий, не очень опрятный мальчик, похожий на добрую, смешливую маму пятерых детей. Я чувствую, что отношение его ко мне не испортится, даже если в группе что-то пойдет не так. Группа целиком мужская.

Группа с девочками выглядит более аристократично. Вообще, в Москве тоже если нет девочек, то группа напоминает зоопарк. Быстро среди мальчиков вылезают грубые отношения соперничества, не подумайте, что в учебе. Даже входить в такую аудиторию нельзя расслабленной, хотя все зависит от того, кто лидер. Как правило, это устойчивый середнячок, и он – не худший вариант, хотя рвения к учебе в аудитории не жди. Опасней насмешливый, возможно способный юноша со стремлением оттянуться совсем в другом месте. Тогда группа глуха и слепа ко всему доброму и вечному.

Здесь, конечно, другое. Во-первых, студент плохо подготовлен и к тому же смотрит на меня как на диковинку, ведь женщин-преподавателей всего две-три на нашу нефтянку. От того, какую оценку я поставлю в конце семестра, зависит распределение, а

значит, и материальное благополучие. Поэтому на контрольной никто не даст соседу списать, всеми силами отгораживаясь от него. Это уже рыночные отношения, здесь любовь к ближнему обязана, скромно потупив глаза, скрыться за горизонтом. Да и за текущую неуспеваемость студент может загреметь в армию, воюющую в Сахаре. Однажды на стене в коридоре вывесили результаты последней контрольной. Мой студент с неудовлетворительной оценкой в толпе своих товарищей, не видя меня, говорил: «Я не хочу надевать высокие ботинки, не смейся надо мной, мадам». В голосе звучала угроза.

Дома в это время шла кампания завышения оценок. За двойки – беседа начальника курса с преподавателем в деканате, даже тройка не приветствовалась, нужны были четверки и пятёрки. Начинался преддемократический маразм. Тут, в Африке, можно было не идти против совести. Но привычка свыше нам дана, и один интеллигентный преподаватель был выслан из страны алжирской администрацией за регулярное завышение оценок.

Девочки в группе химиков – а это тебе не бурение – разные, но одинаково старательные. Встретив одну после долгого перерыва, я увидела, что она тянется целоваться. И я, как дура, поцеловала ее в щечку. Она слегка коснулась меня щекой. Этот европейский обычай – аналог нашего русского поцелуя.

Если посмотреть на моих студентов несколько сверху, то увидишь простосердечных, очень небогатых юношей. Девушек слишком мало, чтоб принимать их во внимание, но они производят впечатление большего благополучия: чистенькие, аккуратные, одетые по-европейски.

Никогда не встречала толстых или даже упитанных молодых людей. После занятий на улицах часто видишь студентов, палочкой выковыривающих йогурт из крошечной коробочки. Одеты они, если прохладно, во что-то наподобие накидки из мешковины, в вязаную, вроде нашей лыжной, шапочку с помпоном, и на ногах неизменные резиновые шлепанцы через палец. Зимой по большей части температура 10 градусов тепла, однажды выпал снег, но часа через два растаял. Цыганское безразличие к холоду и голоду – это, наверно, культурный код кочевников, голые ступни которых погружены в теплую шерсть верблюда.

Первый семестр давался с трудом. Все время уходило на подготовку к занятиям. Через две недели я знала всех в трех моих

группах по имени-фамилии, но отличать имя от фамилии я не умела. Например, Абу Азиз. И где что? Так что никакого толку от этого не было. Контакт вяло провисал. Тяжело врубалась в их магрибский французский. Вопросы с места приходилось переспрашивать. Моя привычная требовательность, может быть, даже авторитарность, пробуксовывала.

И вот однажды случилось. Я подготовила контрольную, но группа выразила недовольство. Что они бормотали тихими голосами, я не понимала – и дрогнула. Собрала свои бумажонки и удалилась. Шла домой в аромате цветущих кустов под ласковым солнцем и ненавидела всё окружающее. Никак не могла остыть, дрожала от негодования, и редкие жгучие слезы вытекали из глаз – хорошо, никого не встретила.

Жаловалась заведующему, просила снять с меня группу. Он, как казалось, пошел мне навстречу, но вместо группы приладил к кафедральному письменному столу, будучи уверен, что женщину к студентам пускать нельзя. Пришло настоящее несчастье, когда по четыре часа я искала бумажку, только что мелькнувшую перед глазами. Боже, как я сочувствую нежным девушкам и юношам, включенным в безличную команду офисного планктона. Внимательное погружение в бессмысленность сделает из них инвалидов.

Попросила отпустить меня домой. Это шокировало, но ни что-либо решить, ни выступить с инициативой наш математический треугольник с избытком тупых углов не мог себе позволить. Я вернулась к преподаванию. Постепенно все утряслось и начало медленно раскручиваться в привычку. Я продолжала готовиться к занятиям, искала синонимы, учила слова для поощрения и поругания. Bien, конечно, можно произнести на тысячу ладов, но хотелось бы большей точности выражений.

Mes amies

Мои друзья

Первые месяцы, когда преподавание было единственной моей заботой, не считая сложностей быта, русло дней так сузилось, что приходилось биться головой в каменные его берега. Необходим в таких обстоятельствах выход в другие леса, перелески, луга существования. Что-нибудь фантастическое, романтическое. Занялась стихами. Работа как работа. Начала: “Светало. Ранняя весна...”

Я переносилась в Боброво. Март. Очень крепкий наст. Перед десятком изб большое выпуклое поле, падающее в кусты оврага. Вот эти утренние сумерки и есть моя настоящая африканская жизнь.

Светало. Ранняя весна
В иголки странно превращалась,
И осторожно начиналась,
Похрустывая, тишина.
Дома, не выставляя бревен,
Гнездились в густоте берез,
И между двух заснувших звезд
Шел к лесу путь, широк и черен.
В лесу кустарник тихо спал,
Укрытый воздухом лохматым,
И ствол стволу казался братом
И из тумана брата звал.

Жарко. Безвкусный закат бьется в деревянные жалюзи. А у меня март, молитвенная весна деревни Боброво.

Хотелось обойтись без романтизма, без «заснувших звезд», так, чтоб стихи выражали последнюю правду, — я ведь математик, но переломить себя через коленку — распрощаться с жизнью. Поросенок должен визжать по-пороссячи.

Не знаю, насколько успешно, но я всегда борюсь с романтическими заносами. Как только художник касается мистики, его творение становится, может быть, более привлекательным, но теряет твердость. Мистика — это уход из ясного сознания в туман неопределенности, и этот уход врачует травму, нанесенную ясностью.

На мой взгляд, сознание наше так мизерно, что затуманивать его нечестно. Оно и так, шаг в сторону — рождает чудищ. Доступная нам ясность сознания — это лучшее достижение человечества. Романтизму, мистике не ведомы ни подлинные страсти, ни настоящая смерть. Пусть романтизм будет экзотикой, развлечением, но не соблазняет тысячи простецов.

Таким простецом оказалась я тогда, перед угрозой разрыва. Миша твердо, без размышлений сказал «нет», и я поняла: «он не любит». Уехала на все лето. Потом уехала на Тянь-Шань. Фу, как скучно об этом писать.

Сейчас, с высоты прожитых лет (а может быть, из глубины или из ямы), я понимаю себя тогдашнюю с каждым годом все меньше. По существу, по внутреннему состоянию, я ушла на много лет в

бомжи. Не бросила работу, только чтобы не травмировать маму, радовалась, что меня не двигают по служебной лестнице, – минимальная зарплата мне казалась честнее, а должностное повышение – отвратительней. Что касается рабочих отношений, обязанностей, заседаний, всё представлялось диким и смешным. Да и не только это... Как-то написала стихотворение: “У меня из головы растет дерево...” – это про общение со студентами.

Мое состояние в те времена я определила бы как “пропала от любви”. Не думаю, что таких, как я, людей мало. Девочки и мальчики в любой момент могут пропасть от любви на десять лет, да еще с возможностью продления. Но мы ведь не считаем себя больными. Я говорила себе: “Травма должна быть изжита. И раньше времени забывать нельзя”. Это – в некоторые моменты. Но много чаще я надеялась, что он вернется.

На этом лирическое отступление закончено.

Продолжаю. Травмирующая ясность – оксюморон? И все же, живешь, живешь – и вдруг, о ужас, видишь, что все вокруг другие, не такие, как ты думала. Что делать? Как что? Напустить себе в голову туману мистики, облегченный вариант – романтизма. Вот тебе и жизнь без травматизма.

Ура! Наконец-то – Москва лаборанта в подарок на кафедру шлет. Славный Славик теперь за столом восседает. Каждой бумажке свой уголок нашел и запомнил, воздал треугольнику почести – это работа. В школу вожатым пошел: так он исполнил завет руководства – каждый общественным делом обязан сиять. Я, например, просияла хористкой. Но Славику мало. Футболистом прослыл в команде быков или тигров, словом, самой великой в округе. Всё? Но кто же, но кто же Игорю, математику из Сибири, выдал, невидимый, пару рогов?

С жизнью каждый справляется, как может.

Все главные герои живут в одной квартире: Алик, наш Славик и Вася. Из троицы, с точки зрения ясности сознания, на последнем месте Вася. Какая уж тут ясность, если он интеллигент. В Минске живет любимая жена, да хоть бы и нелюбимая – интеллигент не бывает заряжен сексом, как кассетная бомба травмирующими шариками.

С Васей можно разговаривать, но, как настоящий интеллект, он не следит за своей внешностью, а ест в больших количествах

полезные лук и чеснок. Хорошо бы с ним беседовать через защитный экранчик. Васе, единственному, я читала свои стихи. Несколько дней он думал и выдал информацию: «Твои стихи никто читать не будет, потому что они слишком субъективны». Хорошо. Встретившись случайно с Васей, мы улыбаемся, шутим и часто смеемся. Так что Вася пусть с недостатками, но свой.

Славик – такой гуттаперчивый, ласковый котик. Мне с ним хорошо. С точки зрения сознания? Сознание без знания – удобная вещь. Во-первых, ничего лишнего. Во-вторых, нет врагов, потому что всех ты понимаешь и все тебя понимают. Славик поладит с любым крокодилом. Славик в пещеру циклопа войдет... и выйдет спокойно.

С первого знакомства я ставила их рядом: Славика и моего-немоего Мишу, хотя внешне они противоположности. Миша о славе в искусстве мечтает, Славик – о брюках удобных и вкусной еде, и сам удобен, приятен – начальником станет отличным, хоть, может быть, в шайке воров. Ум невысокий, но плотный, и Бендера гены играют. Он свободен, предвзятости нет и следа. И меня тоже любит, как всех остальных.

Вот оно что. И Слава и Миша от женщин, любых, без ума. Нет, точнее, они ювелиры высшего класса в оценке, огранке женских достоинств. В их руках женщина видит себя королевой, бесценной красавицей первой. Не это ль восторг?

А голос! Только по голосу есть основанье удачно найти жениха. Счастья не жди, если голос партнера козлийный. Как ни старайся на козлиной руладе не вырастишь вечной любви...

Про что это я? Да про Мишу и Славика. Много лет я любила не Мишу, а голос его, тающий не в ушах, а скорее в гортани. Этот запредельно любимый голос мерещился мне в метро, автобусе, на улице. Этот голос открывал мне всё самое тайное в нем до дна, до промелька какого-то образа, до нечаянного вздоха. Он насыщал меня до краев. Услышав его, я сама становилась неслышимой, невидимой тенью самой себя на неделю, если не на месяц.

Теперь, когда я вспоминаю его голос, обнаруживаю, что их было два. Первый – тот самый, и я в любой момент могу его, вообразив, услышать. Но есть еще и второй. Если вспомнить его голос в споре с кем-нибудь, просто в толпе, то это классический козлийный голос. Что делать? От правды не отгородиться.

Но Славик, если тембром козлиным и владел, то не использовал его — зачем ему надрываться? Он рожден для игры, для еды, для футбола. Да мало ли чем можно еще насладиться? Иной вот в плевке удовольствия столько получит, сколько другому за целую жизнь не достанется.

Время со Славиком проводить мне приятно. Ездили, вроде по делу, в Алжир. По-французски мой спутник ни-ни, но ему и не надо. Выскочит дядя арабский из лавочки, мол, просим, купите. Спутник мой спокоино: «Мерсюнчики, мы не возьмем». Дядя всё понял, из экстаза вернулся, довольный пошел отдыхать.

И в футбольной команде Славик на месте. Однажды при сильном скопленье народа шел матч эпохальный. Вячеслав в нападении. Вдруг кто-то ему пас в голову дал с расстоянья в два шага. Самоотверженность — вот в чем нашего друга прекрасное свойство. Верным движеньем мяч он направил в ворота. Гол!

Другой раз ходили в Фигье целым классом, где Славик вожатый. Только на берег морской вышли, дети уж тащат прозрачное тело паучье. Вот мальчик французский сидит на песке с осьминога детенышем чудным. Присосочки присасываются, мальчик отдирает, смеясь. Просим попробовать. Тоже смеемся. Резино-галошный зверек, пылесосу подобный. Потом все вместе смотрели, как в воде осьминожник, отпущенный, скрылся.

Пришли. Фигье — поселок французский с домами, садами на горке. Все чисто, красиво без роскоши. Птичкам небесным, Франциска посланницам, замок не нужен, а жителям именно с ними хотелось бы тихо дружить и беседовать мирно. Фиг в Фигье нам жить — мы казаки. Утрачено Сорского Нила наследье. И новым казакам с их роскошью варварской так не устроить, и сладкие фиги на нашей земле не растут.

Да, Славик — славный мальй, футболист и вожатый.

Ну, и третий — Алик. Алик — крюк, на котором повеситься можно.

Кому повеситься? Тебе. Это ты не соответствуешь африканским страстям под африканским солнцем. Кровь твоя — вода Белого моря. Страсти твои — белые чайки, белыми ночами кричащие душераздирающими голосами, у людей такие голоса сочувствия не вызывают.

Сначала симпатия. Здоров он и духом и телом и весел душой, так казалось. Мне нравилось жить под внимательным взглядом, но что там за ним, не хотелось и думать. Болтали, смеялись – так, не над чем. Лишь раз удивилась. Усмехнувшись, нам с соседкой сказал, что однажды студентка его (и считал он, что это влечение), прикасаясь рукою к руке, вызвала разряд электрический. Непонятно мне это, обсуждать же такое – мне странно.

Наверное, сближенье с Аликом и стало причиной, что вошла, как-то вторглась в кружок незамужних женщин, мужчин холостых и примкнувших семейных. Ходила в походы с семьей замечательной Лизы. Лиза, Гнесинку кончив, славу манящую разом сменила на Костика, первого в мире умельца. С помойки муж часто детали невзрачные нес, а потом для мальчишек своих торшер и тысячу более мелких удобных вещей мастерил. Костя тоже весел, свободен, и дети – прелесть. Костя с Аликом коллеги, то бишь рыбаки. Лучшего способа из дома законно слинять никто не придумал.

Ночь. Небо беззвездно, моря не видно, но, если лицом повернуться к морю-небу кромешному, чувствуешь мокрое, черное и живое. Вдруг колокольчик звякнул – клюет. Кто это? Что это? Змея. Свиваясь, к морю ползет. Еле справились всем коллективом. Назвали змеюгу угрем, в ведро положили. От мрака морского, из неба густого, вверх, к свету, к огням домов-батиманов внесли триумфаторы зверя. Женщинам на руки сдали чудо морское в звании рыбы.

А как за грибами ходили! Вдоль моря дюны песчаные, сосны, под ними маслята. Море бурное там за грядой, за сосной расшумелось, а здесь мы и грибы, словно дома...

Но про кафедру надо добавить. Славик и Игорь – оба только что кончили вузы и в треугольник попали, в силки. Славик свободен, Игорь, молодой математик родом из Сибири, с женой и младенцем приехал работать в Алжир.

Игорь сдержан, серьезен. Cours d'essai, на кафедре мой пробный урок, окончен. Игорь тихонько подходит, сообщает, что французское «con» в переводе значит матерное слово. Пять «con»-ов, я вижу, доску украшают, ведь тема сходимость рядов, convergence. Игорь хороший, больше на кафедре о новенькой некому подумать.

Игорь и жена его Катя после случая этого стали ко мне приходиться иногда. Или Катя одна придет, чаю попить, отдохнуть от ребенка,

сердобольной соседке спихнув свое чудное чадо. Катя нравилась мне отсутствием комплексов. Простота, откровенность граничили с легким расстройством. Вот однажды услышала я такое.

— Только мне Игорь что-то не то — вскипаю, как чайник. Он весь перекосятся, губы провалятся. И тут — бахнула дверь, он смотался.

Как гривенник новый является. Плечами пожму, и каждый раз по привычке ему: «Ты мужчинка с тропинкой». Правда, потом иногда улыбалась. А один раз с улыбкой несчастной он сам всё те же слова начинает, а я сковородкой. Промахнулась чуть-чуть, а вмятину в нашем шкафу могу показать. Это здесь уже было. Ну, вот. Подходит он ко мне, хватает в охапку и за дверь выставляет, да еще с прибауткой: «Тропинку ищи. Будешь блондинкой с тропинкой». Замерзла, остыла и позвонила. Вошла, и неделю молчали. Теперь, чуть что, уходит гулять, но я ни про какие тропинки не вспоминаю.

— Катюня, тебе его не жалко? — говорю я.

— Жалко? А что он такой? Он для меня, как утюг на голову. Поставила себе утюг на голову, когда за него душой семнадцатилетней вышла, так и живу. Здесь я не могу ни выгнать его, ни уйти куда-нибудь, а в Москве у меня квартира, моя, ребенок мой, так я его в два счета, одним щелчком.

— Зачем же выходила?

— Как все, — беременная.

— От Игоря?

— Он думает, что так.

Катюня ушла, а мне, как и прежде, Игоря жалко. По большому счету, это столкновение цивилизаций. Москва — это излет культуры. Здесь цивилизация высохшей старческой рукой выпшвыривает молодых провинциалов, чужаков, если в них осталась русская культура, скромность, порядочность. Для «настоящих москвичей», с их бешеным ритмом жизни, скаредной расчетливостью в делах, провинция — отстой.

Игорь спокоен, Славик тем паче. Только Катюня, сибирская пленница, — сверхчеловек. Как я узнала, что Игорь-олень? В новогоднюю ночь.

Полвторого. Дети уснули, Лизу сморило. Что-то мы все перед тортом несвязно кричим. Звонок вдруг. Наташа, у Славы с ней что-то как будто чуть зреет, идет открывать. С громкими воплями, с чем-то

немыслимо вкусным Катюня с подружкой по спорту. Катя в комнате, Катя на кухне – Славик, склоненный над блюдом, в секунду исчез. «Где Славик?» – вопит. Наконец Лиза зашла посмотреть на детей. Слава там, оправдался, что дети пищали, он на помощь пришел. Так до меня доходить начало. Слава добрый, Игорь добрый, – злых мужиков не бывает.

Та новогодняя ночь закончилась для меня бесславно и прозаично. Алик, сосед Славы, засасывал мое лицо в свой губастый огромный рот и стучал моей головой в стенку, повторяя: «Лада моя, лада». Не понравилось мне, и он отпустил, с горечью молвив: «Ты не орлица». Не учел, что не думала я, не мечтала о карьере птицы хищной, тигрицы или даже волчицы. Почему так неправильно строятся люди? Вот с Аликом Катя – пара орлов. Парили бы вместе, а то...

На кафедре увидела как-то лаборанта с книгой. Интересно. Подошла, повернула обложкой, Слава объяснил мне: «Ерунда, хрень собачья». Обложка бумагой закрыта, я в руки взяла: «Так говорит Заратустра».

Вспомнила. Вместе с Катюшей шла я на рынок. Говорили о книгах. С последней серьезностью дева призналась, что Слава ее понимает, а больше никто. Что двое их, высшего свойства людей. Что с Ницше он согласился, что он в восхищенье, и ей благодарен за книгу, за мысли, за то, что их двое, не слитых с толпой, а великих. Катюня раскрылась, поскольку себя просиявшей во тьме ощутила.

Алик не такой. Вменяем, разума крупною солью посыпан, но в нем дева-Катюне равновеликое чую. Вот им бы летать.

Я из другого карраса, но что-то горячее он разбудил, благодственный сон мой встревожил. Чувственность? Вот гадство. Негритянские страсти прекрасны, но мавр – благородный, головой Дездемоны он стену пробить не пытался. Он сразу – душил. Алик – не Отелло, и это подарок судьбы.

Теперь, не орлица, я тихую жизнь продолжаю. Только в приятной компании я оказалась, пожалуйста, первый день года – и снова одна.

В той квартире таинственный сумрак уставшего праздника тлеет, то смехом детей оживляясь, то вспыхнув ритмичною музыкой, – кто-то запись врубил, сон отгоняя. Музыку прочь. Костя что-то из жизни расскажет, чтоб было смешно, из той, из московской. Гитару возьмет Люба с хорошою песней, но Петя голосом звучным – будто

глушителем — песню загубит, потому что без слуха. Хотелось бы с ними песни кричать и чем-то своим поделиться, но просто физически, знаю, пойти я туда не могу. Наверно, мне и надо быть одной, и мне это нравится, но как же хочется смеяться вместе со всеми, с теми, кто полюбил тебя хотя бы на день. Остро чувствую, что осталась одна. Иду домой.

Le retour К себе

Вхожу в комнату, надо переодеться. Открываю шкаф. Перебираю вещи то выше, то ниже, а плечом слегка толкаю дверцу шкафа. И тут слышу: дверца — точь-в-точь стадо баранов — вскрикивает, блеет на разные голоса, то тенором, то басом. Оглушенная, закрываю шкаф, в ушах еще блеяние.

В темном окне тусклый день, сердце опускается, опускается, и что мне остается? Впустить Ее.

Моя смерть живет параллельной жизнью. Как только я о ней вспоминаю, она входит хозяйкой в квартиру. Голова моя пустеет, внутри все опускается, и утрово я встречаю Ее. Двигаюсь с трудом, руки-ноги не слушают друг друга, наконец я сдаюсь. Укладываюсь в постель.

Всё, что было во мне живого, бесцельно и беспорядочно бьется внутри всё тише и тише. Готовлюсь умереть.

Неизвестно, сколько времени так пролежала, но тяжесть прошла, вернее, я перестала ее замечать, сделалась сама себе посторонней. Смерти не было больше в теле, но такое глубокое уважение к ней я чувствовала, что собственная жизнь не представляла больше интереса. Думала о смерти. Думала без мысли, как будто делала тяжелую привычную работу. Не замечая того, встала и начала прохаживаться. Наконец заключила: «Смерть — это что-то простое, как всё в жизни».

Усаживаюсь. Опускаю голову. Отдаляюсь. Отворачиваюсь. И вот иду по знакомой тропе, иду не останавливаясь.

Вот и пруд. Раннее утро. Разуемся. Какой холодный песок. Цепочка следов как строчка написанная. Оно так, оно так, да.

Всё. Точка. Перестань травить душу. Будь достойна своего одиночества.

Значит, все-таки ты и все-все – цветы? Или у тебя претензия, что ты то ковер, то гортензия? И зла нет? Совсем? И добра, значит, тоже? Пусть бы их и не было. Пусть бы никто не сопротивлялся злу насилеиом. Но ты-то знаешь, что зло в тебе. Зло внутри, и без насилия никак.

И если мы считаем себя недостойными, то виноват в этом Бог. Да, кто достоин, так это Он. Назови Его природой или еще как-то, но недостойна, ложна Его идея разумного существа. Вот человек глядит на небо. Оно же рядом, вот. А где же я? Наглядеться бы на небо до смерти. Щекой бы его коснуться и языком попробовать. Но где же я? Глаза бы в него вбить, как гвозди, чтоб не отодрать, но где они, мои глаза?

Никак, никак мне себя там, перед небом, не отыскать. Не может человек соотнести себя с небом. Всячески его все поминает, дотягивается до него рукой, а соотнести не может.

Но соотнести надо. Потому что вот оно, небо. Перед тобой. Вот тебе и разумное существо. Все остальные существа согласны с небом вполне. Перед ними не стоит такая задача. А человек? Только и забот, что натягивать на себя новую домотканую рубашку моральных постановлений для того, чтобы тут же начать исподтишка рвать ее на себе.

Что будет здесь со мною?

Я вступаю во взрослые отношения с людьми под прессом критики чистого разума. Тем не менее эмоции, непреодолимо бесплодные, продолжают топить меня в своих волнах. Но критическое к себе, да и к Мише, отношение уже вышло из пеленок и не позволит растоптать здравый смысл. Все шло так, как должно идти. Ушло мое мехматское детство. Больше нет уверенности, что силы мои бесконечны, а жизнь и создана для того, чтоб мне подчиняться. Теперь гордыня, как плохой зуб, покачивается и болит.

Взросление еще далеко. Смотрю на его фотку периода нашего начала. Мальчик в военной форме занозисто вздернул голову вверх и в сторону. Желание славы? Да. Но прежде готовность лететь в танце, лишь бы музыка играла. Захлебнуться восхищением, влюбиться без памяти в первого встречного, через пять минут стать его подобием, перенять жесты, мимику, слова и манеру говорить.

Если бы в нем была хоть капля мужественности, он не стал бы на первый мой по телефону вопрос спотыкающимся голосом

«как дела» отвечать: «Ты позвонила, теперь все будет хорошо». Он не стал бы так мучительно улыбаться в конце первого свидания. Для чего он так? Для того. Единственный его мне материальный подарок — полудрагоценная венерическая болезнь. Мне кажется, он определил меня в свои ангелы-хранители. А разве можно ангелов просто пожалеть? Ангела лучше забить камнями, чтоб не лез, куда не следует. И только, если одолела тоска, набрать номер «ангела» и слушать испуганный голос «аллэ, аллэ, ничего не слышно». Так он из маленького кристаллика любви старательно выращивал во мне любовь на всю жизнь, невозможность искренних отношений с кем-либо еще. Аминь.

Теперь ты сама с собой. Да осталось ли снаружи все, что ты себе представляешь? Очень может быть, что ничего этого нет. Вообрази, что ты идешь по своему городу. В этом городе каждый шаг, возможно, вернет тебя на два года, на пять, десять лет назад. Ступила, а место заколдованное. Ночь, и всё перемешано бордовой мглой. Какое время года? Сколько тебе лет? Ничто не рискует к тебе приблизиться. И ты снова, как тогда, бежишь в переход под землю, из-под земли, по проулкам, мимо глухих стен. Углы домов, лобастые троллейбусы, узкоглазые фонари. А ты бежишь, чтобы всё осталось. Стоит тебе остановиться, и все рухнет, и обрушатся стены. Но ты бежишь, потому что еще можно все спасти. И ты знаешь, что спасешь, потому что есть один шанс из тысячи, а это очень, еще очень много.

Вопрос в лоб. Спасла или не спасла? Но дело-то не в этом. Дело в том, что ты действовала не раздумывая. В тяжелой ситуации по-другому нельзя. А теперь не можешь уже разучиться думать, значит, не умеешь действовать — трудности уже не для тебя. Такие трудности, как город. Пусть будет деревня.

Поле. Снег. Избы. Неторопливые. Неразговорчивые. Два крыла крыши не стиснуты, не распластаны, лежат белые на черных бревнах. Лететь в небо — далеко не улетишь, а петушиться на месте — так и труда не стоит. Лишний раз не улыбнутся, только и прогнать меня не прогонят. Да, брейгелевских утесов на горизонте нет. Нет утесов. И очень все от этого не закончено, путь вдаль бесконечен. Только деревья и запах мокрого снега, смешанный с дыханием печных труб. Это запах бесконечности жизни, не бессмертья, нет. Сиюминутный и вечный. Этим запахом любого человека можно вылечить, меня, например. Этот запах можно пощупать руками. Он на ощупь — соломинка. Ведешь, ведешь пальцем по шелковой трубочке, и вдруг

укол и заноза. И тебе смешно, и ты не подозреваешь, что всю жизнь этот запах держится в тебе, хочешь того или нет, все равно, каким бы теперь ты воздухом ни дышал.

Особенно силен запах по ночам в марте. И звезды над забором тоже вдыхают его. И вот-вот моргнут, и талая вода сбежит по оконному стеклу...

Нет, нет, нельзя так волноваться. Это только мысль, мысль. Нет никаких капель, и ты должна держать себя в руках. Капли — там. Тут — сушь.

Полежав и подремав в темной воде бессмертия, я бодро встаю, и это значит, что смерть ушла до лучших для нее времен. Мне снова с собой смертельно интересно. Что еще смешное я придумаю?

Теперь займемся привычным. Спицы в руках, нитка то слева, то справа, тишь в голове. Если скучно, пусть тренькнет: Control. Монте-Карло ли, Франс ли интер в тусклой комнате пусть почирикают нежно.

Alger Алжир

Выходной день. Еду в Алжир. Поезд подходит, и толпы студентов штурмуют вагоны. Пожилой француз говорит своей даме: такое у нас было во время оккупации.

Тем не менее спокойно еду в купе, напротив студенты, рабочие, в другом конце большое семейство итальянцев.

Через полчаса появляются помойки предместья. От наших отличаются, пожалуй, масштабом.

Поезд пришел. Теперь поднимаюсь на лифте — и вот он, белый город такой красоты, что хочется туда снова и снова.

Центральная улица. Дома, как корабли, узкими круглыми носами разрезают пространство улиц, направленных то вниз, то вверх на гору. Больше всего я люблю карабкаться к той улице, где из сквера попадаешь в музей с теплыми розоватыми античными скульптурами в галереях.

Можно сходить в кино. Можно на почту, чтобы позвонить домой. Но больше всего времени я провожу в книжных магазинах. Я стою там так долго, что посетители принимают меня за продавца.

Что толку говорить о городе. Его надо видеть.

Африка. 1977 год.

Елена Твердислова

«Меа шеарим ,, сто ворот...»

Фрагмент романа

Сол с обожанием вспоминал деда – и с благодарностью, которой не питал к отцу. Да разве в их тогдашней жизни в Харбине это могло что-то значить? Малюсенький домик, даже лачужка, со всех сторон продувает. Дед чуть ли не ежемесячно бегал в консульство, информировал, где находятся. Пока бабка не запретила. Им уже никто не верил, а власть без конца менялась, то советы, то беляки, то... Сильная и волевая, про нее говорили: «Ася Ароновна – не еврейка. Дикий, не восточный нрав...» «Да вы евреек не знаете», – и еще выше голову. Дед, наверное, раньше держал ее в узде, но доверял больше, чем себе, ее советам, а уж просьбе... Особенно, когда пришлось взять с собой мальчонку, навязали чуть ли не силой, и отказать не могли...

Грохнула революция, но не сразу поняли, что к привычной жизни возврата нет, поселились, вместе с хозяевами, в маленьком флигеле при помещичьем доме за городом, куда раньше съезжались на лето. То лето было последним.

Прибежала хозяйка – так Ася называла Ольгу, жену Тимофея Васильевича, владельца фабрики. Сильный был мужик, с размахом, плавкой металла занимался, какой чугуn выплавляли – кружева... Ольга не похожа на себя, растрепанная, а им не до нее, только что сынишку схоронили, Давидчика, единственного. Ходит Самуил по дому и сам с собой разговаривает: «Бог дал, Бог взял», – а Ольга... бултых на колени: «Спасите!»

Самуил с Асей кинулись к ней, катается по полу с рыданиями, будто это ее сын сейчас помер:

– О-о-о!

– Да что случилось? Федя заболел?

Не поднимаясь с пола, стоя на коленях и раскачиваясь из стороны в сторону, запричитала:

– Всю семью расстреляли, вместе с детишками, с девочками, красавицы, любо-дорого смотреть было, мальчонку не пощадил, изверги, смертельно же болел... Тимофею шепнули, мол, бегите – с царской семьей расправились, вас и подавно истребят, богатых...

– Но мы-то что можем сделать? – Ася любила действовать конкретно.

– Возьмите его с собой! – Ольга обняла ее ноги и прижалась к ним.

– Куда?!

– В Харбин! Ведь было же приглашение!

– Мы в этот Бердичев ехать не собирались, – дед поднял, наконец, хозяйку, остановился, поглаживая бороду и переступая с ноги на ногу, скрипя сапогами, любил дома их носить. – Нас пригласила еврейская община...

– А мне рассказывали, Харбин – Мекка для евреев, – в ответ Ольга. – Мне все равно сейчас...

– Но Федя... – Ася руками разводит, а хозяйка слова вставить не дает!

– Умоляю, не отказывайтесь, сначала придут за нами, и так уже всё отобрали, мы им глаза мозолим, потом примутся за вас. Уезжайте с нашим Феденькой ради всего святого... Вы там устройтесь – уж своим евреям помереть не дадут.

– С чужим ребенком?

– Нет, собственным...

– Как это? – Ася села на стул, стянула с головы платок. Парик съехал на бок, обнажив бритую голову.

– Они с Давидкой одногодки...

– А документы?

– Выправим, есть человек, сумеет... – Ольга продумала все до мелочей.

– Выходит, не сегодня вам эта мысль в голову пришла? – тихо проговорил дед.

– Ваш умер – неужели не спасете чужого? Феденька вас хорошо знает, мальчишки вместе играли, только с вами могу отпустить...

– Но мы едем в еврейскую общину! – более твердо повторил дед.

– Ну и что? – Ольга схватилась за Асю. – У вас другой Бог? Вам не жалко детей? Какая разница? Мы приедем! Обязательно! А с ним нам не скрыться... И его погубим.

Феденьку ночью подняли, что-то быстро говорили про тяжелые времена, что он уезжает, ненадолго, но так надо, вместо Давида, за Давида то есть... Родители терялись и не знали, как объяснить. «Разве умершие возвращаются? – не унимался Федя. – Это называется переселение душ?» – пытал родителей. «Вроде того», – отец еще что-то говорил, а мать вдруг замолчала.

– Смотри, в соляной столп превратилась, – тихо в бок Самуилу Ася, когда сажались в коляску. Тимофей Васильевич деньги им сует, а те брать бояться. И бесчувственно Ольга поводит вокруг глазами.

Поездка оказалась на редкость трудной: по дороге Федя заболел, и Ася решила было вернуться, да к кому возвращаться-то? Эта же повозка на следующую ночь увезла Ольгу с Тимофеем, никто не знал, куда.

Не так давно построенная КВЖД представлялась верхом совершенства, но пришлось ехать в теплушке, теснота, давка, вокруг люди, а у Феде, то бишь у Давида, лихорадка, то в жар, то в холод бросает. Совсем с ног сбились. «Деньги, за деньгами смотри», – Ася – мужу, а он: «Они у тебя?» Что? Ну да, вспомнила, спрятала в тайное место. Температура у мальчонки держится, врача надо вызвать. Ася прилегла на сиденье, обняла Феденьку, теперь это их Давидка, тот дрожит, носом под мышку тычется и смешно так: «Мама, мамочка!» «Я тут, с тобой», – еле прошептала. Уснул. Потом ее сменил Самуил, Давидка не отпускал его, вцепился, прижался. Выглянула в окно и ахнула: только что тянулись уютные домики и станции привокзальные, чисто вокруг, красиво, огни горят, а тут – голое поле, овраги и нищие, будто со всех мест сюда свезли. Ужас охватил Асю, кинулась к мужу, бежим обратно, здесь жить нельзя! На одной из станций отправила Самуила: купи обратные билеты. Долго не было, вернулся бледный: не получится, у нас виза, нужны другие документы. «Я деньги предлагал, большие, кто-то слышал, теперь жди, обворуют». И угадал: пошла Ася в туалет, а ее в коридоре двое молодых: «Вам что надо?» – прижали и давай шарить по телу. «Есть, – тут же отпустили. – Закричишь, украдем сына!» И тут наступило полное спокойствие. Вернуться невозможно. Денег нет. Остался Федя – его довести. Эта цель была вроде им по плечу. И когда измученные от долгой тряски в раскачивающемся вагоне сели на лошадь и ветер, не понятно с какой стороны дует, Самуил прошипел тихо: «Проклятье!» – больше ничего.

Неужели чужбина может кому-то нравиться? Кто-то нахваливал... Декларация Бальфура отсюда далеко... Холод, сырость, никакого уюта. Феденьке мерещилась белая скатерть на столе, и как их Агафья, которую все звали нянечка, накрывает к обеду: большая тарелка с тоненьким синим ободком, на нее – глубокая, рядом – средняя, и непременно ему поставят хрустальный стакан для воды, отцу – стопку для водки и матери – бокал для вина. Какой бы ни был день, кто бы к ним ни заехал, бывало, что за столом и втроем, все равно парадно накрытый стол – неременная часть еды... Это запомнил, родителей – как из памяти стерло.

То ли лихорадка, то ли жизнь, резко переменявшаяся, всё вокруг новое, но Феденька ни разу не усомнился, что он – Давидка. Боялся только один остаться, крик поднимал, в слезы кидался. О работе для Аси и думать было нечего, а то мальчонка совсем свихнется. И тряслись за него, и со страхом ожидали приезда Ольги и Тимофея – не отдадим! Сами просили взять мальчонку, пеняйте теперь на себя! Не пришлось, не объявились, и никто никогда о них ничего не узнал. Выпадали не только зубы и волосы, выпадали годы и люди. Безвозвратно исчезали.

Но эти страхи сменили худшие: Федя был не обрезан. Какая может быть синагога? Сказать, что приемьш, – нет документов, признаться – его отнимут, а их посадят или, чего доброго, советам сдадут. Сделать обрезание теперь – кто-нибудь проболтается. В любом случае несдобровать, не то что община, никто из евреев не вступится. И рос Давидка в непонятном окружении. Для русских они – вроде как чужие, сблизиться боялись. Хотя среди интеллигенции столько евреев, но их избегали пуще других, вот и получалось, что странные они какие-то, своих сторонятся.

Дед рассказывал не торопясь, как поначалу жили в проржавевшем малюсеньком вагончике, списанном и поставленном на запасные пути. Давидке нравилось из окна наблюдать за дымком паровозным, бегать по шпалам, считая их, и не ошибаться, разрешали только до тридцатой, а потом назад. Мальчик был доволен, всему радовался, а дед видел лишь грязь, копоть вокзала и пыльную, открытую всем ветрам набережную.

На какое-то время их поселили в уютном, чистеньком домике – здесь таких было много, Екатеринославль напоминали, без слез не вспомнить то время, и как хотели сами обзавестись жильем, похожий

присмотрели когда-то с Асей. Увы, платить ныне нечем, из жалости им уступили лачужку в сельце со странным названием Эхо, забытый Богом поселок, дед и внимания бы не обратил, да Ася постоянно повторяла: «Наша жизнь – эхо, знать бы чье...» Что тут было раньше – конюшня, коровник? Похоже, хозяева держали корову, могла быть и лошадь. Поначалу их откровенно страшились: нищих не любит никто, а уж нищих евреев и подавно...

Дед замолкал, вытирал слезы. Пришла пора Давидке в школу идти – отдали на казенный счет в городскую. Все удивлялись: ведь есть же еврейская. Да не про нас! Пришлось вернуться в Харбин, жили чуть ли не из милости при одной семье – муж ушел с белыми и ждали его вызова, им тоже не сладко приходилось, Ася у них и уборщицей была, и кухаркой, но с ними не сближалась – гордая. Еду, оставшуюся, приносила только вчерашнюю, которая на выброс, и грела на спиртовке. Теплая она была вкуснее.

Ничего с образованием у Давидки не получалось. Учиться не хотел, Ася читала ему, подсовывала книги, которые разными хитростями доставала, библиотека была неплохая в городе, он тупо их пересказывал. Так школу и не закончил, может, учись он, где побогаче, всё иначе сложилось бы... Денег у общины не попросишь, а были ведь богатые: и мелкими ссудами снабжали, и бесплатно обедай, да пойдя признайся, что попрошайка. Но пришлось – поклонились в ножки Хевре-Кадипц, спасибо им, похоронили Асю как подобает. Но это была уже не ее забота. Ты, Солик, родился у Давидки рано, и сколько пришлось ей, бедной, выслушать, что думают знакомые: как, иудейский мальчик женится на гойке?! И вы могли принять ее в семью?! «Куда деваться? – оправдывалась Ася, – не доглядели, девочка... в ожидании».

«Грех это, не соблюдаешь моисеева предписания», – твердила ей одна очень строгая еврейка, все боялись ее, еще пуще – злого ее слова. И нагадала. Не успела соседская Маша, бедная, сынишку родить, ой, досталось девчонке, прямо на улице тебя, недоношенного, но это ты уже сто раз слышал, про хунгузов, говоря начистоту, замуж не очень рвалась, да делать нечего, возможно, разбежались бы, но тут хворь какая-то напала на нее и в три дня унесла...

Долго еще стоял в ушах Давида ее стон, сливавшийся с гулом пароходов, подходивших к порту, – будто выплывали из тумана. «Да это никакой не туман, – говорил Самуил, – а пыль, ветер с

реки, быть непогоде...» И чем туман сильнее, тем громче гудели корабли. «Сунгари опять рыдает», — бывало печально замечала Ася, выражая свою тревогу: бежали за щедрой, спокойной и полной отдачи жизнью, а получили отчаяние, безработицу и нищету. Перебиваться со дня на день? Как быстро человек опускается, а еще быстрее к этому привыкает. Асе не до размышлений, выхаживала Сола, уж и не вспомнить, чем кормила, тюрю из хлеба — нажует и дает, плакал малец, голодал, но и молоком баловались: приносили добрые люди.

Тут новая беда — дед свалился. Сильный был, выдержал напасть, но стал инвалидом. Потом узнала, как болезнь называется: сложное слово... какой-то ...елит. Ходить почти не мог, тряся, руки не слушались. Но больше всего пугало его состояние: что-то чужое, неприятное проступало в характере, и чем труднее жилось, тем больше вспыхивало, видать, неуголенное высокомерие. «У плебеев, — говорили родители Асе, полагая, что могла лучше составить себе партию, — оно бывает непереносимо».

Самуила в семье жены не жаловали, но выбился в люди, стал ведущим инженером на фабрике крупнейшего в Сибири промышленника, не пустая должность, и доверял ему тот больше, чем кому бы то ни было. Покупка дома была делом решенным, сына собирались отвезти за границу — на учебу, нужна была хорошо оплачиваемая работа, их пригласили в Китай, да всё обернулось иначе.

В Китае тогда заинтересовались промышленной выплавкой металла, преобладала ручная, технология примитивная, но качество — что ни говори... Не начни Россия строить Чаньчунь, не двинулась бы жизнь в мирном рыбацком поселке... Эх, тогда бы сюда приехать, когда спокойный ход событий, похожий на течение воды в реке, несёт утешение и успокоение. Опоздали, и не поймешь, от кого прятаться: от совдепии, белых или японцев. Никто никому не верил, и память возвращалась в прошлое, казалось, открой глаза, и оно — вот, с тобой, ты — веселый, здоровый, идешь коридором к цеху, сейчас начнем лить чугун, густой, горячий, главное — чтобы, застыв, не ломался. Самуил верил в свинец, хоть и был вреден, но тут умеи употреблять с пользой, вот и китайцы научились — даже в глине, однако испытать на деле не пришлось.

Делился своими размышлениями с Солом, чудесный мальчишка, спокойный и слушает хорошо. «Давид, ты бы поиграл с сынишкой —

им гордиться можно, сообразительный, добрый...» «Ну и что с того? Ты вон – с образованием, а умираешь в нищете...»

Давид оказался человеком пьющим, а у тех, как известно, всё всегда в будущем. Настоящая жизнь куда-то катилась, хотя вроде бы каждый день одно и то же и самая простая еда: рыба, хлеб, капуста, чай. Ася пила его постоянно, приговаривая: «Силы дает». Однажды утром не встала, лежала худая, губы синие, что говорит, не слышно, глаза закрыты. Сол прижался к ней. «Как вы без меня будете?» Мучил ее Давидка, придет вечером с работы – где-то случайно и всё реже заработки доставал, завалится в угол с бутылкой, и не докличешься. Покинула их утлое суденышко...

Сол с удовольствием вспоминал, как дед, хоть и трудно было ему переступить с ноги на ногу, но выходил, особенно по праздникам – их бывало много, и всегда угощали, хорошее что-нибудь скажут. И нет-нет, да и будто про себя проговорит: «Возвращайся в Россию. Мы ведь оттуда!» А поняв, что час его настал, позвал Сола и всю их историю рассказал, кто они, откуда, и снова повторил: «Возвращайся!», – не принимая во внимание его возраст. Что ж, десять лет не так уж и мало: не поймет, так запомнит!

Давидка, однако, Сольчику не поверил, когда тот пересказал, что поведал ему перед смертью дед: сумасшедшая брехня старика перед смертью! Под старость с ума сошел, такое придумать: я – Федя?! А фамилию назвал? Не верю: не стали бы евреи с русским мальчиком возиться, да еще потеряв собственного. Такого не бывает! Самим бы уцелеть!

– Ты ведь не обрезан!

– И что? Я в детстве много болел, родители сами мне говорили, вот и не решились.

– Брит мила есть брит мила! Я не только болел, еле выкарабкался...

– Ты – другое дело, родился здесь, и вообще, это теперь дед от общины помощь получает, а тогда они ее избегали: «Нам не по пути с сионизмом!» Ох, любил папашка пламенные речи...

Так вот почему дед с бабкой сторонились общины: Федя обрек их на изоляцию, и получалось, что в глазах евреев они выглядели слишком гордыми, для общины – мало верующими, а для всех остальных – пришлыми. А ведь дед легко мог стать зажиточным.

— Что они нашли здесь, приехав сюда? — допытывался отец. — Ничего! Вот и я вернусь — и от ничего получу ничего, если не похлеще. Дед насочинял это всё тебе для значимости.

Сол не знал, что и думать. Отец по-своему был прав. Но он знал деда: не мог тот такое придумать перед смертью, даже ради того, чтобы вынудить их на отезд...

Вернулся Сол один, вместе с советской армией, пришли за ним, говорят, устроим в хорошую школу, станешь первоклассным переводчиком... По правде говоря и выбора-то у него не было. После смерти деда его приняли в еврейскую гимназию, потом и вовсе община им занялась, когда случилось несчастье с отцом — Давида избили чернорубашечники, поехал по своим мелким надобностям в Шанхай, а там — известное дело, гнездо... Промаялся недолго, рад был, что умирает. И остался Сол на распутье — кому следовать: отцу, не признавшему исповеди деда, или деду, его правде? Как соединить обоих? Поверить отцу — отказаться от деда, никого ближе у Сола не было, а признать его исповедь, они — не родные. Не признать — все равно отказаться, хоть и от родного.

Сол всегда помнил и любил их нерегулярные шاباتы, иногда Ася водила его в синагогу — на Песах и Симха Тору. Праздник запомнился звенящими колокольчиками: «Это корона, видишь, как красиво украшена?» — и еще странным названием октября — тишрей... Потом перестала соблюдать традиции: «Нас Господь покинул, мы ему не нужны, — обронила как-то. — Вот и Он нам отныне не нужен». Жест отчаяния. Некоторые полагают, будто за Бога или с Богом надо бороться, а с ним надо просто жить. Оба они посвятили себя его отцу, потом ему, кто-то должен это оправдать. Их загубленное еврейство. Сол надел кипу.

Илья не очень понимал, зачем он ему всё это рассказывает? Это была такая далекая от их жизни история, которую и сравнить было не с чем. Есть вещи, которые не исправить и не изменить, как жизнь сложилась, так и сложилась. И совета не дашь, и чужим опытом не воспользуешься. Куда зовет судьба? Даже если сиднем дома сидеть, нагонит. Польза пришла гораздо позже, когда уже жил в Израиле и чувствовал себя тут сабро.

Харбин — сказка с тяжелым концом, экзотика, развешанная по миру, была когда-то еврейской империей, как Китай — Поднебесным. Что это значит: от неба и до неба? Не время и не люди сохранили всё, а их воспоминания, которые поднимались над переживаниями и создавали из них венец, украшавший эц хаим — некое древо жизни.

Андрей Цуканов, Людмила Вязмитинова

ГРОЗА НА ЛОНГ-АЙЛЕНДЕ

Такого еще не случалось за десять с лишним лет нашей, как я теперь понимаю, счастливой семейной жизни. Мой муж, Майкл Горбов, успешный частный детектив, а также большой любитель вкусно покушать, уже третьи сутки не заходит на кухню и не спрашивает меня, что бы такого я хотела отведать за обедом и ужином. Уже третьи сутки, небритый и голодный, не глядя на меня, он молча лежит на диване в гостиной, время от времени невнятно бормоча себе под нос. Я разобрала только что-то типа «Я же чувствую, да нет, я знаю, что это он». Впав поначалу в отчаяние, я решила взять дело в свои руки. Поскольку мой муж принципиально не допускал меня к процессу приготовления пищи, за годы жизни с ним я основательно подзабыла, как это делается. Не придумав ничего лучшего, я заказала по телефону пиццу. И этот ярый ненавистник фастфуда равнодушно взял предложенный ему кусок пиццы и сжевал его, не открывая глаз и не прерывая свой маловразумительный монолог. Это уже армагеддон в отдельно взятой семье! Сдерживая слезы, я жевала свою порцию и осмысливала ситуацию.

Как всегда все началось со звонка инспектора Стрингера, который, чуть только дело запахнет керосином, начинает названивать моему мужу. Впрочем, как выяснилось, это дело пахло не керосином, а бензином, точнее гарью вызванного им пожара. Сгорел богатый дом на Лонг-Айленде, погибла его хозяйка, старая дева, мисс Скинни Винтер, причиной же пожара послужила стоявшая в подвале канистра с бензином, в которую попал электрический разряд. Лет этой леди было чуть ли не сто, особа она была малоприятная: тощая, как скелет, злая и скаредная. Дом, понятно, застрахован, а живущая с ней дальняя родственница, мисс Флоренс Спринг, цветущая тридцатилетняя дева, в это время была в гостях у соседей. Казалось бы, что тут особо расследовать? Дело житейское, и Бог милостив. Чего

не бывает с этим электричеством, а жизнь продолжается, тем более что наступила настоящая весна: солнце жарит, зелень, цветы.

Однако родственники старой леди, люди тоже не бедные, потребовали самого тщательного расследования: дескать, это дело рук жениха мисс Спринг, некоего Джона Кингсона, владельца брокерской фирмы, много лет ухаживавшего за миловидной наследницей, которой богатая родственница под страхом лишения наследства запрещала выходить замуж. И что же? Экспертиза показала, что проводка и все такое прочее были в полном порядке. Разряду неоткуда было взяться! Такое впечатление, что в канистру попала молния – в наглухо закрытом подвале, в который никто не заходил много дней! И вообще в доме, смахивавшем на хорошо охраняемую крепость, давно не было ни гостей, ни просто посторонних. Никто из домашних ни в чем подозрительном не замечен. Сам Джон Кингсон все время был в Нью-Йорке и на людях – у себя в фирме и дома, где он живет с матерью и младшим братом. Еще ходил в спортзал – брал уроки стрельбы из лука, говорит, решил руки укреплять, а теннис нужного эффекта не дает. Так там он тоже постоянно среди людей был. А в день пожара он сопровождал свою любезную в гости к соседям, где также каждую минуту был на виду, более того, был заводилой собравшейся компании.

Гроза в тот день действительно была. Но как-то внезапно налетела и также внезапно кончилась. И молния была. Только ударила она не в канистру в подвале дома престарелой мисс Скинни Винтер, а в дуб, растущий недалеко от дома – на самом берегу залива. Ударила прямо на глазах у гостей соседей мисс Винтер, среди которых были мисс Спринг и мистер Кингсон. Все они вышли в тот момент полюбоваться красиво разбивающимися о высокий берег волнами. Мистер Кингсон всех и привел, он и лук свой туда приволок, и потом свидетели происшествия описывали, как он гонялся за кроликом и с шутками и прибаутками целился куда-то в небо. Но внезапно в дуб ударила молния, и сразу хлынул сильный дождь. Все промокли, однако погода была теплая, до дома добрались быстро, на всякий случай позвонили в полицию и пошли отогреться в джакузи. Так что, когда загорелся соседний дом, не сразу и заметили.

В общем, сейчас родственники мисс Винтер нажимают на нужные рычаги, начальство инспектора Стрингера гневается, сам он паникует и с надеждой смотрит на Майкла, а Майкл пребывает в прострации.

Он лично ездил на место происшествия и вернулся какой-то странный... Я с ним не ездила: он сказал, что дело простое, а свидетели опрошены очень подробно, и что надо только хорошенько подумать, а это — его дело. Вот он и думает...

Я посмотрела на мужа. Вид у него был жалкий, и сердце мое зануло. «Майкл, — я тронула его за плечо, — мы же в паре работаем. ОК, думать — твое дело, у меня нет системного похода к анализу ситуации. Но говорить с людьми, нарывать факты — мое дело. Может, мне все-таки съездить туда, пообщаться с этими богачами?». Майкл открыл красные, воспаленные глаза. Я прижалась к нему и всхлипнула. Он погладил меня по спине. «Ладно, — ласково сказал он, — поезжай, проветришь, пообщайся, что тебе здесь сидеть. Только поаккуратней, как-то там все странно... И звони почаще».

Сгоревшая резиденция мисс Винтер находилась в Саффолке, на севере и почти на середине Лонг-Айленда. Налюбовавшись живописными пейзажами, которыми щедро одаривал меня залитый майским солнцем остров, и слегка поплутав по частным дорогам среди дорогих домов, я нашла тот, о котором говорил Майкл. На въезде к нему — при отсутствии даже подобия забора — стояли огромные каменные ворота, на массивных столбах которых сидели очень маленькие львы. Это был дом соседней покойной мисс Винтер, в гостях у которых во время пожара была мисс Спринг и у которых она жила сейчас. Припарковав машину, набрав номер Майкла и получив указание обращать внимание на все сколько-нибудь необычное и тут же звонить ему, я отправилась представляться и общаться.

Мисс Спринг оказалось крайне милой и симпатичной, полной жизни девушкой, выглядящей намного моложе своих тридцати лет. Она буквально излучала волны радости и полноты жизни. Мне даже почудилось, что рядом с ней ветер становится еще теплее, а цветы — мы сидели с ней в открытой беседке, увитой цветущими лианами, — просто тянутся к ней. Черный цвет ее блузки — понятно, траур — оттенял ярко-розовый, без следов помады, цвет губ, нежный румянец лица и сияющую синь глаз под пышной русой челкой. К отвороту блузки большой иглой был приколот стянутый темно-бордовой лентой букетик белых цветов. Игла была какая-то странная: массивная, вычурной формы, обломанная с острого конца, но очень красивая.

Поймав мой взгляд, мисс Спринг сказала: «Это мне Джон подарил. Правда, красиво? В тот день, когда был пожар, объяснив, что это

будет хорошо смотреться на черном». Тут к нам подошел сам Джон Кингсон. С ним тоже было приятно общаться: вежливый, умный молодой человек, от которого прямо-таки веет спокойной мужской силой. Он сказал мне, что понимает, почему Майкл не захотел видеть его своим официальным клиентом, но подтверждает, что готов должным образом оплатить нашу работу, и уверен, что мы в самые короткие сроки завершим расследование этого неприятного для всех дела. Покивав ему головой, я опять посмотрела на букетик, красовавшийся на блузке его невесты, полюбовалась на держащую его иглу и подумала, что мой муж прав: как-то тут все странно. Хотя вроде бы все просто и хорошо. Ладно, разберемся, главное, мы в паре, и каждый занят своей частью общего дела.

Через полчаса, не узнав от излучающей счастье пары ничего нового, я пошла звонить Майклу. Он рассеянно выслушал мой отчет и со словами «Знаешь что, езжай-ка ты оттуда, пока светло» отключил связь. Но не успела я убрать мобильник в кармашек сумки, как он зазвенел и высветил его имя. «Людмила, — голос моего мужа дрожал от напряжения, — давай осторожно, но по-быстрому, разыграй там сцену, что мне тебя учить, сними незаметно на мобильник эту иглу и немедленно уезжай оттуда. Как только выберешься на нормальную дорогу, вышли мне снимок». Я пожалала плечами: в конце концов, ему виднее, он у нас аналитик. С системным подходом. Мое дело — поставлять информацию.

Дома меня ждал сюрприз. Выйдя из лифта, я услышала доносящуюся из нашего апартаментов веселую музыку, в которую вплетался перестук каблучков. Что ж, это много лучше, чем депрессивное лежание на диване. К моему удивлению, у нас в гостях оказался инспектор Стрингер. И он, и мой муж были сильно навеселе. На журнальном столике в гостиной красовались две бутылки водки, початая и почти пустая, ваза богемского стекла с солеными огурцами, шмат сала в порванной фольге и лежащие поверх него любимый кухонный нож Майкла и куски хлеба, называемого в Нью-Йорке черным. Из кухни тянуло чем-то вкусным. А рядом с початой бутылкой водки по экрану ноутбука гоголем расхаживал весело поющий Эдуард Хиль. Ему — каждый по-своему — подпевали пляшущие инспектор и Майкл. «Хороши весной в саду цветочки, еще лучше девушки весной...» — разносилось по гостиной.

Я отрезала себе сала, положила его на кусок хлеба и устало опустилась на диван. Майкл протянул мне высокий хрустальный бокал,

почти до краев наполненный водкой. «По какому поводу банкет?» — осведомилась я, хлебнув из бокала. «Весна, дорогая, — ласково улыбнулся мне этот шут гороховый. — Она всегда побеждает зиму, а весной бывают очищающие природу грозы. Вот послушай, это народная мудрость». И он — надо понимать, уже в который раз — заставил Хиля на экране ноутбука весело пропеть: «Туча уплывает, ветер утихает, и опять синеют небеса».

«Ну, хорошо, — я встала с дивана и выключила ноутбук. — Главное, что ты в норме. Может, делом займемся? Этот Кингсон сказал, что его предложение остается в силе». «Дело закрыто. Банкет с инспектором по поводу успешного завершения дела тоже, — Майкл с трудом переложил храпящего на полу Стрингера на освободившийся диван. — Ты права: мы работаем в паре. И ты у меня просто молодец! Кстати, как ты думаешь, как будет Кощей Бессмертный по-английски?» «Откуда мне знать, — я раздраженно пожала плечами. — Это ты у нас знаток философии и мифологии. Скелетон, может быть, или проще — скинни?»

Мой муж значительно хмыкнул и поцеловал меня в щеку.

«Подожди, подожди, ты на что намекаешь?» «Что значит, намекаю? Сказки-то русские ты еще помнишь, надеюсь?» «Майкл... — я чуть не села на инспектора и осторожно сползла на пол. — Но ведь там была... Кощеиха что ли, ты это хочешь сказать?».

Майкл хмыкнул еще значительно и обнял меня за плечи: «Да уж, в такое вот время мы живем. Старая леди оказалась с секретом. Я как про красивую иглу с обломанным концом от тебя услышал, вспомнил рассказы свидетелей, как этот Джон Кингсон, ну то есть Иван-царевич местный, за зайцем гонялся и из лука в небо, то бишь, в утку, стрелял... в общем, все стало на свои места. Весьма достойный молодой человек».

Я взяла бокал с водкой и залпом выпила. Голос Майкла пробивался сквозь окруживший меня плотный туман: «В нашем деле главное — системный подход и опора на мифологию. Кощей Бессмертный — он же холод, она же зима, смерть, ну и так далее. Придется мне завтра обстоятельно потолковать с экспертами. Надо объяснить происшедшее чем-то загадочным — в смысле малоизученным наукой. Полагаю, причиной пожара вполне могла быть шаровая молния, плавающая в воздухе после сильной грозы и заплывшая в подвал дома. А с родственниками старой леди не нам объясняться. Этому

Кингсону семейство Винтер явно проиграло, а активных событий в их деле, которое, понятно, продолжится, в этом году ожидать уже не стоит... Ого, судя по запаху, мясо надо срочно вынимать из духовки. В общем, жениха и невесту, ну, то есть Ивана-царевича и Василису Премудрую, можно поздравить: траур пройдет быстро, а там, как говорится, честным пирком да за свадебку... А нам сейчас не худо бы нормально поесть. Я хочу еще к мясу... Да что с тобой?!»

Я молча включила ноутбук, и через пару минут в гостиной опять раздался веселый голос Эдуарда Хиля: «В нашей жизни всякое бывает, набегает с тучами гроза. Туча уплывает, ветер утихает, и опять синеют небеса».

Валерий Галечьян

ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

Сцены из средневековой японской жизни

1

Впитывая в себя неторопливые мягкие звуки разговора, по саду бредет старик. Зажатая в руке свеча не разрывает ночь, не колеблет ее покой и отрешенность. Она — единственный светлячок в мире призраков и чудовищ, скрывающихся за каждой складкой темноты. Она из другого мира, и старик усыпляет свечу.

Обрубки дерева и тростника, вырываемые свечой, расступаются, разглаживаются, открывая встроенный в ночь легкий изящный домик. Старик подходит к двери, приоткрывает ее и вздрагивает. Он бы закричал, отшатнулся или замер от ужаса, но он не может позволить себе этого. Старик отводит глаза, но не отворачивается.

— Доченька, — мягко разжимаются подобранные губы.

В неярком свете фонаря, сделанного в форме пиона, видны племянник и покойная дочь старика. Они сидят к нему спиной и потому не замечают старика. Они струятся в ночи, и он тянет к ним руки, но одергивает себя. Старик любит дочь. Ему нравится и племянник, хоть он и чуточку тяжеловат для ночи. Не отдавая себе отчета, он пытается представить на месте племянника кого-нибудь другого, но, чувствуя бесполезность затеи, оставляет ее. Днем старику некого послушать, и он молчаливо подключается к разговору. Он устраивается поосновательней, но усталость многих долгих бессонных ночей смаривает его.

Дочери, как и отцу, очень приятно смотреть на юношу. Он с ней рядом, и она наслаждается его близостью. Она вспоминает, как всегда любила его тело, его гладкую кожу, по которой сейчас могла бы заскользнуть. Но она не знала его тела, не ощущала, не чувствовала его вспыхивающими в ней жаркими точечками толчков его крови, волнами переливающихся мышц, трепетом прикоснувшейся руки.

Оно не было для нее необъятной страной чудес, цепочкой прекрасных открытий, неиссякаемым источником радости. Она любит себя собранной в его теле силой и красотой мира, из которого она ушла в темноту, во мрак, и понимает тех, что, присосавшись, убивают. Они мечтают согреться, расцвести, воскреснуть. Она невольно сравнивает себя с ними. Ей хочется убежать от ответа, навсегда забыть проклятый вопрос о себе, и она усыпляет, убаюкивает себя.

– Перестань, – шепчет она, и не может противиться.

– Что с тобой? – нежно подается к ней юноша.

Девушка мерно покачивается. С каждым днем она все отчетливее чувствует его увядание. Он уже ступил одной ногой в ее мир, и она должна заставить себя вернуть его назад.

– Я кажусь тебе прежней, и потому все еще не прогоняешь меня, но влюбленные слепы и глаза обманывают тебя, – говорит привидение.

– Неправда, – шепчет юноша и тянется прервать ее слова поцелуем.

– Отец зарубил меня на твоих глазах. Я мертва, и ты знаешь об этом, – привидение очень нежно отстраняется от юноши.

– Дядя замахнулся, но не ударил. Нет, – горячо убеждает юноша. – Ты закрыла глаза и не видела, как он отвел меч. Ты испугалась и заболела от внезапного потрясения. Всмотрись в себя хорошенько, вслушайся в дыхание, коснись пульсирующей жилки на лбу, и ты очнешься. Ты жива и по-прежнему прекрасна.

Юноша очень искренен, достоверен, правдив. Его голос будоражит прикорнувшего старика, зовет подняться, броситься на помощь, убедить дочь, но смех привидения отбрасывает старика назад, в реальность, в жизнь, ставшую без дочери нудной, и он затихает.

– Возьми меч и проткни меня.

Юноша ужасается словам сестры. Он ищет, что сделать, чтобы вылечить ее, втолковать правду, заставить поверить в себя, но издевающийся смех сестры сбивает его мысли.

– Боишься разувериться? – И, оборвав смех, устало и отрешенно, как о хорошо известной обоим вещи: – Зачем обманывать себя? Ты не знаешь, что меня нет?

– Нет! – горячо восклицает юноша.

– Ты снова обманываешь себя. Не надо, милый. Поверь мне, но только не бойся меня – я не желаю тебе зла, – мягко и очень тепло продолжает привидение.

Юноша чувствует, как сестра ласково обнимает руками его лицо, ищет глазами его глаза и не может поверить в то, что перед ним не его возлюбленная.

— Ты должен забыть меня, — выдыхает привидение. Глаза сестры зовут поверить им, но юноша пересиливает себя.

— Нет. Никогда! — Он направляет всю свою боль в теплые, мягкие глаза сестры, но они не оставляют его.

— Я хочу, чтобы ты жил и был счастлив, и ты должен сделать то, о чем я тебя попрошу.

Юноша чувствует, что поддается взгляду сестры.

— Ты женишься на дочери нашего соседа.

— Но я не люблю ее!

— Она необыкновенная девушка, она любит тебя, и она спасет, вылечит тебя. — Глаза привидения не дают юноше заговорить, опомниться. — Она знатного рода, и ты вернешь права, утерянные из-за неотомщенной смерти отца. Ее родные мечтают о вашем браке, так что у тебя не будет препятствий к нему.

Юноша бы дал отпор торжествующему победу взгляду сестры, но она смотрит грустно и безрадостно.

— Со временем ты полюбишь ее, и вы будете счастливы. Но это не все.

«Радуйся, ты победила!» — издевается противный голосок, и привидению не прогнать его. Оно душит голосок, но он лишь посмеивается в ответ и дразнит привидение. «Он хочет сбить меня». — И эта мысль успокаивает и приносит долгожданную давящую пустоту.

— Я, наверное, не смогу не приходиться к тебе, — продолжает привидение, — и поэтому ты возьмешь у настоятеля талисман и оклеишь окна лентами с заклинаниями, чтобы я не могла попасть в дом. Но прошу тебя, сам не открывай мне.

— Я послушаю тебя, но не потому, что разлюбил тебя. Нет! Моя любовь с каждым днем все сильнее, но я обязан отомстить за смерть отца. Иначе он никогда не успокоится.

Они стоят. Привидение ждет. Юноша, не заметив отошедшего от двери дяди, выходит из домика и направляется к настоятелю. Старик входит в комнату. Привидение поворачивается к вошедшему, и он застывает от ужаса. У хозяина подкашиваются ноги, по всему телу холодным потом выступает страх, а губы против воли шепчут молитву.

– Рассмотрел, – хрипло смеется привидение.

– Что я могу сделать для тебя? – выдавливая из себя мысль всей ночи старик, не решаясь посмотреть на дочь.

– Помочь ему ты не сможешь. Верь ему, – и с этими словами привидение выплывает из комнаты.

Стараясь заглушить возникшую в нем неуверенность, старик обращается с рассказом к самому себе. Он молодеет, крепнет, распрямляется и становится красив.

– Дочь обесчестила меня, и я был обязан покарать ее. Увидев, что она мертва, племянник встал передо мной на колени и стал молить о смерти, но я не поднял на него руку. Я убил его отца и не мог зарубить сына, прежде чем не раскрою ему тайну гибели отца. А я поклялся не открываться ему, пока он не научится фехтовать, и потому сдержал меч. За него я не боялся, я знал, что он не мог убить себя, не отомстив за смерть отца. Он обязан исполнить долг. Я не мог поступить иначе и потому не жалею о происшедшем, но не могу забыть дочь.

Вспоминая самые счастливые дни жизни, хозяин светлеет. По тонким постоянно сжатым губам скользит легкая улыбка, она согревает усталого одинокого старика. «Жена умерла рано, и я все один с ней нянчился. Она, как увидит, что я домой возвращаюсь, сбегит с крыльца к калитке, встанет на скамеечку, высунет от усердия язык и отодвинет-таки задвижку. А калитка тяжелая, и пока дочка не разбежится, не толкнет дверку со всей силы, она не откроется. Я нагнусь к ней, поцелую, подброшу разок-другой. Страшно ей, а визжит от восторга. Потом заберется на плечи, попросит руки, схватится за них пальчиками, и я вожу ее по двору». Улыбка сползает с лица старика, уступая место ровной, лишенной эмоциональности беспристрастности. «Она повзрослела, я приблизил к себе бывшую служанку, и мы как-то отошли друг от друга. Я не сумел усмотреть за ней, и в том моя вина. Но как она могла опозорить меня?»

Старик находит вопрос, которым он мог бы задушить смутную неуверенность, но он всегда был честен с собой. Он не разжигает в себе возмущения поступком дочери, а искренне пытается разобраться в нем, и зовет привидение. Оно появляется.

– Скажи, он домогался твоей любви и совратил тебя? – с надеждой обращается к нему старик.

– Он был очень застенчив. Он не осмеливался поднять на меня глаза, даже когда разговаривал со мной. – Привидение нежно

улыбается. – А его ласки были робкими, как у девочки. Я сама подошла к нему и сама привлекла к себе.

Старик пытается возмутиться, но чистый, мелодичный, очень нежный голос дочери пьянит, дурманит его, зовет согласиться с ним, поверить в него и, шепча: «Мне не простится твое бесстыдство», – он соглашается с ним.

– Я люблю его, – отвечает привидение.

И старик с восторгом принимает незыблемую уверенность дочери в собственной правоте, звучащую в последних словах уходящего привидения.

Далекie солнечные лучи стелются по дорожкам сада. Рассвет подтачивает ночь, и она мягко отступает. Старик щурится под теплым солнцем и вспоминает прошлую осень. Он правил на крылечке меч, любуясь игрой солнечных зайчиков на лезвии. Скрип калитки заставил его оторваться от своего занятия, он поднял глаза и увидел вошедшего племянника. Дочка встретила гостя, взглянула ему в глаза, взяла за руку и повела за собой по радуге из листьев. Ему тогда показалось, что это два ангела спустились на землю.

Он обещал обучить мальчишку фехтованию, с тем чтобы тот смог отомстить за смерть отца, и сдержал слово. Сейчас они сравнялись. Юноше пока не хватает опыта, но он молод, силен, быстр, и его реакция лучше. «Я должен рассказать ему правду о гибели отца», – решает старик.

Стук в калитку отрывает старика от воспоминаний. Старшая служанка, уже давно исполняющая обязанности хозяйки дома, подводит к нему гонца из дворца, и они уходят.

II

Хозяин застрял во дворце, и служанке скучно одной. Призывно покачивая бедрами, она проходит мимо окон племянника. Но ответа нет, и служанка лениво опускается в гамак.

Последние лучи солнца стекают по отброшенным на сетку слегка вьющимся пышным волосам, сползают с лица подтеками красоты, ласкают полное истомы, грузноватое тело, крепкие, сильные ноги. Золотистая, свежая, чистая кожа продолжает какое-то время светиться и после захода солнца, дурманя и притягивая к себе все живое в саду, но и она гаснет.

Женщина дремлет. Она зябнет, и сквозь сон ей вспоминается холодная вода горного потока, в который она бросилась, чтобы спасти дочку хозяина под причитания посиневших от страха слуг. Служанка гордится собой, вспоминая, как любила девочку. Она по-прежнему любит ее, но годы уже не те, и сейчас она бы, конечно, не отважилась на такое.

Служанке кажется, что на нее кто-то пристально смотрит, и она, пожалуй, даже уверена в том, что это дочь хозяина, хотя и понимает, что этого не может быть. Она с трудом разжимает глаза и пытается закричать, но крик застревает в горле. Служанка безвольно расплзается в гамаке и цепенеет под взглядом привидения.

– Мне надо поговорить с тобой, – тихо говорит привидение.

– Нет, госпожа.

Привидение молчит.

– Хозяин прогнал племянника из дома в час вашей смерти, не дав ему проститься с вами, и вернул лишь по окончании обряда. Вот он, верно, и позабыл о вашей любви. Но я-то сама плакала на вашей могиле! Я хочу жить и боюсь вас! Пожалуйста, оставьте меня. Иначе я закричу, – в голосе женщины отчаяние.

– Ты женщина, ты любила и должна понять меня, – настаивает привидение.

– Ничего не хочу понимать. Уходите, – молит служанка.

– После того как я изменилась, я, идя к нему, мучилась, боялась, что он разлюбит меня такую, бросит меня, и плакала без слез, нет у меня слез, и боли не было, я ее не чувствовала. Только вот идти трудно было. Потом вижу, что он меня все больше любит, и отлегло, я успокоилась. Я пробовала пересилить себя, не вставать к ночи, но у меня не получалось, – привидение делает виноватое движение.

– Поставьте фонарь. Уж больно вы страшны с ним.

Привидение послушно ставит фонарь.

– Зачем вы таскаете его с собой?

– Дом стоит особняком; отец, верно, из-за меня не приглашает гостей; я иду заброшенной тропинкой и не боюсь кого-нибудь встретить и напугать своим видом, но мне без фонаря страшно. Я темноты боюсь.

– Жутко становится, когда вы с фонарем по двору ходите и светите в окна его домика. Я лежу с открытыми глазами, обливаюсь холодным потом и тороплю рассвет.

– Он обнимет меня, и я забуду о себе, обо всем. И что мне до того, какой я стала, когда он меня любит. И даже мысль о том, что скоро возвращаться, в голову не идет, а не могла не возвращаться, не от меня это зависит. Идешь и не знаешь: увидишь ли когда-нибудь еще? А сейчас только и мечтаю, скорее бы вернуться и распозлзиться, раствориться, сгнить. Он перестал меня замечать, и я не хочу тускло, одиноко быть, мне не быть без него. Только бы напоследок войти к нему, взглянуть на него и умиротворенно, тихо, спокойно уйти в землю, забыться, уснуть.

– Я должна помочь вам?

– Наклей на окна другие ленты и поменяй в ладанке фигуру бога.

– Как я все это сделаю?

– Скажешь, что ему необходимо очиститься от меня. Приготовишь все для купания, и пока он будет мыться, ты, – улыбается, – приберешься и постираешь ему.

Служанка готова согласиться, она бы помогла дочери хозяина, но ей вспоминаются многочисленные истории об оборотнях, изводящих, мучающих и умертвляющих людей. Взгляд привидения подгоняет женщину, и она лихорадочно пытается найти выход. «А если отказать ей? Бесполезно. Она не оставит меня. Что же придумать? Деньги! Попрошу денег, – ухватывается служанка за выплывшую надежду. – Откуда ей взять их?»

– Я бы с радостью помогла вам, но мой поступок неминуемо раскроется, и что мне тогда делать? Мне даже убежать не на что.

– Сколько ты хочешь?

– Сто золотых, – нужная сумма давно высчитана, и служанка отвечает мгновенно.

– Обожди здесь. Я принесу деньги.

Служанка идет за привидением. Она замечает тайник хозяина и возвращается.

– Ты можешь не бояться взять их, – привидение протягивает женщине кожаный мешочек. – Это честные деньги. Я должна была вступить в обладание ими в шестнадцать лет. Ты знаешь, этот день прошел.

Мешочек оттягивает руку, и служанке хочется отпустить, бросить его. Он не нужен ей, но отказываться поздно, и она соглашается помочь привидению. Привидение горячо благодарит и исчезает в ночи.

Раньше она бы так не стояла. Ей представляется – вот она, зажав в кулачке мешочек, прокрадывается в спальню, тщательно закрывает дверь, ощупывает запоры и осторожно, боясь звякнуть монетами, кладет его на дальний угол стола. Долгое время она сидит, вздрагивая от каждого шороха, тянется к деньгам, но не решается дотронуться до них. Мешочек у нее под рукой, но она не верит в это. Ей бы потянуться к нему, развязать, вытрясти монеты, но она не в силах отогнать чудесный сон.

Руки сами ползут к мешочку, и уже против воли, но все ближе и ближе. Она, зачарованная, следит за руками, ложится за ними грудью на стол, а руки подтягивают мешочек под нее, дергают тесемку, расширяют отверстие. Она слышит глухой стук высыпающихся на стол монет и все равно не верит в него. Глаза завороченно следят за струйкой золотого ручейка. Руки легонечко трясут мешочек, но он пуст. Тогда они отправляются в обратный путь, конструируя столбики монет. Она сгребает их в кучку и окунается в монеты лицом, набирает в горсть и сыпает, вслушиваясь в их звон.

Осталось набросить плащ, и она свободна. Дорога в столицу – рядом, за околицей. Женщина знает, она бы дошла, а там новая жизнь, спасение, счастье. Но ей не уйти отсюда.

Однажды проезжий сманил ее рассказами о столице, посадил в бричку и повез. У переезда хозяин догнал их, изрубил бричку, убил возницу, а ее привязал к коню и чуть живую приволок назад. А на будущее, если вздумает бежать, обещал объявить розыск.

Женщина вновь смотрит на деньги. Они ей не нужны. И племянник хозяина ей не нужен.

Поеживаясь от утреннего холодка, служанка спускает ноги с гамака и пытается нащупать туфли. Она так и не пошла в дом. Позевывая, она нагибается над расплзшейся паутиной и забывает про обувь.

Паутина подергивается, и женщина замечает в ней нервно бьющуюся самку богомола. Почувствовав судорожное стремление богомола к свободе, из норы вылетает каракурт. Он черный, плоский и поджарый и быстро-быстро семенит ножками, «словно старец», думает служанка. Бросок брюшком вперед, выдавленная капля ослепительной жидкости захвачена задними лапками и выброшена в богомола. Самка вклеена, вдавлена, вбита в паутину. Она наклонилась вперед, опустила голову, молитвенно сложила передние ножки,

покоренная, раздавленная, навсегда распласталась в смирении. Она не ищет борьбы. Отныне всецело, навсегда она принадлежит каракурту. Она его собственность, вещь, рабыня. Он деловито оплетает ее нитями и, откусывая находящиеся внизу паутинки, отрывает от земли. Добыча вырвана из привычной жизни, она взвешена, беспомощна, не знает, за что уцепиться, где найти точку опоры. Настало время окончательного, завершающего удара, и каракурт подползает к богомолу, готовясь укунить в одно из сочленений. Но богомол не сломлен. Оказывается, все это время самка готовилась к нанесению ответного удара. Неторопливый поворот в сторону каракурта, точный хлесткий удар в похотливое брюхо – и свобода. Она отгрызает паутинные нити и кричит, наслаждаясь упоением победы.

Служанка долго смотрит на паутину. Решившись, она недобро усмежается и поднимается с гамака.

Слепой луч ползет по траве, пролезает через паутину, упирается в туфли служанки, она поднимает глаза и вздрагивает от неожиданности... По дорожке с фонарем в руке бредет племянник хозяина. Взгляд женщины скользит по облепленной грязью обуви юноши, его выпачканному костюму, серому лицу, потухшим глазам. Она ждет юношу на дорожке. Он наталкивается на нее, отступает и останавливается. Они смотрят друг на друга. Женщина заговаривает первая.

– Откуда он у тебя? – указывает она на пионовый фонарь.

Юноша, проследив за ее взглядом, недоуменно смотрит на фонарь. Служанка судорожно трясет его, но не может помешать юноше неторопливо вспоминать.

– Меня разбудила вошедшая с последними криками петухов, нет, внесенная ими, пожалуй, так будет правильнее, боль. – Юноша пытается понять, каким же образом у него оказался этот фонарь. Он ищет ответ в себе и потому говорит путано, сбивчиво, не обращая внимания на женщину. – Мне захотелось выйти на улицу, вдохнуть чистой ранней свежести и очиститься ею от боли, нет, не от нее – она проткнула меня и исчезла, – от ее гнетущего следа. Но холодный воздух не разбудил меня. Я, было, решил вернуться в дом, но мой взгляд наткнулся на уплывающий от рассвета ночной светлячок. Мне вспомнилась боль, и я, дернувшись, безотчетно бросился на огонек. Я преследовал его, гнался за ним, но мне было не дотянуться до него, не приблизиться к нему. Он дразнил меня, но не давался мне. Огонек

привел меня в лес и замелькал на поворотах. В нескольких шагах впереди он обозначал мне дорогу, но и тут я не мог рассмотреть его. Дорога вывела на кладбище. Я знал его и направился к единственной свежей могиле.

— Без огонька ты бы, конечно, не нашел могилы любовницы, — ехидно замечает молчаливая до сих пор служанка.

— Возле нее, — оставив реплику без внимания, продолжает юноша, — стоял вот этот фонарь. Я сел на землю и положил руку на фонарь. Пучок теплоты, исходящей из него, позвал позабыть обо всем и расслабиться. Только тут я почувствовал, как устал. Я растянулся у могилы и закрыл глаза. Распластавшееся тело вбирало в себя сырость земли, ее глубинные запахи, ласкающую покойную тяжесть. Мне было хорошо. И позиви меня голос, я бы зарылся, ушел в землю и остался бы в ней навсегда. Но голоса не было, и бессильная против него мысль о том, что у меня остался должок, подняла меня. Тогда я верно и захватил его, — вспомнив про служанку, отвечает ей юноша.

Юноша обходит женщину, оставляет фонарь у крылечка и опускается на подстилку. Служанка входит следом, но он не замечает ее. Она подходит к нему, запрокидывает поникшую голову и пристально смотрит в усталое лицо смертника. Юноша безучастен. Женщина протягивает ему зеркальце:

— Посмотри, на кого ты стал похож!

Юноша, взглянув в зеркало, отшатывается и возвращает его служанке.

— Видишь, что любовь-то делает с человеком. Ты спутался с привидением, и теперь доживаешь последние дни. — Женщина приседает, притягивает голову юноши к своей голове, но не ласкает. Скользя по лицу юноши влажным, манящим взглядом, она громко смеется: — Интересно, что вы делаете с ней в постели?

Юноша молчит, но женщина и не ждет ответа.

— Ты бы протер глаза и рассмотрел ее хорошенько.

— Замолчите! Что вам нужно от меня?! — искренняя доброжелательность, прозвучавшая в последних словах женщины, взрывает юношу, и он кричит на нее.

— Ничего, — вновь смеется служанка. — Надо же кому-то поучить тебя.

Юноша поднимается. Он хочет уйти. Одновременно встает и женщина.

– Подожди, – останавливает она его. – Пока здесь хозяйка я, и ты будешь слушаться меня.

– Зачем вы так о ней? Хозяин ввел вас в приличный дом, а вы... Где ваша совесть?

– А кто, по-твоему, убил твоего отца и возлюбленную?

– Врешь!

Юноша не замечает, что трясет наложницу.

– Спроси его, если не веришь.

Женщина смеется. Ее смех заставляет юношу сорвать со стены меч и броситься на поиски дяди. Обогнав клич, он выбегает на улицу.

Сладостно всасывая в себя высокий пронзительный крик, служанка застывает в дверях домика. Женщина знает, что путь юноши долг. Она усмехается, возвращается в гамак и закрывает глаза.

III

Приглушенный вскрик калитки и мягкие шаги по траве будоражат растекшуюся в гамаке женщину. Она мгновенно отмечает: «Он не пошел по дорожке». Не открывая глаз, служанка подзывает племянника хозяина. На ее губах кривится усмешка.

Служанка окидывает взглядом подошедшего юношу и презрительно щурится. Ей все понятно. Юноша пропитан пылью. Эта пыль забила в складки, сцепила коркой всклоченные волосы, припорошила лицо, и только пот проложил в ней размытые дорожки.

– Я не убил его. – Юноша смертельно устал и пытается развязаться с женщиной единственной фразой. В слова ничего не вложено, и пристальный взгляд служанки требует расшифровать, раскрыть их. Он не хочет выдерживать ее взгляд. – Вы говорите, она мертва. Пусть так, что мне с того? Смерть не вырвала ее из моей жизни и не помешала любви. Я закрываю глаза и вижу ее, открою – она вновь передо мной. Она сейчас со мной и всегда со мной. Раньше я жил днем, теперь по ночам, и ночь мне нравится больше – она неназойлива. Вы же только и норовите впихнуть меня в день.

– Она же не может попасть к тебе.

– Ну и что? Ночь осталась.

– Ты сумасшедший.
– Неужели вы боитесь меня? – тихо смеется юноша.
Служанка не боится, она удивлена.
– Ты бы хотел этого?
– Не знаю. Я не думаю об этом, – просто, пожалуй, даже наивно отвечает он.

– О чем ты думаешь?
– Ни о чем. Ночь одурманивает, чарует тебя, ночью нельзя думать, иначе прогонишь ее.

– Почему бы тебе не запеть? – вдруг спрашивает женщина.
– Нет голоса, – невозмутимо отвечает юноша.
– А отец?
– Между нами лишь обрывки мрачных тягучих сцен. Он бил меня, заставлял побираться и погиб от своей неводержанности и бахвальства, когда мне не было шести лет.

– А я хотела помочь тебе, – тихо произносит она. И совсем тихо, уже про себя: – Тебе другому. – Она смотрит на него и отчетливо, выпукло, ярко понимает, что на него нельзя рассчитывать. Раньше он всегда был симпатичен ей, и она бросает: – Ты бы уж к девочкам сходил, что ли. Глядишь, помогло бы тебе. Да что я, – вдруг спохватывается она. – У тебя же завтра свадьба, а я забыла, – с внезапной грустью, – совсем забыла. Хозяин-то, видно, не приедет, что, так и будете справлять без него?

Юноша безразлично пожимает плечами. Женщина крепко прижимает к себе юношу. Ее губы находят его, раскрывают рот, вдыхают в него жар ее тела, но он не отвечает на горячий призыв, и она грубо смеется и уходит.

IV

Хозяин переждал медовый месяц молодых и вернулся. Первый день по приезде был занят хлопотами по хозяйству, второй он решил посвятить делу, и нашел племянника во дворе.

– Я пришел к тебе, чтобы ты исполнил свой долг, но прежде я хотел бы поговорить с тобой.

Хозяин вопросительно смотрит на юношу.

– Да, пожалуйста.

– Я не раскаиваться пришел. Я поступил по закону чести и снова поступил бы так же.

– Я знаю, – спокойно отвечает племянник.

– Долгие годы я честно справлял службу, считал, что приношу пользу народу, и к старости – вот награда – убедился в том, что был лишь орудием в руках интриганов и любимчиков князя. И я, кажется, начинаю понимать тебя, когда ты отказываешься от выгодной должности и уходишь в себя.

Юноша молчит. Он ждет, и хозяин продолжает.

– Я был счастлив, но жена умерла, дочь я убил, а любимой женщине я перестаю верить. Я мог бы убить себя и поступил бы так, когда бы мне повелел долг.

– Но совесть ваша чиста.

– Да. Я никого не виню в своей судьбе, даже дочь. Каждый день я думаю о ней, вспоминаю ее и завидую тебе, потому что ты можешь разговаривать о ней. У меня же в жизни не осталось ничего. – Хозяин кладет руку на рукоять меча, готовясь вытащить его, но племянник накрывает руку дяди. – Тебе не придется отвечать. Я все предусмотрел. – Старик протягивает юноше письмо: – Вот записка, в которой все объяснено.

– За что вас убивать? Чем вы виноваты передо мной? – не читая, рвет записку племянник. – Вы желали мне только добра, и сейчас, спроси я вас, подтвердите мои слова.

– Я любил тебя как сына. Даже смерть дочери не заставила меня возненавидеть тебя.

– Так что вы тычете своим фальшивым долгом! Что мне с него? Когда я пришел к вам, то думал об одном: отомстить обидчику, или погибнуть. Мне казалось, что жить иначе невозможно. Я грезил высокой должностью, блестящей карьерой. Я был честолюбив и набит мечтами. Любовь изменила меня, она заставила по-новому взглянуть на все происходящее. Я оглянулся и понял, как скучно и лживо вы живете, но примкнуть было не к кому. Я забрел в пустыню. Песок и ветер обжигали меня, а искать спасения было негде. О, как я жаждал увидеть мираж, поверить в любую лживую истину, с какой бы радостью я побежал к ней, припал, растворился в ней! Но надежды оказались тщетны, выхода не было. Осталось покориться судьбе и верить, что она переломит, профильтрует, промоет мозги. Конечно, я хотел вырваться, победить, может быть, повести за собой других, но еще больше мне хотелось отупеть, закаменеть, слиться с остальными, стать подобным им. – Юноша встречается с непонимаю-

щим взглядом хозяина и усмехается. — Вы, вроде бы, недовольны прожитой жизнью?

— Да.

— А я мечтаю родиться переделанным, подогнанным под других, похожим на вас, — вытаскивает дядин меч, внимательно рассматривает его, вертит в руках, смеется. — Не иначе как им же вы и отца прикончили?

— Да.

— И дочку?

— И дочку.

— Пришли красиво сдохнуть. Нет, — юноша мотает головой, — не получится. — Он с силой вонзает меч в землю и смеется. — Впрочем, все это не столько вам, сколько... — Юноша безнадежно машет рукой и отворачивается.

Хозяин пустым взглядом смотрит вслед племяннику. Юноша не отвечает, не оборачивается на взгляд — он уходит. Дядя делает несколько неуверенных шагов и останавливается.

— Как счастлив был мой дом, — заговаривает он, — дети были почтительны, слуги любили меня. Сейчас же все отмахиваются от меня, как от назойливой мухи, а сам я стал ни на что не годен. Юнец смеется надо мной, и я безропотно внемлю ему; он учит меня, и я соглашаюсь с ним, и не могу заставить мальчишку исполнить его долг. Горе мне, горе... — словно не в силах уже закричать, воздеть руки к небу, шепчет он слабым голосом и понуро бредет в дом.

V

Затухает вечер. Хозяин бесцельно сидит на крыльчке и не видит умирающего заката, уставившись на свои беспомощные старческие руки.

Через сад проскальзывает не замеченное хозяином привидение. Оно нерешительно останавливается перед дверью юноши и робко толкает ее. Навстречу привидению выходит юноша.

— Нет, — в ужасе отступает он.

— Кажется, ты рассмотрел меня.

— Наверное, мне показалось, — бросив быстрый взгляд на привидение, неуверенно отвечает юноша.

— Ты не хочешь меня видеть?

— Каждый день, — не сразу отвечает юноша, — ты ходишь вокруг дома, стучишь в окна, зовешь меня. И я вроде бы должен думать о тебе, когда свет фонаря попадает в окно, представлять себе, что ты можешь войти, может, даже готовиться к встрече с тобой. Но я, как видишь, не ждал тебя.

— Ты один?

— Один, — юноша приходит в себя. — Да что я, проходи в дом. Ты моя гостья, я, конечно, приму тебя.

— Не такой я ждала встречи.

— Первое время я вскакивал на твои шаги, бросался к окну, прижимался лицом к стеклу, и ты, конечно, видела меня.

— Видела.

— Я мечтал услышать твой голос, положить голову тебе на колени, забиться, — горячо, — и разговаривать с тобой. Но ты проходила мимо. Я всматривался в свое отражение; вспоминал слова служанки и радовался подбирающейся смерти. Но я никогда бы не убил себя, я боялся, что тогда мы не встретимся.

— Ты должен жить!

— Постояв, постояв, я возвращался назад, в постель жены. Она была чужой мне, и я замкнулся, закрылся от нее. Я отвечал на ласки, но не чувствовал ее тела. Мы лежали обнявшись, но меня не было с ней, один, с девушками, которые мне нравились, но не с ней, — смотрит на привидение долгим взглядом, — и не с тобой.

— Тебя интересовали другие?

— Нет, наверное, — подумав, отвечает он. — Я знаю, что никогда не буду близок с ними, я не хочу этого, но, лежа в постели, я думаю о них. Иногда по нескольку дней об одних и тех же, иногда о разных, но о ком-нибудь почти всегда.

— И когда был со мной, ты тоже видел других?

— Нет, никогда. Она же была тенью, призраком, и временами мне хотелось снять со стены меч и проткнуть ее, чтобы узнать наконец, жива ли она.

— Зачем ты так о ней?

— Она тихонечко подойдет, спросит: «Можно посидеть с тобой, я не буду мешать тебе?» Сядет на кровать, возьмет какую-нибудь тряпку, иголку с ниткой и не шьет, а все на меня смотрит. И молчит, молчит. Я скажу ей приятное слово, посмотрю потеплее, и она

сразу начинает вся светиться. Проснусь, она ласкает меня и что-то шепчет, шепчет. Стоит открыть глаза, и она испуганно отдернет руку и забьется в уголок. Она боится меня, нет, не меня – моего настроения, слов, которые могу сказать, жестов, которыми могу обидеть, боится, что вдруг сорвусь, накричу на нее, ударю, выгоню из дома или сам уйду.

– Ты обижаешь ее?

– Она такая маленькая, слабенькая. Ее, кажется, возьмешь двумя пальцами за шею и задушишь. Она со всеми очень хорошая, добрая, ее все любят и просят меня не обижать ее. Я стараюсь быть с ней предельно внимательным, следить за каждым словом, не говорю вроде ничего обидного, а она плачет.

– Почему?

– Наверное, потому, что я не люблю ее, и она об этом знает. Как это скрыть?

– Ты, верно, и меня разлюбил? – Привидение ждет ответа, но юноша молчит. – Прости меня. – Оно подается вперед, берет его руки в свои. – Я не выдержала. Я не могу без тебя.

Юноша в замешательстве, он не знает как себя вести.

– Почему ты так со мной? – горько спрашивает его привидение.

– Все так знакомо мне, но я вроде и не узнаю себя, и обрываю себя, – странно смотрит он на привидение. – Мы расстались насовсем, навсегда. Я много думал о тебе и верил, что люблю тебя. Ты была далеко, и мечтать о тебе, противопоставляя тебя жене, было хоть и чуточку больно, но сладко и приятно. – Удивленно: – Вот ты вернулась, и я не готов к встрече с тобой, я отвык от тебя.

– До иступления, до боли я хочу ребенка от тебя, тебя второго, маленького. Мне не нужен весь ты, нет, частичку тебя, твоего. Мы бы назвали сына твоим именем. Я бы, наверное, стала чуточку меньше любить тебя, и это меня страшит; у меня бы осталось меньше времени для тебя, но зато ты, второй, всегда бы был со мной. – Привидение ласково смотрит на брата. – Я мечтаю чувствовать, как ты стягиваешь мой живот, мечтаю дать тебе жизнь. Ты будешь тянуться ко мне ручонками, звать меня и радоваться, когда прижмешься к маме. Я хочу успокаивать тебя во всех обидах и учить тебя. Ты будешь со мной ласковым и очень близким, всегда очень близким, и никогда не уйдешь от меня. Ты не сможешь запретить мне ухаживать за

собой: укладывать спать, кормить, одевать, выводить на улицу. На ночь я буду рассказывать тебе сказки о прекрасном, большой любви человеке, о тебе самом, и ты, счастливый, будешь радостно засыпать. Я буду поправлять твою подушку, покрепче укутывать тебя одеялом и думать о тебе – сыне. – Привидение прижимается к юноше и целует его. – Радость моя, ты всегда будешь со мной, и я буду счастлива. Но я мертва и не могу иметь детей, – в голосе привидения боль. – Помнишь, как ты улыбался, когда я старалась поднять тебя на руки, раздевала тебя и даже пробовала кормить грудью? Ты был моим ребенком, а я твоей мамой. Ты был очень хорошим ребенком, очень спокойным и ласковым, и я была счастлива.

– Я отношусь к ней теплей, ласковей, я стал с ней ровнее, спокойнее. Мне нравится смотреть, как она спит, слышать, как дышит во сне, но я постоянно стараюсь лечь попозже и всячески оттягиваю момент нашей близости, хотя и не могу сказать, что она мне неприятна. Я закрываю глаза и притворяюсь спящим. Так, рядом, мы лежим долгое время, делая вид, что спим. Я не прогоняю тебя и не избавляюсь от тебя, тебя нет, я забыл тебя, но ты стоишь между нами. Мы бессильны перед тобой и, как беспомощные дети, не решаемся назвать тебя. – Юноша заговаривает с нарастающей силой. – Но иногда, во сне, я вижу тебя, нас, словно все вдруг неожиданно, сказочно переменялось. Есть только мы одни, все остальное в дымке, во сне, и только мы с тобой настоящие, живые. Нити разорваны, мы свободны, нет долгов, обязанностей, обязательств, и во мне новая сила, решимость, воля, желание что-то сделать, помочь другим, всем и подъем, свет. Не уходи от меня, – просит привидение юноша.

– Не уйду, никогда, – твердо отвечает оно.

– Помнишь, как я тебя встретил? Знаешь, у меня в глазах промелькнуло то изображение, о котором ты мне рассказывала. Но сейчас ты мне кажешься еще прекрасней, чем раньше, – снова тянется к привидению.

– Я буду приходить к тебе, и мы еще крепче полюбим друг друга. Вместе мы будем счастливы.

Кричат петухи.

– Пора. – Привидение берет фонарь и прощается с братом. – Завтра приду снова, – улыбается оно ему. – Какая я счастливая, – радостно смеется привидение, проплывая по саду.

Из хмурого, серого полусвета дня робко выходит хозяин. Он

все слышал, но долго не решался войти. На его губах теплится улыбка.

— О-о-о! — Боль рвет его крик, когда старик выходит из домика. Его взгляд безумен. Он шатается. Хозяин идет навстречу служанке, но не замечает ее. — Он лежит мертвый в объятьях вцепившегося в него скелета, — шепчут побелевшие губы старика.

Хозяин делает несколько шагов и, споткнувшись, падает лицом в песок дорожки.

Служанка опрокидывает его на спину и ощупывает. Затем женщина устало садится рядом. К вечеру она обмывает его и втаскивает в дом.

Темнеет рано. Снова пришли усталые, неотжатые осенние ночи.

Служанка выходит во двор. Она знает, что привидение уже ждет ее, и подготовилась к встрече. Она повесила на шею талисман и подкрепилась изрядной порцией сакэ, и все равно ей приходится взбадривать себя.

— Что ты сделала с ним? — тревожно спрашивает привидение.

— Задушила и пристроила в объятьях выкопанного на кладбище скелета. Его смерть не вызовет подозрений, потому что все знали о вашей связи.

— За что ты так со мной?

— Хозяин отказал все состояние племяннику, и уж я не выпущу его. Он отказал его племяннику, надеясь, что сын вашего братца продолжит ваш род. Мать твоего милого недавно умерла, я справилась у его жены и узнала, что она не ждет маленького, так что ваш род кончится на вашем отце. Я думала уходить, но теперь останусь, женю на себе твоего отца и, можешь мне поверить, стану не хуже знатных шлюх. — Служанка смеется.

— Так ты платишь нам!

— Чем я вам обязана! — злобно кричит женщина. — Твой отец взял меня тринадцати лет. Я по ночам, помню, все мечтала о прекрасном принце, ждала его, блестящего, на горячем коне. Каждую ночь видела, как он войдет ко мне, протянет руки и уведет в чудесный, неведомый мир. Вот какой он меня брал, — смеется. — Не поверишь, что была такой. Пожила у вас годик, и он мне рот заткнул, чтобы не кричала, и завалил на сеновале в конюшне.

— Ты любила его?

– Как любить-то, когда он мне в те дни слова ласкового не сказал, не поддержал ничем. Говорил, что никого лучше меня в постели не видел, а я девчонкой была, разве это мне было нужно. Сейчас вот состарился, подарочки начал приносить, а что мне в них, когда я впроголодь жила при полнехонькой кубышке! – Резко, без перехода: – Жадная до денег? Жадная. Молодость хочу вернуть, а как вернешь ее иначе? – Служанка смеется. – Не нравится?

– Нет.

Служанка пожимает плечами и ухмыляется. Привидение исчезает.

– Можешь не возвращаться, – кричит привидению вслед женщина. – Я уговорила твоего отца и уже собралась, мы уезжаем. Это было нетрудно сделать, – усмехается она, – он теперь ползает за мной, как выдрессированный пес, только что пока не смотрит преданными глазами. – Служанка покачивается от сотрясающего ее смеха. – Я убедила его в том, что он должен исцелять грешную из-за связи со мной плоть побоями и плетку приготовила. Так ему и не придется пожить с законной женой.

От резкой боли в желудке служанка сгибается пополам и приседает на корточки. Ее рвет на дорожку.

Татьяна Михайловская

РАДУГА В СЛЕЗАХ

1

Рассказывали мне, что, когда Джаник родился, его бабушка, мать его матери, вышла за порог дома и, отойдя подальше, в огород, стала причитать:

— Ой, моя бедная дочка, бедная моя дочка, чем ты прогневала Бога, что он послал тебе такое испытание! Я уже старая, лучше бы Ты отнял у меня разум и дал его несчастному ребенку! Ой-вай, пошли ей силы нести этот крест!

— Бабушка! — окликнула ее через забор перепуганная воем соседка.
— Что случилось? Почему вы так страшно кричите?

— Горе у меня, горе!

— Что за горе, бабушка?

— Ой, у моей дочки только что родился мальчик с совершенно круглой головой! О-ой!

— Почему же это горе? Что тут плохого?

— О-ой! А что же тут хорошего, если ребенок родился круглым дураком!..

— Откуда вы знаете, он же совсем маленький! Вырастет, ах, джаник, еще каким умным будет!

— Не будет! У него головенка такая круглая, что в ней только круглые мозги поместятся! Не зря русские говорят «круглый дурак», не квадратный какой-нибудь, а круглый!..

Надо сказать, что много лет назад бабушка Джаника жила в городе Химки, совсем недалеко от Москвы, и потому никто в селе не мог тягаться с ней в знании тонкостей русского языка.

— О-ой, не будет он умным никогда! Будет еще более круглый, чем его отец! Бедная моя дочка! Бедная!

Тут появился отец Джаника и, услышав последние слова тещи, скривился и сказал:

– Почему бедная? Платья, шуба, все есть, хочу не хочу, тоже покупаю! У такого мужа, – он постучал себя по груди, – бедная жена откуда возьмется? – И добавил торжествующе: – Ниоткуда!

Соседка хихикнула и скрылась за забором, а бабушка Джаника посмотрела на зятя, на его совершенно круглую голову, с неизбежной тоской.

2

Когда Джаник подростом, то все же закончил среднюю школу и решил поступать в институт. Надо заметить, что у Джаника было вполне нормальное мужское имя, привычное в родных краях, но как-то так получилось, что все вокруг продолжали звать его, точно младенца, как некогда вылетело из соседских уст. Джаник, и все тут. А ему-то что? Сам он уже давно для себя определил, кем быть, – начальником, конечно. Вот что главное.

Приехали все мужчины-родственники со стороны матери и со стороны отца. Были среди них седобородые, с опытом, были и молодые, но уже вошедшие в силу. Разносторонние люди, уважаемые, многих национальностей, от греческой до немецкой, казанские татары, украинцы – ну, всех не перечислить. Сели они в саду и стали думать, в какой институт Джанику поступать, где за что платить придется и сколько. Долго думали. День, два, три, ели, пили, думали... Непростое дело. Совсем разная цена, если платить за приемные экзамены и за выпускные, и между этими крайностями тоже платить, но зато работа потом все окупит, а вот если не окупит, если одна видимость получится...

– Да, – сказал Джаник, когда родственники, призвав его на третий день, спросили, что же он сам хочет. – Я хочу, чтобы меня все видели. В телевизоре.

При этих словах бабушка Джаника чуть не уронила блюдо с горячим пловом.

В результате долгих дебатов на мужском семейном совете было решено, что Джаник поедет учиться на журналиста.

– Как думаете, мама, – с надеждой и сомнением обратилась мать Джаника к своей матери, когда гости наконец разъехались и они остались вдвоем в летней кухне. – Сможет ли он там чему-нибудь полезному научиться?

– Нет, дочка, – ответила правду бабушка Джаника, пробуя свежий овечий сыр, и успокоила: – Но ты не волнуйся, там этого не требуется.

И была, как всегда, права.

3

Как Джаник учился на журналиста, сами понимаете, описать трудно. Поэтому выделим главное. У него было две белых рубашки, две в полосочку и одна такая желтая, как солнце. С водой тогда было плохо, обещали, что будут реки поворачивать, но так и не повернули. Джаник поначалу жил в общежитии, а после снимал комнатку у хозяйки-гречанки. Свои рубашки он отдавал ей стирать в первое время каждую неделю, как бабушка велела, потом раз в месяц, для экономии, потом раз в два месяца, а потом устал возиться с этими чертовыми рубашками, надорвался и уже где-то раз в полгода кидал вонючий тюк возмущенной хозяйке. Но менял рубашки при этом каждый день – тоже бабушка велела. Сначала одну белую, потом другую белую, затем одну в полосочку, другую в полосочку, а потом желтую, как солнце, и опять белую, и так далее, весь период до стирки. Представляете, как это ароматно было в жару? Бывало, наденет рубашечку, идет по проспекту, голова круглая над воротничком, как футбольный мяч, сидит – красавец, все перед ним, естественно, расступаются и быстро-быстро так в сторону отбегают...

Да, редкостно самостоятельный был студент. Долго о нем помнили, всякие поучительные истории рассказывали, а девушки почему-то носики морщили.

4

Когда Джаник получил наконец диплом журналиста, встал вопрос о его трудоустройстве. Многие считают, что это вопрос нелегкий, но в случае с Джаником это было не так. Вопрос оказался таким легким, что почти что его и не было. Ну что может быть нелегкого для человека, который кует свою судьбу сам! А Джаник ее ковал. И потому он сразу определился директором в мастерскую по ремонту. Мастерская называлась комбинатом, а что они там чинили, Джаник в детали в прямом и переносном смысле не вникал.

Ради этого трудоустройства бабушка Джаника пошла к начальнику почты и попросила соединить ее по телефону с сыном четверогородного брата, жившим в городе Химки. Излагая свою просьбу этому сыну,

она строго-настрого предупредила его, что пребывание ее внука на должности начальника должно полностью исключать какую бы то ни было деятельность. То есть работать он не должен ни в коем случае, в конце концов, если будет необходимо, пусть лучше сядет в тюрьму ненадолго, но только чтобы не работал. «Иначе, – сказала бабушка Джаника, – я не отвечаю за все последствия его труда».

Сын четвероюродного брата бабушки Джаника, живя уже очень давно в городе Химки, несколько утратил духовную связь с родиной, но кое-что в душе у него осталось, в том числе привычка прислушиваться к словам старой женщины. И благо, что он этой привычке последовал, внедрив Джаника в безопасную ремонтную мастерскую с гордым названием «комбинат» за тысячи километров от города Химки.

На посту директора Джаник проявил себя самым замечательным для подчиненных образом: появлялся в аванс-получку, подписывал бумажки в папке «На подпись», брал из сейфа конверт с деньгами – и ариведерчи, дорогие товарищи. Дорогие товарищи его любили, в основном заочно, а в лицо иной раз не узнавали, путая с метрботелем из ресторана напротив – у того тоже круглая голова сидела, как футбольный мяч, над воротничком сорочки.

Кстати, о сорочках. Теперь у Джаника их было пятнадцать, и он отдавал их в прачечную раз в месяц, строго, как велела бабушка. Но это занятие с рубашками все-таки его утомляло, и постепенно в мечтах он начал склоняться к тому, чтобы это делал кто-нибудь другой. В общем, он принял решение ковать свою судьбу дальше. И правильно – настоящий директор должен быть женат.

5

Прежде чем рассказывать о том, как Джаник женился, то есть сначала не женился, надо рассказать о том, как он был спортивным комментатором. Но еще прежде этого стоит рассказать историю про папу Джаника, вернее не вообще про папу, потому что здесь даже у бабушки Джаника не хватило бы запаса слов русского языка, а про то, каким образом он сломал ногу. И тогда многое станет прозрачным, как свежевывмытое оконное стекло, и таким понятным, что не придется объяснять простые вещи.

Однажды, это было давно, папа Джаника был еще молодой, и у него была машина, автомобиль «Москвич». Конечно, гордиться тут

особо нечем, но и стыдного тоже ничего нет. Говорят, многие приличные люди ездили на таких машинах, во всяком случае, раньше. Папа Джаника, ну, папа Джаника он другой, ему на нервы двигатель действовал: скорость небыстрая, за «Волгой» не утнаться. А у брата его — «Волга». Стоит им поехать, папа Джаника на своем «Москвиче» всегда отстает.

И вот как-то они поехали в горы. «Волга» легко идет, а «Москвич» пыхтит, чух, чух, задыхается. Отстал. С трудом доехал. Вышли из машин, и брат его так доброжелательно говорит: «У тебя машина медленная, но зато прочная. На сто лет тебе хватит».

О-о-о! Папа Джаника как услышал эти слова, как даст ногой по своему «Москвичу»! Раз! Раз! Еще раз! И вдруг побелел весь и крикнул: «Проклятая машина мне ногу сломала! Я ее сейчас с горы кину!» Вцепился в кузов и дверцу на себя рвет. Еле брат его оттащил и в больницу на полной скорости, вниз, прямо на операционный стол. А «Москвич» там так на горе и остался.

Когда много лет спустя бабушка Джаника узнала об этом случае, она мимоходом обронила: «Чтобы раскусить человека, за которого выходишь замуж, нужно поговорить с его братом до свадьбы». Мать Джаника при этих словах виновато опустила глаза.

6

Про папу Джаника, думаю, теперь все ясно. Тогда перейдем к самому Джанику, к той странице его биографии, на которой он запечатлен спортивным комментатором. Совершенно аналогичная история. Матч проходил в районном центре, куда приехала команда из области. Джаник всегда твердо знал, что из всех искусств важнейшее футбол, и потому решил, что матч такого значения это хороший случай показать свое журналистское амплуа. Он пошел к своему бывшему сокурснику, который хоть и уступал Джанику в самостоятельности, но тоже в свое время был заметной фигурой среди студентов, и купил ему бюллетень по ухо-горло-носу. А сам, как бы выручая товарища перед начальством, поехал вместо него комментировать, на замену.

Ах, такого комментария ни один стадион мира не слышал! Вместо того чтобы взволнованно, но по-мужски сдержанно сказать в микрофон «Опасное положение у ворот нашей команды», он кричал: «Третий номер, урод, шевели ногами! Бери мяч, не то калеккой сделаю! А, вот и защитничек явился... По плану бегаешь? Ты кого защи-

щаешь? Смотри, колеса подрежут! Аааа!!! Клади его, клади голого, прижимай, по маковке его!» Вратарю он пообещал, что, когда тот выйдет из раздевалки, бешеная крыса отгрызет ему кое-что лишнее, что мешает ему прыгать. Ну а то, что он пожелал капитану команды противника, я решительно отказываюсь воспроизводить и устно, и на бумаге. Короче, когда, сверкая от гордости за свой талант, Джаник выходил из радиорубки, его встретили. И местные и приезжие болельщики. Они объединились в едином порыве любви к Джанику и негромко скандировали слова из какой-то русской пьесы: «Мы хотим видеть этого человека!» О бешеной крысе Джанику оставалось мечтать как о райском блаженстве. Его отделили, нет, точнее, его разделили, и так высококвалифицированно, что бедная мама Джаника приехала по специальному вызову в больницу.

– Бабушка очень на тебя рассердилась. Она сказала, что директор не должен быть спортивным комментатором, это ниже по должности.

Джаник застонал. На глазах у него выступили слезы.

– Голова сильно болит? – с жалостью глядя на с ног до головы перебинтованного первенца, спросила она.

– Нет, – промылчал тот. – Голова совсем не болит.

Мама Джаника тут же вспомнила прозорливое замечание матери, которая, провожая ее, сказала: «За голову его не волнуйся, больше чем есть она пострадать не может», – и тяжело вздохнула.

7

После этого случая стало очевидно, что оставлять Джаника на свободе, без всяких ограничений и регуляторов, с самим собой, чревато неприятностями и даже опасно. Едва освободившись от бинтов, весь еще переливаясь желто-сине-лиловым цветом, Джаник немедленно откликнулся на осторожное предложение матери и заявил, что он уже сам, до ее приезда, начал строить свои личные матриониальные куры и что его профессиональная работа спортивного комментатора была в этом отношении частью далеко идущего плана. Услыхав эту речь, мама Джаника испытала большое внутреннее смятение. Но чтобы лучше понять причины ее состояния, придется отступить немного назад и рассмотреть некоторые аспекты ее собственного замужества.

Каждый раз, когда она пыталась объяснить себе мотивы, побудившие ее некогда выйти замуж за папу Джаника, она все-таки не

могла найти удовлетворительного ответа, объясняющего этот ее неординарный поступок, – казалось, это мероприятие не прошло без особого вселенского воздействия, какой-нибудь космической волны. Конечно, тогда еще, по молодости лет, она не была осведомлена об особом влиянии формы головы на внутреннее устройство головного мозга, но сомнения у нее были. А вот поделиться ими было не с кем: мама ее, впоследствии бабушка Джаника, находилась в то время в городе Химки, а точнее, в городской химкинской больнице № 6, где медицинские светила пытались выявить у нее специфический аллерген на закрытое помещение. Из-за этого вредоносного, хотя и не смертельного, аллергена она непременно засыпала на всех собраниях, где бы ни сидела, хоть и в президиуме, что, как вы понимаете, создавало ей ощутимое неудобство. Допустим, все свои, местные, знают, что это болезнь, а прилично ли каждый раз объяснять это приезжему начальству? Времена были, разумеется, уже не самые суровые, но ведь начальство во все времена любит почет и уважение, а тут, пожалуйста, такая известная женщина, заслуженный человек – и спит на глазах у всех!

Но если кто-то думает, что выявить аллерген на закрытое помещение легко, то смею заверить, этот человек жестоко ошибается. Полгода мужи в белых халатах бились с подпольным невидимкой, мучая ни в чем не повинных амёб и крыс, пока все-таки не выявили его. А когда выявили, то стало ясно, что науке он практически неизвестен. Нельзя же было допустить, чтобы бабушка Джаника боролась с ним один на один, – точнее, по-русски, одна на один, – поэтому еще полгода они не отпускали свою пациентку домой на родину, исследуя редкостный феномен и попутно, впервые в научном мире, составляя рекомендации по его терапии и профилактике. Когда все же они ее отпустили, выписали, то домой она повезла заветную бумагу – справку с диагнозом «Аллергия на закрытое помещение» и строгое врачебное предписание избегать подобных помещений или, в крайнем случае, открывать все ближайšie к себе форточки.

Таким образом, в тот напряженный и ответственный год, когда бабушка Джаника героически взаимодействовала с медицинской наукой города Химки, ее дочь совершила одну маленькую женскую умственную оплошность, которая впоследствии и привела к свадьбе и дальнейшему рождению самого Джаника. Нет, не подумайте плохого – ни деньги, ни серьезное положение претендента не повлияли на

нее. И глаза у нее были открыты – она все-таки была, в первую очередь, дочь своей матери, а у той глаз, как скажет в рифму простой русский мужик, ватерпас. Поэтому натура будущего папы Джаника не казалась ей загадочной, но под воздействием, скорее всего, упомянутого выше космического фактора она и допустила эту незначительную вроде бы оплошность: решила, что под ее личным влиянием и тем более рядом с такой выдающейся женщиной, как ее мать, он непременно, ну, вы понимаете, да, именно – разовьется, то есть наберется ума, потому что по молодости лет она не представляла себе, что человек может существовать с подобным моноклитным состоянием мозгового вещества. Но, как показала ее дальнейшая жизнь, – может.

Все время до возвращения матери она посвятила сложнейшему педагогическому процессу, первым этапом которого было научить потенциального жениха молчать, то есть во всех случаях жизни говорить как можно меньше, а лучше совсем не говорить. Успехи были, но, увы, она так в этот процесс втянулась, что стала их подсознательно несколько преувеличивать, и только когда пробил час и ее подопечный или подопытный – тоже своего рода вирус – предстал пред соколиными глазами матери ее, правда возобладала и открылась ей во всей своей неутешительной полноте.

«Этот случай пожизненный, с летальным исходом окружающей среды», – поставила свой диагноз будущая теща, обогащенная длительным пребыванием среди народа города Химки и по части лексики, и по части прозорливости. Но было поздно – яд учительства, смешанный с отравой жалости к недоразвитому ученику, уже проник в юное сердце, не искушенное в борьбе с лучшими чувствами. Нет, не то чтобы она не поверила матери, боже упаси, – но она с ней не согласилась, первый и единственный раз, под воздействием, как уже говорилось выше, какого-то неизвестного космического затмения. Что и привело вскоре к семейной жизни и рождению Джаника.

Лишь одно из многих преподанных ему правил усвоил папа Джаника за период своего жениховства: «Женщина говорит, мужчина молчит. Мужчина говорит, женщина молчит». Это позволяло матери и дочери спокойно решать все насущные вопросы в доме, обеспечивая их нервной системе необходимый отдых.

Теперь понятно, почему, услышав про брачные намерения сына, мама Джаника пришла в смятение. То, что первенцы наследуют род

отца, общеизвестно, но если при этом они наследуют форму головы... Не дожидаясь, пока заживут свидетельства беспримерной славы на теле звезды футбольного репортажа, мама Джаника помчалась домой, советоваться с бабушкой Джаника, что делать в сложившейся ситуации.

8

А ситуация сложилась весьма интересная. Вернее, она не сама сложилась, а сложили ее умные люди. «Очень уважаемая семья, – гордо сказал папа Джаника. – Большая честь породниться с ними».

Бабушка Джаника выслушала зятя с тем выражением лица, какое бывает у человека, слушающего сводку по радио о том, что сейчас за окном светит солнце, в то время когда там идет проливной дождь и тучам нет конца.

На следующее утро она достала из шкафа свое лучшее платье, сменила в ушах простые золотые сережки на бриллиантовые и выехала в областной отдел народного образования, прихватив с собой большой кусок замечательной свежей брынзы и бутылек с молодым розовым вином домашнего разлива.

В тот же день, но позже, в ту пору, которую англичане именуют файф-о-клок, бабушка Джаника уже в сопровождении самого заведующего народным образованием, а также опытного специалиста по правонарушениям малолетних и подростков десантировалась в пятикомнатном хрустально-ковровом замке своих потенциальных родственников.

Мать невесты удостоила их улыбкой. Глава семейства, некогда пошедший по торговой части и успешно идущий по ней все дальше и дальше, принимая уважаемых гостей, счел нужным показать им весь товар лицом: одеяла верблюжьи и пуховые, покрывала сирийские, ковры персидские и армянские, сервизы немецкие и китайские с перламутром и золотом, хрустали чешские, мебель полированная инкрустированная арабская и много всякого батиста, шелка, бархата и плюша, а также серебряных подносов, ложек, ножей, вилок, подстаканников, люстр, бра и всевозможных золотых колец, медальонов, цепочек, браслетов в футлярах и футлярчиках.

Но десантники, возглавляемые бабушкой Джаника, не дрогнули. Даже опытный специалист по правонарушениям малолетних и под-

ростков подавила в себе тяжелый вздох сострадания к людям, обремененным такой непосильной собственностью. Начальник же отдела всего народного образования области строго попросил предъявить ему духовные ценности для молодой семьи. Бабушка Джаника хранила молчание, ее государственный ум напряженно работал. Она и бровью не повела, когда двое крупных дальних родственников хозяина дома выкатили в залу белый, как умирающий лебедь Сен-Санса, рояль зарубежной фирмы «Стейнвей». Хозяйка дома милостиво продемонстрировала всем новенькие чистенькие клавиши, которых не касалась рука хоть какого-нибудь человека, играющего на этом инструменте.

Ни слова не говоря, бабушка Джаника поднялась с места, подвинула к роялю первый попавшийся антикварный стул, и – та-та-та-та – прозвучала тема судьбы из симфонии глухого композитора Бетховена. Все присутствовавшие содрогнулись, потому что искусство имеет необъяснимую власть над людьми, даже над теми, кто, кажется, давно пошел по торговой части... Стало ясно, что развязка близка.

– Где же невеста? – спросила бабушка Джаника, и голос ее прозвучал, точно голос контролера «Предъявите ваш билет!» для безбилетного пассажира, и соколиный глаз ее уловил внезапно разлившуюся бледность в лице хозяйки дома.

В дверях появился Джаник в рубашке желтой, как солнце, и в новеньком жениховском пиджаке, а рядом с ним претендентка на священное звание жены. С точки зрения скульптурной формы от снеговой бабы ее отличало наличие ног и отсутствие метлы: она состояла из трех шаров разной величины – нижний шар, средний и верхний, голова.

Бетховена немедленно сменил Штраус, причем деревья в венском лесу понеслись с чудовищной скоростью.

– Вальс! – закричал начальник образования всей области. – Танцуйте!

– Танцевать! – по привычке скомандовала специалист по правонарушениям малолетних и подростков. – Вынуть руки из карманов!

Редкая самостоятельность Джаника, ярко проявившаяся в студенческие годы, видимо, обострилась после травмы, потому что, хотя танцевать вальс Джаник не умел и вообще назначение танцев понимал как возможность на глазах у всех помять особу противоположного пола, тем не менее он решительно вынул руки из

карманов и, возложив их на те участки тела кандидатки, которые, по его понятиям, соответствовали талии, не колеблясь, по команде, с места в карьер вовлек упирающуюся жертву в некое сложное вихревое движение. Оно со стороны напоминало борьбу нанайских мальчиков, что неудивительно, поскольку в первые же такты Джаник несколько раз всей тяжестью суровой мужской ноги в ботинке припечатал незащитные дамские пальчики в босоножках. Но мужественная претендентка не издала ни звука. Поначалу у нее еще был шанс сохранить себя для лучшей жизни, но она, видимо, упустила момент, а после уже решила стоически принять свой жребий, который был в прямом смысле брошен ей под ноги. Бабушка Джаника, несмотря на всю ответственность, которая лежала на ее плечах, не могла не пожалеть несчастную, когда та прямо-таки кулем зависла на Джанике, еле перебирая ногами.

Но деревья в венском лесу мелькали уже со скоростью урагана в горном ущелье, и этот ураган по всем законам термодинамики и сопротивления материалов непременно должен был кого-то погубить. И погубил! То ли Джаник притомился таскать свою ношу и крутить ее в разные стороны, будто пытаясь сбросить с себя, то ли бедняжка сама неосторожно разжала руки, конвульсивно сжимавшие ватные плечи жениховского пиджака, скорее всего, первое, но, во всяком случае, вихревое движение вдруг стремительно прервалось прямо под крылом белого лебедя «Стейнвея», и нанайские мальчики рухнули на пол бесформенной кучей, из которой внезапно возникла незнакомая голова в форме дыни, абсолютно лысая. Это была голова несчастной претендентки!

Умолкни Штраус! Умолкните все! И те, что за окном, и в соседней квартире! Всем замереть! Только так можно отдаленно представить себе тишину, в мгновение ока поразившую хрустально-ковровый замок. И в этой тишине бабушка Джаника, склонившись над нанайской кучей, медленно подняла черный паричок с челочкой, а затем устремила пронзительный взгляд на лысое темя ненареченной невесты, та при этом смотрела на нее с таким ужасом, описать который нельзя никакими сравнениями. Джаник судорожно стал отползать в сторону, может, он так бы и дополз до входной двери, но тут, точно с неба, упал торжествующий глас бабушки:

– Это лечится! Назад!

– Назад!! – в два голоса закричали начальник отдела всего образования области и опытный специалист по правонарушениям малолетних и подростков.

Повинуясь приказу, Джаник пополз *назад задом*. Отец претендентки нервно икнул, а мать забилась в истерику. Крупные дальние родственники подняли ее и куда-то унесли, откуда она появилась только тогда, когда все дело было уже слажено.

А дело теперь слаживали по указке бабушки Джаника, которая на правах победителя взимала контрибуцию, диктуя свои условия будущей жизни молодых, закрепив за собой навечно почетный титул Мудрейшей и Прозорливейшей, на которую, не приведи бог, пылинка слетит.

Но бабушка Джаника не была бы той, кем она была, если бы не заметила устремленный на нее взгляд с блестящего красного дерева паркета, взгляд, полный отчаяния и, как уже говорилось, ужаса, постепенно переросшего – в надежду. Несчастливая лысая невеста не сводила с нее глаз.

Когда в результате бабушкиной рецептуры через два месяца на этой голой дыне появились первые волосинки, их обладательница, безумная от счастья, целовала бабушкин фартук, висящий на вешалке, не смея даже прикоснуться к его владелице, боясь до нее дотронуться, как до святой.

– Может быть, ты не пойдешь за него замуж, – с жалостью сказала бабушка, когда волосы достигли уже такой длины, что их можно было причесать. – Подумай. Я не обижусь.

Но нет. Преданность в сердце не зависит от того, по какой части идут ваши родители, даже если они идут по торговой части. Преданность навсегда поселилась в сердце девушки, и это была преданность высокого рода, посвященная бабушке Джаника.

9

Да, бабушка Джаника сдержала свое слово – лысую голову невестки она вылечила еще до свадьбы. Саму свадьбу описывать не имеет смысла: много времени займет, и много места тоже – там всего было много. Бабушка Джаника была на этой свадьбе главным человеком, вся родня невесты перед ней трепетала, но она смотрела поверх всех и в душе утешала себя мыслью, что у новобрачной все-таки голова в форме дыни и Джаник будет под правильным надзором.

Так оно и получилось. Через год у молодых родилась девочка, а еще через два года мальчик, и бабушка Джаника радовалась, глядя на маленькие дыньки, покрытые младенческим пухом. Джаник

по-прежнему работал начальником в своем комбинате — бабушка категорически запретила тестю устраивать его на какую-нибудь более доходную должность, чтобы, не дай бог, не разлучить молодых тюремной решеткой. Проблем с рубашками у него больше не было. И не только с рубашками, вообще не было проблем. Молодая жена и две пожилые родственницы и еще одна приходящая работница изрядно несли семейную службу быта. Жизнь протекала, как шаловливая горная речка, — если и бурила, то от полноты, а не от ненастья.

В жаркие месяцы все семейство приезжало в большой бабушкин дом, поближе к природе, то есть к абрикосам, козьему сыру, медовым сотам и лесным орехам. Вечером, когда жара спадала, много народа собиралось за столом: прежде всего бабушка Джаника, его родители, братья и сестры, кое-какие родственники отца и кое-какие матери и бесчисленные дети — свои, пришедшие в гости, соседские, всех возрастов и всех степеней чумазости. Ели, пили, уплетали все подряд, только подавай, в один присест уничтожали плоды женского труда за целый день. До чего ж ненасытная утроба человеческая, что в нее ни кинь, все там сгорит, и долма с кислым мацони, и лобио, кинзой пересыпанное, и курица в ореховом соусе, и даже если просто чурек маслом намазать, кусочек брынзы положить — вкусно!

А попозже, уже ближе к ночи, выносили из дома какой-нибудь из разнообразных инструментов, чаще всего гитару или аккордеон, и бабушка играла, а все остальные пели. Бабушка Джаника играла на всех инструментах, какие только водились по обе стороны Кавказского хребта, ей и гусли и ксилофоны были нипочем, и всю жизнь она обучала этому искусству детей и взрослых, потому, если кто хорошо пел или играл на каком-либо инструменте, все знали — уж непременно у нее учился.

Поначалу Джаник тоже пел, громко, самозабвенно, очень стараясь, чтобы его голос не затерялся среди других голосов, пока однажды бабушка строго не сказала ему:

— Тебе вредно так напрягаться. Ты и без того сильно устаешь на своей работе. Мы будем петь для тебя, а ты отдыхай.

И Джаник в который раз подивился ее мудрости. С тех пор он уже не пел вместе со всеми, отдыхал, сидя в плетеном кресле, попивал домашнее красное вино, подремывал... Звенела музыка в вечернем саду, далеко разносились голоса поющих, и так делалось

хорошо на душе, что грусть закрадывалась и даже хотелось немножко поплакать, совсем немножко, не по-настоящему...

10

Но не всё в жизни радости, бывает и горе. Его не ждешь, а оно обрушивается тебе на голову – и всё, конец твоему счастью, твоему покою, что там у тебя есть, – всему конец, дальше твоя жизнь потечет по-другому, если вообще потечет. Вот так случилось, когда бабушка Джаника умерла. Не хотелось бы мне об этом рассказывать, тяжело об этом думать и говорить тяжело, а что поделаешь?.. Может быть, там, куда унеслась ее душа, там ей и лучше, чем среди нас, грешных и пустоголовых, но нам-то без нее каково... Умерла она так легко, что будто не умерла, а улетела куда-то. В понедельник рукой за сердце схватилась, ой, говорит, дочка, что-то сердце защемило. А потом вроде все ничего, отпустило. Но на следующее утро она не проснулась.

Бабушка Джаника была к тому времени уже немолодой, прямо-таки старой, но почему-то и соседи и родня, узнав горестную новость, первым делом ойкали «Рано», «Ой, рано» – может быть, потому, что их собственная жизнь продолжалась, а представить свою жизнь без нее они не могли. Так они все ойкали, пока, наконец, мама Джаника не остановила очередное «Ой, рано» строгим замечанием «Ей лучше знать» – все-таки она была дочь своей матери и многие вещи понимала.

На похороны помимо ближней и дальней родни, соседей, односельчан, многочисленных учеников, играющих на всех инструментах, а также бывших больных, вылеченных ею от не постижимых для науки болезней, приехали еще и начальники из области и все главные специалисты отдела народного образования. Из духовных лиц были мулла, два священника разных церквей, молоканский староста и один помощник раввина, по виду совсем еще мальчик. Если бы не дождь, ливший со дня смерти до дня похорон, который помешал добраться многим из отдаленных селений, было бы еще больше народу, но и так траурная процессия растянулась на всю улицу. Водяные струи стекали с гроба, по цветам, по обнаженным головам мужчин, смешивались со слезами рыдающих женщин и плачущих детей, скатывались с белой крышки роля «Стейнвей»,

который несли торговые родственники жены Джаника. Рояль отныне будет стоять на могиле бабушки, чтобы душа ее на том свете всегда была уверена в том, что, когда ей захочется поиграть какую-нибудь славную музыку, выглянет она с того света, посмотрит на землю и увидит, что рояль тут как тут, ждет ее, и поиграет в свое удовольствие.

Вся земля вокруг рыдала и плакала, прощаясь с бабушкой Джаника. Но едва многоликая многонациональная процессия выбралась за околицу и направилась вверх по тропе к кладбищу, внезапно выглянуло солнце, его золотой луч прорезал тучи, и дождь прекратился, а через все небо выгнулась разноцветная радуга, соединяя края земли. Клянусь, бывают и люди как радуга... И когда они уходят от нас, без них и свет меркнет, и все вокруг делается линияльным и обыденным, и каждый остается на том краю земли, где стоял, в полном одиночестве. И только в память впечатается ни с чем не сравнимое чувство изумления, что была эта встреча в твоей жизни, подарок судьбы, фантастическое чудо, как белый рояль «Стейнвей» в капельках воды, возвышающийся под голубым небом на освещенной солнцем кладбищенской горе, и над ним радуга...

11

Дальше я собиралась рассказать о том, как складывалась жизнь Джаника после смерти бабушки. Но, честно говоря, я потеряла интерес к нему и к его жизнеописанию. Круглоголовые хороши только в контрасте, на фоне чужой мудрости и благородства, а так, сами по себе, они быстро надоедают. Поэтому вы уж меня простите, если я буду краткой.

Прошел год, потом другой, потом еще несколько. Время двигалось медленно, однообразно, без всяких достойных событий. Обсуждали в основном, у кого что есть и где достали. Но потом неожиданно повсеместно возникла новая тема в разговорах — изменение климата. Все кругом заговорили, что климат вскоре глобально потеплеет, уровень моря поднимется, Кавказский хребет, конечно, не затопит, но покоя никому от парникового эффекта не будет. Жена Джаника с тревогой смотрела на детей — не за горами институт, а как учиться при глобальном потеплении, ведь и так жара эта всем осточертела. Сам Джаник продолжал пребывать в безопасности, но все-таки и на него действовало ежедневное ожидание природных катаклизмов.

Поддавшись уговорам жены, он решил, что пришла пора оказать моральную поддержку семье сына четвероюродного брата бабушки Джаника, проживающего в городе Химки, в связи с изменением климатических условий в вышеозначенном городе. Однако, как выяснилось в результате срочных телефонных переговоров, ничего чрезвычайного в городе Химки не наблюдалось, и местный климат продолжал сохранять свои достоинства и недостатки, ни в чем не отклоняясь от стандарта зимы, осени, лета и весны. Как и все на свете, климат, очевидно, изменялся глобально неравномерно, и этой несправедливости надо было как-то противостоять.

Опустим ненужные подробности – сомнения матери Джаника, заверения его жены в том, что она не выпустит мужа из поля зрения, проверка денежных ресурсов тестя и прочее в том же духе. В итоге всей этой суеты, с разговорами-переговорами, посещениями и заявлениями, бумажками, официальными и зелеными, через месяц Джаник, вместе со всем семейством, уже прогуливался по улицам города Химки, мимо больницы, где когда-то много лет назад его бабушку наблюдали светила диагностики, мимо рынка, где его приветствовали знакомые земляки, владельцы овощных прилавков, мимо газетного киоска на углу дома, где сын четвероюродного брата бабушки снял для них квартиру. В этом киоске Джаник однажды, будто по наитию, купил дешевую брошюрку под названием «Анекдоты», которая и определила его дальнейшую судьбу.

12

Брошюра эта содержала, помимо собственно анекдотов разной степени бородатости, еще и шутки – их прежде называли по-одесски хохмами, а теперь молодежь называет приколами. Особой разницы в этих словах нет, и происхождение у них одинаковое – уголовное, и тому и другому есть вполне достойная параллель в нормальном русском языке, так что спокойно было бы и без них обойтись, но вот, поди ж ты! Для чего возникают в языке эти заморочки – в таких тонкостях русского языка, наверное, только бабушка Джаника смогла бы разобраться.

Так вот, одна из хохм, то есть приколов, в этой брошюре была следующего содержания: «Я мечтаю уложить тебя в постель, чтобы ты задыхалась и стонала в моих объятьях. Твой грипп». Фраза эта, помещенная в разделе «Юмор наших читателей», буквально

ошеломила Джаника, она пронзила все серое вещество его мозга. Тут же, немедленно, еще продолжая держать в руках судьбоносную брошюру, он сочинил «ответ»: «Мечтаю о встрече. Я задушу тебя в своих объятиях! Твоя...» Он задумался, в голове вертелось «Ангина, твоя ангина», но как-то это звучало вяло, неубедительно, а хотелось, чтобы сразу все было сказано... И вдруг его осенило, слово пришло само: чума, твоя чума! Вот она музыка сфер или фанфар, некогда было разбирать: «Мечтаю о встрече. Я задушу тебя в своих объятиях! Твоя чума».

Он повторял свое только-только народившееся произведение, шептал, шептал, точно в забытьи. Господи помилуй, ведь он же автор! Самый настоящий автор! Он писатель! Гоголь! Инженер человеческих душ! Как он жил до сих пор – точно крот в норе! Теперь он будет парить в вышине, как орел!

Когда на человека нисходит призвание, то оно вовлекает его в водоворот столь сильных чувств, что они запросто могут любого лишить разума. Любого, но только не Джаника.

– Бумагу! – закричал он на всю улицу. – Дайте бумагу и чем писать!

Больше всего на свете он в этот момент боялся забыть свой шедевр.

На следующий день с заветным листком бумаги на груди он излагал своему химкинскому родственнику план взятия Останкинской башни, с целью внедрения его, Джаника, на первый, второй и все остальные каналы телевидения, где он оживит усталый российский юмор, подкрепив его своим свежим сочным взглядом на мир. Тамошний отдел юморин, смехотрона и улыбаек воскреснет благодаря ему.

Химкинский родственник выслушал его благосклонно. И Джаник непременно возглавил бы звездную шеренгу телеведущих, поддержанный мощной рекламой сушеной моркови, отчаянно борющейся с перхотью, и малогабаритных пылесосов, применяемых при возгорании как подручный огнетушитель, но... Родственник почему-то передумал внедрять в сознание телезрителей морковь-антиперхоть и пылесос-огнетушитель посредством юмора Джаника. Реклама этих выдающихся научных достижений в скором времени заняла достойное место на всех каналах телевидения, но Джаник, увы, остался в стороне от их триумфального шествия по голубому экрану.

Тайными стараниями жены, перенявшей эстафету у покойной бабушки Джаника, он был лишен высокого поста на телевидении, который уже мерещился ему в мечтах, и посажен директором общесемейного ресторана, как прежде в дни своей юности директором бытового комбината. А чтобы чем-нибудь занять его ежедневный досуг, химкинский родственник, тоже не лишенный литературных притязаний, выделил некую сумму на новенький с иглолочки журнальчик «Смешок», где и посадил Джаника главным кассиром, в смысле главным редактором. Журнальчик был спшит специально на его фигуру и потому нигде не жал, позволяя Джанику пребывать в приятном, соответствующем валютному курсу творческом вдохновении.

Вдохновение ему теперь требовалось в большом количестве, поскольку он вел рубрику под названием «Жить стало веселее», которую придумал себе сам, из номера в номер заполняя ее своими наблюдениями над окружающей действительностью. Джаник шлифовал свои произведения и днем и ночью и, гордясь плодами своего гения, порой вскрикивал от удовольствия, мол, ай да молодец я. Все чаще его величали по имени-отчеству, ему это льстило, и короткое детское имя его постепенно забывалось.

Многие известные юмористы не гнушались печататься в «Смешке», так как банк «Химинвестбуолинг», возглавляемый химкинским родственником, неплохо оплачивал каждую их строчку. В силу последнего обстоятельства один из моих коллег решил помочь мне справиться с финансовыми трудностями и предложил Джанику опубликовать в «Смешке» мой небольшой рассказ. Даже не заглянув в текст, Джаник наотрез отказался его печатать. «Женщина не может писать юмор, — сказал он твердо. — Юмор могут писать только мужчины, потому что для этого нужен большой интеллект. Женщина может писать детективы, мелодрамы, стихи про любовь. Для этого интеллект не нужен».

Изумленный коллега пересказал мне этот пассаж, смеясь и смущаясь одновременно, под конец добавив, что ходят упорные слухи, будто Джаник все-таки вскоре появится на телеэкране в роли ведущего авторской программы «Смешок на посошок». «Ты в это веришь?» — спросил он меня.

Мне не хотелось ему отвечать. Я вспомнила бабушку Джаника, как она причитала, когда он появился на свет, убивалась, что внук

родился круглым дураком. Мудрейшая и прозорливейшая, могла ли она вообразить, что настанут такие времена, когда круглые дураки возьмут нас в плотное кольцо и будут нас учить, просвещать и воспитывать, а также лечить, строить дома, мосты, политику и экономику, что мы окажемся заложниками их ни чем не ограниченной глупости – *кругом!*

Я вспомнила ее лицо, твердый чеканный профиль, ясный взгляд и добрые руки. И мне захотелось все немедленно бросить и с места в карьер рвануть туда, в сторону Кавказского хребта, чтобы повидаться с ней, посидеть в ее саду, послушать ее истинные слова. «Не унывай, – повторяла она мне не раз. – Почему ты, как увидишь, что все плохо, крутом одни дураки и подлецы – так сразу в уныние впадаешь? Что тут особенного? Люди как люди. Таков мир был, таким останется... И ты не унывай. Ты – смейся!..»

Дорогая бабушка круглого дурака Джаника! Я следую Вашему завету – стараюсь не унывать и смеяться. Иногда у меня это получается, а иногда нет. Там, где Вы теперь, там нет ни глупых, ни умных, там перед божественным светом все равны... наверное... я так предполагаю... Поскольку я за свои грехи вряд ли туда попаду, то мне остается только верить, что Вы там, что Вам оттуда нас хорошо видно, всех нас, в том числе и Вашего внука Джаника, набитого собственной глупостью, и меня, смеющейся над ним, как над анекдотом. И еще я верю, что Вы по своей доброте и там устраиваете так, чтобы мне на земле все-таки чуть свободнее дышалось. Во всяком случае, я точно знаю, что Царство Небесное было в Вашей душе, а значит, оно и теперь там, где она пребывает вовеки.

Об автораI

Авалиани Дмитрий (1938–2003) – выдающийся поэт, создавший свой особый род визуальной поэзии – кинетические каллиграфемы. Сборники стихов: «Лазурные кувшины» (2000), «Я суц? – Тщуся» (2007), «Дивносинее сновидение» (посмертное издание 2011).

Публиковался во многих антологиях и коллективных сборниках.

Бубнов Александр – поэт, визуальный поэт, филолог (доктор филологических наук, профессор РГСУ, Курский филиал; автор 2-х диссертаций по проблемам языка палиндрома).

В 1992–1997 гг. издавал газету и журнал о палиндромах «АмфиРифмА». Организатор фестиваля «Курский контекст».

Лауреат международного поэтического конкурса имени Петра Вегина (проект «Серебряный стрелец», 2009). Победитель Шестого Пражского международного литературного фестиваля в номинации «Публицистика» (2013 г.).

Книги стихов и палиндромов: «А ЛИРА ДАРИЛА» (Курск, 1992), «Быть хорошим и разным» (Курск, 1992), «Первая книга тысячеления» (М., 2001), «7x7» (М., 2009) и др.

Стихи, визуостихи, палиндромические стихи, эссе, песни, рецензии печатались в различных сборниках и периодике: Антология русского палиндрома, комбинорной и рукописной поэзии (М., 2002); Бирюков С.Е. Року укор: Поэтические начала. [Антология] (М., 2003); «Антология ПО» (М., 2007).; в газете «Книжное обозрение»; в ж-лах «Волга», «Смена», «Футурум-АРТ», «Персона», «Russian Literature» (Голландия), «Черновик» (США), «Стегоскоп» (Франция), «MADI art periodical» (Венгрия) и др.

Член Российского союза профессиональных литераторов и Русского ПЕН-центра. Живет в Курске.

Ванталов Борис (Б. Констриктор) – поэт, прозаик, художник.

Книги стихов и рисунки: «Стихотворения» (1993), «Конец цитаты», «Уголовник» (графика) (1995), «Стихограф» (совм. с Р. Элининым) (2003), «Записки неохотника» (2008), «Слова и рисунки» (2010).

Публиковался в сборниках самиздата, антологиях, в коллективных сборниках, в альманахе «Черновик», журналах «Крестьянник», «Меценат и Мир», «Арион» и др.

Участник многих коллективных выставок в Ленинграде–Петербурге, Москве и за рубежом.

Член С.-Петербургского союза литераторов. Живет в Петербурге.

Вязмитинова Людмила – литературный критик, поэт. Книги стихов: «Пространство роста» (1992), «Монета» (1997). Книга эссе «Tempus

Deliberandi» (в соавторстве с А. Цукановым, 1998), прочитанных в рубрике «Своя колокольня» на «Радио России». Публикации в журналах «Знамя», «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Дружба народов», «Крещатик», «Урал», «Топос», газете «НГ» (приложение «НГ-Ex Libris») и других периодических изданиях. Член Союза писателей Москвы и Московского союза литераторов. Живет в Москве и Нью-Йорке.

Вяткин Михаил – поэт, занимается визуальной поэзией.

Книга стихов «После абсурда» (М., 2008). Публикации в журналах «Журнал Поэтов», «Журнал клуба литературного перформанса и салона «Премьера», «Дети Ра», «Меценат и Мир», «Русский журнал», «Книжный портфель» и др.; в альманахах «Треугольное колесо», «Стых», и др.; в сборниках по итогам фестивалей свободного стиха; в интернет-проектах «Полутона», «Text only», «Другое полушарие», «Подвал № 1» и др. Визуальные работы опубликованы в альманахе «Черновик», на сайте «Антиподы» (проект «Чистый концепт»), в журнале «Диалог культур» и др. Участник выставки «Дом со стихами» (Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, М., 2006), 4-й Московской биенале современного искусства (2011), выставки «Открытое письмо» (Музеон 2012), выставки визуальной поэзии, посвященной поэтическому фестивалю «Лапа Азора» («Зверевский центр современного искусства», М. 2010), выставки «ПОЭ:ЗЫ или Слова показывают» («Зверевский центр современного искусства», М., 2011).

Галечьян Валерий – поэт, прозаик, график. Родился в Ленинграде.

Библиография: «Аналитическая поэзия». Сборник поэм (1991), «Манифест». Сборник поэзии (1994), «Буддийский дневник». Сборник поэзии, компьютерная графика (2004), «От и до...» Сборник поэзии, графика (2004).

В соавторстве с В.А. Олышанецким книги: «Страна роботов». Сказка (1990), «Взрыв». Повесть (1990), «Месть эка». Роман (1993), «Четвертый Рим». Роман (1994), «Византия». Роман (2004).

В 1995–2013 годах на персональных и коллективных выставках в Санкт-Петербурге и Москве представлено более 500 произведений, выполненных в традиционной и компьютерной графике.

Член Союза писателей Москвы. Живет в Москве.

Коблер Эсфирь – прозаик, критик, эссеист.

Библиография: книга эссе «Истоки европеизма» (2007, изд. второе доп. 2009), книги прозы «Время разбрасывать камни» (1999), «Плоть времени» (2009). Автор и руководитель интернет-проекта «Россия – далее везде».

С 2000 по 2009 год печаталась в журналах: «Истина и жизнь», «Вектор творчества», «Литературные незнакомцы», «Мост», «Стороны света» (США), «Край городов», «Рефлект» (США), «Арго», альманахах «Лира», «Диалог», «Комментарии», «Меценат и Мир», сетевых журналах «Топос», «Вечерний

Гондольер», «Точка зрения».

В интернет-издательстве izdat-knigu.ru вышли следующие книги: «Истоки европеизма», «Исторический орнамент», «Недетские повести для подростков и взрослых», «О книге книг», «Плоть времени», «Размышления по поводу» (литературно-критические статьи), «Сны и сновидения», «Странники среди звезд», «Чичиков. ру».

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Кузьмина Наталия – океанолог, литератор. Доктор физико-математических наук. Книги стихов: «Издалика и вблизи» (1999), «Nymphalidae» (2005), «Последовательности» (2011).

Проза и стихи публиковались в журналах «Арион», «Соло», «Крещатик», «Футурум-Арт», «Меценат и Мир», в альманахах «Черновик», «Тритон», «То самое электричество», «Солнце без объяснений»; в антологиях «Очень короткие тексты», «Жужукины дети», в электронном издании «Лавка языков» и др.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Лаврухин Александр – художник, эссеист, поэт.

Персональные выставки в музее-квартире А.Н. Скрябина, в музее-квартире М.А. Булгакова, во многих галереях и музеях Москвы, Петербурга, Пензы, в музее М. Шагала в Витебске, также в Доме российской культуры в Вашингтоне. Публиковался в различных коллективных сборниках и журналах.

Издания: «Поиски плохой погоды» (2000), «Не столько Петербург» (2002).

Член Московского союза литераторов. Член Творческого союза профессиональных художников. Живет в Москве.

Мельников Вилли – поэт-экспериментатор, работающий со многими языками, фотохудожник, также снимается в кино. Разработал свою методику изучения языков (лингводайвинг). Стихи пишет на всех языках, которые изучает (знает больше 100 языков). На русском языке часто использует так называемую муфталингву.

Автор сборника стихов «Фобософия» (2004).

Участвовал в различных выставках со своими лингвогобеленами, фестивалях верлибра и визуальной поэзии.

Живет в Москве.

Михайловская Татьяна – поэт, прозаик, литературный критик.

Сборники стихов: «Вечерний свет» (1982), «Солнечное сплетение» (1995), «То есть» (совместно с Р. Элининым, 1998), «Парад-алле» (2005), «Отражения в воде» (2009), «Земные времена» (2011); сборник рассказов «Ерундопель и другие...» (2009).

Публикации в отечественной и зарубежной периодике: альманахе «Черновик», журналах «Меценат и Мир», «Нева», «Крещатик», «Арион», «Арагаст», «Кукумбер», «АКТ», газете «Русская мысль», в различных антологиях и сборниках.

Автор выставочного проекта «Дом со стихами» (выставки в Государственном музее В.В. Маяковского (2001), в Государственном музее декоративно-прикладного искусства (2006)).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Осипова Наталья – поэт, прозаик.

Библиография: «Несколько рассказов и стихотворений» (2001). В коллективных сборниках: «Авторник» (2002, 2005), IX Московский фестиваль свободного стиха. (3-4 мая 2002); Русский верлибр и итоги века. Стихи участников фестиваля (Москва. Московский государственный музей Вадима Сидура, 2002). «По непрочному воздуху». По следам XI Московского фестиваля верлибра (Москва. Словацкий институт, 29-30 мая 2004), «Актуальная поэзия на Пушкинской-10: антология» (2009), «Перекрестное опыление. Антология одного стихотворения» (2011).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Сафранский Валерий – поэт, прозаик, фотограф.

Активное участие в деятельности литературного объединения при Хабаровской писательской организации было пресечено совместными силами СП и КГБ и закончилось лагерным сроком.

С 1987 года член московского клуба «Поэзия».

Библиография: «Фрагменты не бытия» (1994) и «Возвращение Нарцисса» (1995).

Публиковался в российской и зарубежной периодике. Лауреат международного фестиваля свободного стиха «Европейский дом» (1989). Участник поэтических антологий. Составитель и автор сборника верлибров «Европейский дом». Автор и организатор коллективной литературной манифестации «уникалистов» совместно с Г. Сапгиром, В. Куприяновым, Н. Искренко, Л. Кропивницким, и др. (1993).

В начале 90-х издавал международный поэтический журнал «Воум!».

Член Союза писателей Москвы. С 1995 г. живет в Германии.

Сигей Сергей – поэт, прозаик, занимается визуальной и саунд-поэзией, литературовед, исследователь Авангарда.

Участник многих выставок и фестивалей. Издавал самиздатские журналы «Дабл» и «Транспонанс».

Публикации в журналах в России и за рубежом.

Лауреат премии Андрея Белого за 1998 год в номинации «За особые заслуги» (совместно с Ры Никоновой).

Книги: «Собуквы» (М., 1996), «Армейско-арамейские стихи» (Мадрид, 2001), «Шедеврѐз» (Мадрид, 2003), «Драматичеы и другие птицы» (Мадрид, 2003).

Живет в Киле (Германия).

Твердислова Елена – поэт, прозаик, литературовед, переводчик.

Канд филол. наук. Автор двух поэтических сборников, романа «Рисунок тени», книга о Папе Римском Иоанне Павле II, Чингизе Гусейнове и Филиппе Вермеле, исследований о В. Гавеле и Ф. Горенштейне.

Переводчик с польского сочинений Иоанна Павла II, Юзефа Тишнера, прозы М. Хласко, И. Ольчак-Роникер.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Цуканов Андрей – поэт, литературный критик, переводчик. Книги стихов: «Акт» (1992), «Тридцать три» (1996). Книга эссе «Tempus Deliberandi» (в соавторстве с Л. Вязмитиновой, 1998), прочитанных в рубрике «Своя колокольня» на «Радио России». Публикации в журналах «Знамя», «Новое литературное обозрение», «Арион», «Прогнозис» и других периодических изданиях. Автор учебника по истории философии для школьников (1999). Перевел с английского несколько книг американских авторов, в том числе 1-й том двухтомника Ричарда Пайпса «Петр Струве, биография» (2001). Член Московского союза литераторов. Живет в Москве и Нью-Йорке.

Юлина Наталия – поэт, прозаик.

Сборники стихов: «Закатный бес» (2002), «Зеленая луна» (2009); книга прозы «Чужая» (2006). Проза публиковалась также в антологии «Очень короткие рассказы» (2000), сборнике «Литературные страницы» (2007), журнале «Меценат и Мир».

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Компьютерная вёрстка Осепян Л.О.

Сдано в набор 8.04.2013.

Подписано в печать 8.07.2013. Заказ № 295.
Бумага офсетная. Формат 60х84/16. Объем 9 п.л.

Тираж 250 экз.